

Евгений Капба

Седьмая вода
Аркан

Annotation

Долгое время вдали от дома, возвращение и удивительные новости: оказывается, он — один из вероятных наследников герцогского скипетра! И количество претендентов стремительно сокращается. Причиной тому череда случайностей или чья-то злая воля — одному Богу известно. А скипетр — это, знаете ли, такая головная боль, которая молодому сумасбродному ваганту из весьма экстравагантной семейки и даром не нужна. Хотя, если выбирать между скипетром и ударом по голове вкупе с путешествием в вонючем трюме — проблема предстает совсем в другом свете...

Вино падало на стол крупными рубиновыми каплями, которые бились о дубовые доски столешницы и разлетались мельчайшими брызгами во все стороны. Струйки стекали по темным волосам, орлиному носу и крепко сжатым губам молодого человека, пачкая воротник и рукава потертого, пыльного серого камзола.

Это было похоже на классическую подставу. Не то что бы на свете Божьем совсем не было людей, которым хотелось бы укокошить какого-нибудь молодого Аркана... Всегда найдется пара дюжин недоброжелателей, желающих выпотрошить кого-нибудь из этой семейки!

Но тут было нечто другое. Этот мерзавец в кричащем малиновом наряде пришел сюда с конкретной целью — найти Рема Тиберия Аркана и убить его у всех на виду. Показательно.

В высших слоях общества такое убийство называют дуэлью.

Рем знал его, знал этого бретёра. Видел даже парочку его поединков: он шинковал своих противников в капусту, используя для этого одноручный меч и дагу. Батист дю Бесьер — вот как его звали. Он приехал в герцогство года четыре назад из центральных провинций, и уже прославился, прикончив несколько человек по надуманным поводам. Наверное, получал за это неплохие деньги.

Батист дю Бесьер смотрел на Рема сверху вниз, презрительно прищутив глаза. В руке у него был пустой стеклянный бокал.

— Когда всякое ортодоксальное быдло отказывается уступать место рыцарю, я вышвыриваю его вон, — сказал Батист дю Бесьер и потрогал свою золотую цепь, этот неприменный атрибут рыцарского сословия.

Боже, это так банально — ссора из-за места за столом в таверне! Рем не торопясь поднялся, отодвинув ногой скамейку, и теперь настала его очередь смотреть на бретёра сверху вниз. Благо, Арканов Боженька ростом не обидел.

— Маэстру дю Бесьер называет быдлом аристократа? — уточнил он, положив руку на эфес палаша и понимая, что путей для отступления в общем-то нет.

Если бы бретёр оскорбил Рема лично, тот, скорее всего, утерся бы и доел свой завтрак. Молодой Аркан здраво оценивал свои силы, и понимал, что в девяти случаях из десяти дю Бесьер успеет прикончить его прежде, чем получит в ответ хотя бы царапину. Но Рем был ортодоксом, так что никак не мог пропустить мимо ушей упоминание своей религиозной принадлежности в оскорбительной форме.

— Я не вижу здесь аристократа, — дожимал дю Бесьер.

«Давай-давай, скажи еще про рабство и клеймо!» — подумал Рем.

— Только заклеянную ортодоксальную скотину, — закончил бретёр.

Посетители таверны уже окружили их и внимательно прислушивались к разговору. Большая часть из них придерживалась ортодоксальной конфессии. Обычные горожане — мастеровые и служащие, заведение было не из дорогих. Так что право защитить оскорбленные чувства верующих легло на внезапно ссутулившиеся аристократические плечи Рема.

— Что ж, маэстру, — нарочито вежливо проговорил он. — Прогуляемся во двор. Каждый со своим оружием, до первой крови.

— До смерти, скотина, — процедил Батист дю Бесьер сквозь зубы и вышел, громко хлопнув дверью.

Рем достал платок и утерся, а потом сунул руки в карманы, чтобы скрыть предательскую дрожь ладоней. Аркану стыдно бояться? Настоящий Аркан отвечает на оскорбление ударом, на удар — убийством, на убийство — резней всех сродников до седьмого колена?!

Ему было не привыкать слышать в свой адрес пренебрежительные высказывания о «жидкой крови» и «мякотелости». Децим Аркан, его старший братец, вышел бы во двор сразу следом за бретёром и прикончил бы его как собаку, а потом вернулся бы и доел свой завтрак. Отец не стал бы доедать завтрак, он, скорее всего, прицепил бы труп дю Бесьера к стремяни коня, и до заката скакал бы по городу, проклиная бретеров, рыцарей и всю оптиматскую иерархию. Но Рем не был слишком похож на старшего брата, и уж точно не являлся копией своего отца. Парню было действительно страшно.

— Есть здесь кто-нибудь, кто хочет быть моим секундантом? — спросил он.

Толпа раздвинулась, пропуская пожилого господина в потертом коричневом камзоле. Он опирался на трость, прихрамывая на левую ногу.

— Диоклетиан Гонзак к вашим услугам. Почту за честь представлять ваши интересы... Тиберий Аркан, я полагаю?

Гонзак? Рем никогда о таком не слышал... Но явно ортодокс, раз не добавляет это дурацкое «дю»!

— Да-да... Я — Аркан. Мы договорились драться своим оружием, во дворе, до смерти... Я бы предпочел кру попросторнее. Если вы проследите, буду вам безмерно благодарен, маэстру Гонзак. Скажите моему противнику, что я к его услугам через несколько минут.

Новоявленный секундант кивнул и вышел вслед за дю Бесьером, а Рем направился в уборную. За его спиной слышались разочарованные возгласы. Как же: аристократ — и не стремиться обнажить оружие как можно скорее!

Поплескавшись под рукомойником, Рем проверил, легко ли ходит клинок в ножнах, зачем-то потопал каблуками ботфортов и поправил обшлага на рукавах камзола. Что бы там ни было, он не собирался давать подонку шанс убить себя в одно касание. Эта сволочь намучается, пока будет его убивать...

Страх, заполнивший душу Рема, постепенно перерождался в ярость. Он ненавидел себя в такие минуты, ненавидел бояться, чувствовать себя слабым и уязвимым. «В конце концов, самое поганое, что может случиться — это смерть!» — подумал парень.

— А смерть в этом мире — это в порядке вещей... — прорычал он в облупленное зеркало, глядя в глаза своему отражению.

Одернув камзол и пригладив отросшие за последнее время волосы, Рем Тиберий Аркан положил руку на эфес палаша и прошествовал по общему залу таверны к двери. Люди уступали ему дорогу и за спиной слышались комментарии:

— Глянь, как вышагивает! Как на свадьбу собрался!

— Чегой-то молодой маэстру так скалится? Ощерился, страшное дело!

— Ой, будет добрая драка...

Пинком распахнув дверь, Аркан подумал о том, что доброй драки точно не получится.

Следом за ним во двор повалил народ, добавив столпотворения и хаоса в небольшое пространство перед таверной.

Дю Бесьер уже разминался, сняв камзол. Он явно красовался: ни кольчуги, ни даже наручей у него не было, поверх кружевной рубахи — только расшитый золотом малиновый жилет. Меч и дага мелькали в руках дуэльных дел мастера, сверкая на солнце и выписывая в воздухе замысловатые кренделя.

Секунданты сошлись в центре круга. Круг был отличный, шагов десять в диаметре. Маэстру Гонзак всё сделал как надо!

— Бой до смерти, каждый использует собственное оружие, которое имеется при нем в данный момент.

— Маэстру желают примириться? — спросил секундант бретёра.

— Если маэстру дю Бесьер признает свои слова ошибкой и принесет мне извинения за разлитое вино — то я буду рад закончить дело миром, — сказал Рем.

— Я забью тебя как свинью, — ответил Батист дю Бесьер.

Диоклетиан Гонзак осуждающе покачал головой, подождал мгновение и сказал:

— Поединок между маэстру Батистом дю Бесьером и маэстру Тиберием Арканом проходит в присутствии секундантов и свидетелей, о чем до заката будет доложено в резиденцию коннетабля согласно Дуэльному кодексу. Приступайте!

Дю Бесьер, пританцовывая, вышел в центр круга. Он был на голову ниже молодого Аркана, но гораздо более крепкого телосложения. Его слава как фехтовальщика была всем хорошо известна.

Отцепив портупею с палашом, Рем выдернул клинок из ножен и бросил их на землю. Сделав для разминки несколько рубящих движений, он шагнул в сторону дю Бесьера.

Бретёр атаковал быстро, резко, неожиданно. Рем отпрыгнул, еле успел парировать оба его выпада, нанесенные и мечом, и дагой, и тут же сам бросился в атаку, нанося множество коротких колющих ударов.

Дю Бесьеру удалось достать Рема почти сразу, и из правого предплечья Аркана уже текла кровь на камзол, и капала на землю. Скоро рука ослабнет, и всё будет кончено...

Прыжком в сторону Рем переместился так, чтобы солнце оказалось за спиной у врага. Тот ухмыльнулся, обрадованный своим явным преимуществом и надел на парня, и снова достал — лезвие даги оставило кровавую полосу на левом бедре. Отпрыгнув назад, Аркан услышал разочарованный гул: как же, бежит как последний трус!

Плевать! Воспользовавшись секундной передышкой, поймал отполированным до блеска клинком палаша лучик солнца и пустил в лицо противника солнечный зайчик. А потом перебросил палаш в левую руку.

Такой маневр вызвал новую ухмылку на лице бретёра: для него это значило, что Рем истекает кровью, и правая рука его уже ни на что не способна, и он хитрит, пытаясь использовать какие-то мелочи.

Неловко отразив два явно пижонских финта мечом, Рем как-то по-особенному пошевелил кистью правой руки. Никто не заметил, что именно он теперь сжимал в кулаке.

Черта с два и дю Бесьер обратил на это внимание, красуясь перед публикой и нанося удары поочередно: то мечом, то дагой. Он думал, что всё кончено и играл с Арканом как кошка с мышкой.

Рем снова отпрыгнул, а потом по-разбойничьи свистнул и резким движением руки отправил в полет по кругу тяжелую гирьку, которая тонкой прочной цепочкой крепилась к его правому запястью.

Завершением траектории должен был стать висок дю Бесьера, но реакция у бретёра была отменная, и, несмотря на замешательство, он успел отдернуть голову, и коварное оружие задело ему только кончик носа.

Однако эффект был достигнут! Целый поток крови полился из его носа, окрашивая красным рот, плохо выбритый подбородок, рубашку и отвратительный малиновый жилет. Бретёр грязно выругался, замешкавшись.

Воспользовавшись этим, одним плавным движением Рем сократил дистанцию и изо всех сил наступил на пальцы правой ноги врага подкованным каблуком ботфорта, и тут же воткнул острие палаша ему в бедро. Дю Бесьер завопил и попробовал отступить, но потерял равновесие и рухнул на землю.

Рем приставил к его шее кончик клинка и проговорил, прерываясь, чтобы отдышаться:

— Маэстру дю Бесьер, я предлагаю вам... принести извинения лично мне... и раскаяться в своих словах, задевших мою веру... В противном случае я пришиллю вас к земле!

Конечно же он раскаялся! Он был наемник, а не герой. И плевать ему было на Рема, на ортодоксов и всё герцогство. Теперь у него была одна забота — скрыться побыстрее из города, чтобы наниматели не предъявили ему претензии по поводу невыполненного контракта!

А у Аркана была другая забота — нужно было перевязать раны. Поддерживаемый Диоклетианом Гонзаком, он вернулся в таверну.

Сквозь красноватую муть эля играл бликами огонь в очаге. Рем, прищурившись, глядел в граненое нутро бокала и думал, что родное герцогство, пожалуй, единственное место, где всё еще делают такую качественную стеклянную посуду. Загибается Империя, что и говорить...

Сейчас кто-то зашивал рукав на его камзоле, а с порванными штанами Рем справился сам — благо, дырка была поменьше, и должна была прикрыться верхней одеждой.

Диоклетиан Гонзак, который выступил в роли секунданта, довольно профессионально сделал Аркану перевязку, так что тому оставалось только сидеть в таверне, потягивать эль и ждать, когда тот вернется из резиденции коннетабля. Дуэли — дело хлопотное.

В голове было тяжело, хмель брал свое. Уходить не хотелось — на улице ничего хорошего не ждало: заморосивший после обеда дождь, зябкий ветер и город, присутствие в котором вызывало оскмину и мерзкое чувство где-то под сердцем. Не то чтобы Рем не любил Аскерон...

Столица герцогства — город старый, построенный при расцвете Империи, то есть — профессиональными архитекторами, которые работали с напряжением всех умственных и душевных сил. Тогда люди старались создать место, в котором хочется жить, у которого есть будущее... До сих пор здесь никто не выливал помой прямо из окон, работала канализация и водоснабжение, улицы были широкими и чистыми, а дома — кирпичными или каменными, с черепичными крышами. Настоящая роскошь по сравнению с загаженными и тесными городишками центральных и западных провинций, построенными в последние двести-триста лет!

Да и архитектурных достопримечательностей хватало: чего стоят, например, Три Холма Аскерона? На плоской вершине одного из них высился устремленный вверх силуэт монастыря святого Завиши Чарного, резиденции Экзарха, и на самой высокой из его башен всегда горел Неугасимый огонь, освещающий и освящая весь Аскерон. На втором разместился герцогский замок, с мощными каменными стенами высотой в тридцать локтей и золотой громадой дворца. Третий холм по древнему договору был отдан волшебникам, и теперь Башня магов не переставала удивлять горожан причудами погоды над своей вершиной: там иногда били молнии, или шел снег, или вращалась воронка смерча...

Дело было не в городе. Дело было в людях. И даже думать о том, чтобы встретить некоторых из них Рему было мерзко. Точнее, одну конкретную особу...

Эль в бокале почти закончился, и молодой человек откинулся на спинку стула, оглядывая зал, чтобы подозвать разносчицу, которая шустро перемещалась между столами и барной стойкой.

Вдруг Рема обдало дождевыми брызгами, и на скамейку напротив уселся Диоклетиан Гонзак.

— Погода — дрянь, — сказал маэстру Гонзак и властным голосом потребовал: — Согрейте мне глинтвейну! Живее, живее!

Он как-то по-особенному, прицениваясь, оглядел всю фигуру молодого аристократа, который сидел перед ним, вытянув длинные ноги. Так, наверное, хозяин смотрит на старую корову, которую ведет на бойню. Вроде бы и жалко, но нет другого выхода, потому что и так скоро околеет. Рем поймал этот взгляд, и ему стало слегка не по себе.

И Гонзак не обманул ожиданий:

— Вы знаете, что являетесь восьмым претендентом на герцогский скипетр?

Парень поперхнулся, и эль полился у него через нос. Маэстру Гонзак протянул ему платок, подождал, пока тот утрется и продолжил:

— Вообще-то скоро станете седьмым, Граф Тисбендский при последнем издыхании, свалился с лошади на охоте.

— Э-э-э, погодите, я вроде бы понял, каким я тут боком... Но в нашем герцогстве разве действует право

кудели?

— Да-да, по женской линии в исключительных случаях тоже учитывают претендентов. Сейчас — случай исключительный.

— Господи Боже... — проговорил Рем, обмякнув на стуле.

Молодой аристократ моментально протрезвел. Всю эту историю с престолонаследием он слышал давным-давно от своей покойной матушки, царствие ей небесное, но как-то смутно. Она была племянницей в Бозе почившего старого герцога, и, значит, нынешнему приходилась двоюродной сестрой. Генеалогический выверт теперь напрямую грозил вовлечением в династические интриги и высокую политику, а от этих вещей Рема Тиберия Аркана тошнило с младых ногтей. И страшно было подумать о том, что папаша как-то прознает о такой прекрасной возможности восстановить былое величие рода Арканов!

— У вас такое лицо, Тиберий, как будто вы собрались сбежать из города... Погодите, серьезно?! Но вам нельзя...

— Маэстру Гонзак, пощадите мою бедную голову! Я вернулся после о-очень долгого отсутствия в герцогство и что? Меня час назад чуть не располосовал самый опасный бретёр Аскерона, а теперь выясняется, что я имею некие гипотетические права на титул герцога! Это ведь чистой воды совпадение, правда? И смерть Тисбенда тоже — случайность. Ну упал претендент на скипетр с лошади и убился насмерть, что тут такого?

— Коннетабль настоятельно рекомендовал вам посетить его в любое удобное для вас время. Мессир Бриан дю Грифон — человек серьезный, его приглашения игнорировать было бы крайне неблагоразумно.

— Ну, а вам-то какая печаль, маэстру Гонзак? — возможно, это было грубовато, и поэтому Рем постарался сгладить впечатление: — Но я от души благодарен за то, что вы представляли меня как секундант, и теперь я вам обязан. Вы — желанный гость в доме Арканов, так и знайте!

Молодой аристократ встал, стараясь побереечь свои пострадавшие конечности, положил на стойку монету, которая тут же исчезла, накрытая волосатой лапой трактирщика, и заковылял к выходу.

Диоклетиан Гонзак провожал его взглядом, выражение которого понять было невозможно: эдакая смесь иронии и задумчивости.

— Погодите, а откуда вы вообще меня знаете? — обернулся, спохватившись, Рем.

И замер от удивления: на столе, за которым он только что беседовал с маэстру Гонзаком, стоял пустой бокал, а рядом звенела, кружась по столу, монета.

А сам маэстру как будто сквозь землю провалился! Однако, таинственный тип этот Диоклетиан Гонзак...

— Дела-а... — проговорил парень

Застегнув зашитый женой трактирщика камзол на все пуговицы, он развернулся на каблуках и направился к двери, чтобы выйти в отвратительную морось, которая царила снаружи.

Рем готов был поклясться, что своего имени рядом с Гонзаком не произносил. Ну и Бог с ним, если бы маэстру назвал парня просто Тиберием Арканом! Но семейное, домашнее имя-прономен Рем — откуда Гонзак знал его? Он ведь произнес его, когда согласился стать секундантом! Или он какой-то отцовский знакомый, или это черт знает что!

Парень шагал по мостовой в сторону городских конюшен — там его должна была ждать лошадь, оставленная Децимом специально для того, чтобы непутевый младший брат добрался в родовое гнездо.

На Аскерон опускались сумерки. В домах одно за другим загорались теплым уютным светом окна. Мимо прошел матерящийся фонарщик с длинной палкой, на которой тлел фитиль, шипящий под каплями дождя и выпускающий целые клубы дыма. Прогрохотал сапогами патруль стражи, которая доблестно блюла закон и порядок — несмотря на погоду.

Рем засмотрелся на работу фонарщика, который как раз зажигал один из светильников, и с размаху ступил в выбоину между камнями, до краев заполненную дождевой водой! Черт бы ее побрал, эту воду! Она залилась за голенище ботфорта, и, стянув его, парень пытался вытряхнуть жижу из обуви, балансируя на одной ноге.

Когда последние капли были удалены, Аркан ожесточенно вколотил ногу в ботфорт и раздраженно огляделся. Вот же черт!

— Тиберий Аркан, я полагаю? — услышал он мелодичный, бархатный голос и уставился на его обладательницу.

Вообще-то эта фраза уже звучала сегодня. Рем насторожился, схватившись за эфес палаша. Они что, сговорились? С другой стороны, особа, обратившаяся к нему, была куда как приятнее на вид чем престарелый и хромой маэстру Гонзак. Правда, таинственности в ней было не меньше!

Перед ним стояла красивая молодая женщина в шикарном зеленом платье, украшенном жемчугом и драгоценными камнями. Ее густые волосы медного цвета были собраны в замысловатую прическу, из-под челки иронично смотрели темные глаза. В руке у незнакомки была небольшая палочка со светящимся огоньком на самом

кончике. Волшебница!

— Да-да, это именно я. Не припомню счастливого момента когда я имел честь быть вам представленным...

— Бросьте, Тиберий, — обворожительно улыбнулась она. — Подойдите поближе, тут сухо и нет дождя!

Рем оторопело смотрел на то, как капли останавливаются над ее головой, разбиваются на мельчайшие брызги и разлетаются в стороны. Шагнув к волшебнице, он оказался под защитой этого невидимого укрытия.

— Меня зовут Сибилла, — сказала она и протянула руку для поцелуя. — Вам нравится?

Аркан вдохнул аромат ее изысканного парфюма и ощутил губами кожу ее ладони. Что ему должно нравится?

Имя? Духи? Сама волшебница?

— Этот зонтик я изобрела мимоходом, очень экономная штучка и такая полезная...

Зонтик? Через секунду парень понял: она имела в виду колдовство, которое защищает ее от дождя.

— Да-да, занятно. Я человек дремучий, провинциальный, меня вся эта магия, если честно, пугает... — пробормотал Рем, сдержав улыбку.

— Всяко лучше чем мокнуть под дождем, да? Магию можно и нужно использовать, особенно если она так очевидно облегчает жизнь... Вот и в вашей сложной и запутанной ситуации, Тиберий, некая помощь может оказаться излишней... — Сибилла изящно щелкнула пальцами и протянула Аркану появившуюся в них визитную карточку. — Заходите в Башню на холме, буду очень вас ждать.

Она раскрытой ладонью начертила прямо перед собой причудливую фигуру, которая вспыхнула яростным многоцветьем. Перед тем как шагнуть в светящееся марево, повисшее в воздухе, волшебница проговорила:

— Я давеча слышала — вас убить хотят... — и исчезла.

В воздухе заплясали разноцветные огоньки, а потом и они погасли.

Рем Тиберий Аркан почувствовал, как дождь снова ринулся на него в атаку, воспользовавшись моментом. Сунув в карман визитную карточку, парень поднял воротник камзола, пролив себе за шиворот порцию влаги и сказал:

— Зараза! А вот буквально с утра это что было? Танцы у костра?

А потом подумал, что Сибилла всё-таки шикарная женщина, просто с ума сойти можно.

Решительными шагами Рем двинулся в сторону конюшен. Еще ведь скакать домой несколько верст в темноте, под дождем, без подходящей одежды... Прекрасно!

Аскерон обычно в ночное время был освещен хорошо, но молодой Аркан обогнал фонарщика, и полоса света осталась за его спиной. Приходилось таращить глаза себе под ноги, чтобы не вступить в очередную выбоину, и поэтому двигался он не так быстро как хотелось бы. Пару раз ему послышалось какое-то шарканье за спиной, но Рем всё списал на шалящие нервы.

Миновав опустевшую в темное время суток рыночную площадь, парень уже высматривал вывеску конюшни, когда за спиной у него что-то лязгнуло.

— Проклятье! — Рем отпрыгнул в сторону, одновременно выхватывая палаш и разворачиваясь в сторону возможной угрозы.

— Тиберий, спокойно, это же я! — произнес сиплый голос. — Убери свой палаш.

— Я бываю разные! — палаш убирать Рему, совсем не улыбалось. — Голос твой мне ни разу не знаком. Выйди на свет Божий!

— Это я, Гильом! Просто горло болит! — Гильом снял с головы капюшон.

Рем и правда его узнал, и спрятал палаш в ножны.

Гильом дю Керван был соседом семьи Аркан, сыном маркиза дю Кервана. Семейство это хотя и числилось оптиматами, но фанатизмом не отличалось, и богатством своим не кичилось. Старый маркиз Франциск дю Керван иногда навещался к отцу Тиберия, Тиберию Аркану Старшему, чтобы сыграть партию в шахматы и поматерить пиратов-популярков, герцога, магов и нелюдей. Так что Гильома Рем знал довольно хорошо, у них даже была одна компания, пока Тиберия дорога не увела из родного дома.

— И чего это молодой маркиз дю Керван шарится по подворотням среди ночи? — Рем даже обнял его: всё-таки давно не виделись, больше двух лет!

— Отойдем? Есть разговор... — он сипел так сильно, что парню стало жалко его голосовые связки.

Они прошли по направлению к конюшне и спрятались от дождя под козырьком крыльца какой-то захудалой лавчонки.

— В общем, мы решили что ты будешь подходящим герцогом! — выпалил Гильом.

Ну как, выпалил. Просипел. От этого сипения и от его слов Рему снова поплохело, прямо как при разговоре с Гонзаком. Поэтому Тиберий поднял вверх указательный палец, призывая его к тишине, пошарил во внутреннем кармане камзола, достал небольшую фляжку, отвинтил крышечку и хорошенько оттуда отхлебнул. Наверх на эль зашло замечательно.

Гильом не отказался от протянутого сосуда, и сделал пару больших глотков, а потом протянул фляжечку обратно, глядя квадратными глазами, и совершенно нормальным, несиплым голосом спросил:

— Что это за адская жидкость?!.. Ой! — он осознал что говорит нормально.

— Секрет одного кабака из Смарагды, лекарство от всех болезней, кроме срамных и психических... — проговорил Тиберий, пряча фляжку. — Так что там про герцога?

— Герцог помирает! Ну все уже знают, что он лежит, и встать не собирается. Родных братьев и сестер у него нет. Детей нет и не будет. Так что остаются кузены, кузины и их дети. И ты у нас...

— Восьмой претендент на герцогский скипетр.

— Так ты знаешь! Ну, вообще-то полчаса назад стал седьмым... Граф Тисбендский...

— Умер после падения с лошади?

— Да-а-а... — Гильом был явно разочарован, он-то хотел произвести максимальное впечатление!

— Сразу скажу, никаким герцогом я становиться не собираюсь.хлопотное это дело, проблем не оберешься. Меня вот сегодня уже один раз убивали, больше я не хочу, знаешь ли... А это я править не начал!

— Но ты только послушай! Почти все молодые дворяне герцогства за нас... За тебя! Эти старики в парчовых камзолах замшелы в своих кабинетах, они не видят реальности, не знают современных проблем! Мы встряхнем это пыльное болото!

Пыльное болото? Гильом явно нервничал, и, насколько Рем мог вспомнить, пафосные эпитеты и метафоры невольпад в его случае означали крайнюю степень волнения.

— Все — это кто?

— Ну, братья Варнифы, молодой Орбан, еще Инграм, и дю Шабри, и дю Сенье... Еще кое-кто из наших общины знакомых, но остальных ты не знаешь...

— Значит Варнифы, Орбан и ты, и еще целая куча оптиматов, и парочка популяров. И как это вы спелись? И если я их не знаю, то почему они решили что я буду подходящим герцогом?

— Ну, все помнят как мы схлестнулись с пиратами из Низац Роск, и кто командовал, и что из этого вышло...

— Куча трупов из этого вышла! — молодой Аркан ненавидел, когда ему напоминали тот случай, уж больно паскудно становилось на душе. — И вообще... Одно дело отразить пиратский набег и совсем другое — управлять герцогством! Знаешь, Гильом, мне сдается — твои приятели просто не видят реальности за своими амбициями. Тоже мне, бунт молодого поколения... Они думают, что поддержав меня, потом хапнут славы, денег и должностей, вот и всё. А мои личные заслуги тут не имеют никакого значения. По старой дружбе, Гильом, я на тебя не обижусь. Но ты так и передай Реджинальду Варнифу, что я — неподходящий кандидат на роль его марионетки.

Смущенное лицо Гильома дало понять, что с Варнифом Тиберий Аркан попал в самую точку. Вот кто был заводилой и организатором! Рем развернулся на каблуках и зашагал прочь.

Конюшня была, можно сказать, в двух шагах. Парень подошел к двери, по обеим сторонам которой горели фонари, и шагнул внутрь. Запах сена, конского навоза и свежеструганных досок защекотал ему ноздри, и Рем направился вдоль стойл с лошадьми, чтобы отыскать конюха. Лошади фыркали и косились на человека.

Аркан прошел всю конюшню но так никого и не встретил.

— Да куда ж все запропастились-то, черт бы их побрал?

Как минимум два работника должны дежурить тут постоянно!

Все больше распаляясь, он двинулся ко второй двери, и запнулся о ведро, с шумом и грохотом обрушившись на кучу инструмента. Конечно, Рем саданулся и раненым бедром, и рукой, и испачкал камзол в конском навозе!

Выбравшись из конюшни он представлял собой жалкое зрелище... Матерясь и костеря всё на свете, парень двинулся в обход, чтобы найти конюхов и задать им перцу.

Дождь полил с новой силой, и Рем спрятался под скат крыши, прислонившись к стене.

— Эй, друг... — сказал кто-то совсем рядом.

Парень обернулся и увидел двух типов категорически подозрительной наружности. Гирька уже выскальзывала из его рукава, когда кто-то двинул палкой парню под колени, и свалил на землю. Типы тут же кинулись его вязать, а тот, который стоял сзади, нахлобучил Рему на голову мешок.

Аркуша тащили куда-то, ноги волочились по мостовой, потом по жестким доскам. Вскоре рыбная вонь, плеск волн и грязные ругательства дали ему понять, что угодил он в нештучную передрагу.

Днище корабля воняло тухлыми водорослями, испорченной рыбой, гниющими досками. К этой вони добавлялись ароматы пары дюжин людей, которые имели удовольствие находиться здесь вторые сутки, без доступа к элементарным гигиеническим удобствам. Конское дерьмо на камзоле по сравнению с окружающими миазмами ощущалось наименьшим из несчастий.

Рем, наверное, еще долго пролежал бы в ступоре на вонючих досках, но из протрации его вывели чьи-то жадные руки, обшаривающие карманы камзола и штанов.

— А ну-ка тихо!!! — взревел юноша и схватил обладателя рук за запястья, одновременно подсакивая.

Вскочить ему не удалось: Рем ударился головой о доски палубы, до которых оказалось гораздо ближе, чем хотелось бы, и, наверное, набил себе здоровенную шишку. Воспользовавшись его замешательством, проходимец вырвался и по-паучьи, на четвереньках, перебрался в дальний угол.

Глаза постепенно привыкли к полумраку корабельного трюма, и Аркан осмотрелся. Публика тут обитала совершенно разная.

Первым внимание привлек грузный парень, который полулежа привалился своей мощной спиной к какой-то балке, сложил руки на объемном брюхе и всем своим видом демонстрировал апатию и полное безразличие к окружающей действительности. Белесые волосы, румяные щеки, характерная светлая одежда с вышивкой по рукавам и вороту — всё это выдавало в нём северянина. И совершенно непонятно было, какого черта северянин забыл в этом трюме?

Второй персонаж смотрел на Рема в упор, открыто и прямо. Казалось, он подумывал над тем, чтобы завязать разговор, но инициативы пока проявлять не собирался. Его возраст определить было невозможно, поскольку жесткое, как будто вырубленное из гранита лицо было отмечено несколькими шрамами, а седина терялась в длинной спутанной шевелюре пепельного цвета. Голубые умные глаза могли принадлежать как сорокалетнему мужчине, так и семидесятилетнему старику. Но тело у него было вовсе не стариковским: тугие мускулы и жилы, и шрамы, огромное количество шрамов. Шрамы были видны отлично — из одежды на суровом дядьке были только потертые кожаные штаны.

Эти типы держались особняком. А еще были две очевидные группировки. Одна, в сторону которой отполз неудачливый вор, кучковалась в носовой части корабля, и рожи у этих пятерых субъектов были насквозь уголовными. Может быть Рему показалось в полумраке, но на предплечьях парочки из них мелькнули характерные узоры, которыми метят друг друга бывалые каторжане и сидельцы из имперских тюрем. Да и говорок слышался характерный — ни черта не понятно, о чем идет речь.

Ближе к корме расположилась целая компания личностей совсем уж невнятных. Неопрятные, в латаной-перелатаной одежде, заросшие и небритые, они больше всего напоминали бродяг, пьяниц или совсем уж опустившихся поденных рабочих с оптиматского Запада, которыми был полон Аскерон последние несколько лет...

Наконец, Рем сообразил, что сам выглядел не намного лучше: говенный камзол любого мог сбить с толку, да и перепачканная в грязи рожа уж точно не добавляла импозантности и обаяния.

Рем снял камзол и сразу же услышал заинтересованный гул с двух сторон. Арканы не любили броские цвета. Цвет родового знамени — черный, а одежду чаще всего они предпочитали серую, коричневую, темно-зеленую. Тем не менее, качество и крой костюма у знати и простого народа отличалось весьма существенно. И если навоз на камзоле еще мог ввести кого-то в заблуждение, то серебряное шитье на жилете и фасон рубахи не оставили у людей из трюма сомнений — перед ними аристократ.

Ну что же, забрало поднято!

— Маэстру, во имя Огня и Света и вечной жизни, кто-нибудь объяснит мне что здесь происходит? — теперь они должны были иметь в виду еще и религиозную принадлежность Рема.

— Не мешало бы проявить еще немного уважения, маэстру, и поздороваться. Всё же вы здесь оказались последним из присутствующих, — подал голос дядька в шрамах.

Молодой аристократ не стал артачиться и изобразил вежливый кивок головой:

— Доброго времени суток... Меня зовут Рем, я из Аскерона, — учитывая репутацию своей семейки он решил назваться прономеном, домашним именем, не известным широкой публике.

— Доброго утра, маэстру Рем, — нахмурившиеся было брови сурового дядьки разгладились и он протянул руку для приветствия. — Меня зовут Разор, будем знакомы.

Рем пожал крепкую, как кузнечные клещи, ладонь и, подчинившись жесту Разора, присел с ним рядом. Стоять согнувшись всё-таки было неудобно.

— Я бы посоветовал тебе не светить особенно своим аристократическим происхождением, Рем, — тут же начал он. — Гёзы не жалуют высокородных иноверцев.

— Гёзы? — удивился парень.

— Пираты. Ты что, никогда не слышал про Низац Роск и популярных пиратов?

Ну, про популяров, обосновавшихся на архипелаге Низац Роск посреди Последнего моря, слышал пожалуй, каждый в Аскероне. А Арканы еще и неоднократно рубились с ними по всему побережью. На крупные города типа столицы они нападать боялись, да и вообще — основной целью популяров были оптиматские торговые конвои, совершающие каботажное плавание вдоль материка. Но не брезговали морские разбойники и налетами на прибрежные деревеньки и городки, зачастую поднимаясь вверх по течениям рек, и тут уж не делали различий между ортодоксами и оптиматами, да и своими единоверцами — популярами — тоже... О творимых ими зверствах ходили легенды, оптиматы снаряжали не одну и не две карательных экспедиции на Низац Роск, но толку от этого особого не было.

— Не только слышал, но и встречаться довелось, — ответил Рем. — Приятного мало. А вот это словечко — “гёз” — его раньше не слышал.

Ему было примерно лет шестнадцать, когда под знаменами своего отца он впервые поучаствовал в схватке с пиратами. Да и потом пришлось встретиться с ними уже в качестве стихийного лидера сводного отряда самообороны, о чем вспоминать ему было крайне неприятно...

— Популярское словечко, с северо-востока. Они ведь себя пиратами ни за что не признают... В общем, ты уж как-нибудь поосторожнее. Жилетку сними, рубаху испачкай... А то как забросили тебя в трюм, так я сразу подумал, что ты рвань подзаборная, уж больно видок у тебя был специфический. Наверное, вербовщики тоже так считали. Если бы они разглядели в тебе аристократа — либо укокошили бы на месте, либо вообще связываться бы не стали...

— Погодите, Разор, какие к черту вербовщики? Я никуда не завербовывался! — все таки он был старшим по возрасту, и Рем продолжал называть собеседника на “вы”, хотя и последовал его примеру, не употребляя через слово “маэстру”.

— Ну, это ты думаешь, что никуда не вербовался. Сейчас сверху сухари подадут, мы свою порцию возьмем и я тебе кое-что расскажу...

Молодой человек снял с себя жилет и протянул его Разору:

— Возьмите.

Ммужчина принял подарок с благодарностью. Всяко лучше чем прохлаждаться в одних штанах.

Откуда-то сверху вдруг пробился лучик света, разогнав пыльный и дурно пахнущий полумрак корабельного трюма.

— Все отошли от люка! — заорал грубый голос. — Иначе пайка останется у нас!

Никого там и не было, видимо местные старожилы уже уяснили этот момент. А Рем сидел рядом с Разором и наблюдал за происходящим, находясь в некоем отстраненном состоянии: трюм, популяры, вербовщики — всё это еще не укоренилось в его мозгу, который не совсем отошел от кошмарного вчерашнего дня, когда Аркану навязали участие в интригах вокруг скипетра, и чуть не прикончили.

— Вот, смотри, — сказал Разор. — Сейчас будет цирк.

Какие-то люди, лиц которых не удалось рассмотреть из-за яркого света, придвинули к краю люка внушительных размеров корзину и вывернули ее вниз.

Прямо на доски корабельного днища обрушился поток из сухарей и, кажется, соленой рыбы.

— Жрите, — сказали сверху, и люк захлопнулся.

В трюме всё замерло. Люди настороженно смотрели друг на друга, а потом с кормы к куче еды сунулся кто-то, видимо, самый голодный.

С носа раздался странный, но очень четкий звук:

— Псть!

Мужичок в потертой одежде испуганно замер и уставился на приподнявшегося на своем месте одного из каторжан. Тот снова повторил:

— Псть! — и указал пальцем в направлении кормы.

Несчастный ссутулился и отошел на корму. Снова всё замерло. Наконец, тот самый тип, который пытался обокрасть Аркана, выдвинулся вперед. Он по хозяйски осмотрел провиант и принялся выбирать лучшие куски для своих товарищей.

— И что, — обратился Рем к Разору. — Мы будем на это вот так смотреть? Там же наша порция тоже есть? Мне как-то не улыбается подбирать объедки с днища.

Разор ухмыльнулся, и улыбка эта получилась у него довольно зловещей:

— Я, можно сказать, ожидал этих твоих слов. Нас теперь двое... — он глянул в сторону толстого северянина, который хмуро наблюдал за тем, как воришка щупает и перебирает провизию. — А может и трое... Пора навести здесь порядок!

В этот момент трюмный сиделец уже набирал себе еду — прямо в загнутую для удобства рубаху, абсолютно не переживая по поводу того, что оставалось прочей публике.

Компания на носу явно ожидала развития событий. Кто-то из каторжан цыкнул по-особенному и воришка закончил выбирать, и двинулся к своим.

— А ну стоять, — вдруг четко проговорил Разор и распрямился.

Теперь все глаза смотрели на него. Рем встал рядом с этим бывалым человеком. Даже северянин отринул свою апатию, и из положения лежа переместился на корточках.

— Здесь, в трюме, больше двух дюжин человек. Вас там, на корме, пятеро. И еще этот, — тут Разор показал пальцем на замершего в нелепой позе типа с едой. — Он взял больше половины. Так дела не делаются.

Тот, который цыкал зубом эдак вальяжно произнес:

— А ты деловой, дядя? Обзовись-ка?

— Я тебе не дядя. Племянничек нашелся... Делить будем поровну, понятно?

— А ты что, самый правильный? Люди хотят есть, и они будут есть. А те слизняки, — каторжанин указал на корму. — Они могут жрать друг друга. Если ты силён, дядя, то возьми что осталось, на тебя хватит.

— Здесь не каторга, и не тюрьма. Мы все здесь в одной заднице. У нас тут нет мастей и нет обиженных, — настаивал Разор. — Поэтому делить будем поровну.

Рем не очень понял про масти, но каторжане, видимо, знали о чем идет речь. Вон как глаза загорелись!

— Здесь будет так, как решат люди, — гнул свою линию их предводитель.

Именно у него были татуировки на руках. Он как-то особенно выдохнул:

— Хо! — и все его сообщники поднялись, и встали у него за спиной.

Воришка, кстати, проворно переместился в глубокий тыл.

Драться с превосходящими силами противника было страшно. С другой стороны, Рем был в своих ботфортах, с ним был Разор — судя по всему мужик очень непростой, а у каторжан не было никакого оружия...

— Ты просто прикрой мне спину, — буркнул Разор.

Рем кивнул, ощущая как противно тяжелеют колени, и несколько раз резко выдохнул: иногда это помогало. Вдруг ситуация коренным образом изменилась: северянин, мимо которого как раз продвигались каторжане, резко привстал и огромной ручищей отвесил ужасной силы оплеуху главарю. Тот кубарем покатился на нос, на ходу сбив двоих своих людей. Не дожидаясь продолжения, Разор и Рем кинулись на врага. Разор разделался со своим противником двумя хлесткими ударами в корпус, еще одного дернул за ногу северянин, обрушив каторжанина на доски днища. Рему остался воришка, и парень не стал церемониться: схватив за грудки швырнул его о борт. Вор сполз вниз, теряя продукты: рыбу и сухари, которые вываливались из-за пазухи и из карманов.

Каторжане были разгромлены.

— А теперь каждый может подойти сюда и получить по два сухаря и одной рыбине. Спокойно, без шума, по очереди. После этого мы пересчитаем остатки и разделим всё поровну, — отдышавшись, сказал Разор.

Северянин одобрительно кивнул, и первым протянул свою лапищу. Ладонь его была похожа на лопату. Два куса хлеба и сушеная рыба смотрелись в такой лапе совсем по-детски. Однако он ничего не сказал, спокойно взял свою еду и принял привычное положение, привалившись к балке.

Потихоньку, недоверчиво потянулись несчастные с кормы. Они делали руки “лодочкой” и Разор клал туда положенную порцию. Наконец, остались только побитые каторжане.

— А вы чего? Давайте, подходите!

Эти шестеро были несказанно удивлены.

— Я же сказал: мастей и обиженных тут нет. Всё будет поровну. Мы в одной заднице.

— Ну ты даешь, дядя! — крикнул главный сиделец, массируя ушибленное лицо.

И они действительно подошли и взяли каждый свою порцию. Последним остался главный, татуированный:

— Я — Сухарь, — сказал он и протянул руку для рукопожатия. — Ты теперь тут всё держишь, дядя?

— Меня Разор зовут. И я тебе не дядя. Будь ты моим племянничком, я бы отлупил тебя раз в пять сильнее, чем этот парень... И да, я буду тут следить за порядком и дисциплиной.

— Так ты из легионеров?.. — полуутвердительно произнес Сухарь.

— Почти, — хмыкнул Разор.

Сухарь пожал руку и Рему, так что тому пришлось назвать свое имя.

— Благородный?.. — с той же интонацией проговорил Сухарь.

Аркан сделал неопределенный жест рукой, чем каторжанин был вполне удовлетворен.

— Рыбку лучше сразу не кушать, — доверительно сообщил Сухарь напоследок. — От нее пить сильно хочется, так что лучше подождать, пока ведро спустят.

Все сидели и грызли сухарики, и слушали как за бортом плещется вода. А потом Рем подобрался к северянину поближе и сказал:

— Меня Рем зовут. А тебя?

— Микке, — ответил он.

— Ты северянин?

— Да. Саами.

— Что — сами?

— Мы — саами. Я — саами.

Мозги у Аркана закрипели, но в итоге на ум пришло когда-то прочитанный опус о Севере. Там речь шла про общественное устройство, культуру, собственный язык... Упоминалось и самоназвание северян — саами.

— Благодарю тебя за помощь, Микке, — Рем не очень-то знал, чего еще сказать. — Обращайся, если что.

— Хо-орошо, — он говорил, интересным образом растягивая гласные.

Так, мало-помалу, жизнь в трюме вошла в колею.

Роль параша выполняло спускаемое через люк ведро, роль еды — сухари и рыба, которые швыряли оттуда же. С водой ситуация была сложной, хотя теперь, после внесения Разором изрядной порции порядка и дисциплины, все получали по три кружки в день, благодаря чему конфликтов не возникало.

Поскольку бытовыми вопросами теперь руководил Разор, а Рем во всем его поддерживал, волей-неволей вокруг них сформировалось некое общество, в котором товарищи по несчастью и коротали время, пытаясь осознать всю горечь своего положения.

Каждого из них захватили в плен так называемые “вербовщики” с Низац Роск. На этом архипелаге свили свое гнездо пираты-популяры, или, как они сами себя называли — гёзы. Гёзы использовали небольшие галеры — парусно-весельные суда, на 50–70 человек команды. И, конечно, на галерах имелись гребцы, мускульная сила которых и являлась основным двигателем корабля. Парус в шхерах и банках Низац Роск, и в узком фарватере рек — дело второстепенное. Главное — маневренность. А маневренность — это весла.

Где взять гребцов? Правовверные популяры с Низац Роск грести не хотели. Они предпочитали заниматься делами куда более достойными: убийствами, грабежами, на худой конец — торговлей или ремеслом. Тем более численность населения архипелага была очень ограниченной, а все обжитые места представляли собой пиратские базы, где можно было отремонтировать корабли, пополнить запасы провизии и пресной воды, временно складировать добычу и удовлетворить свои потребности в плотских удовольствиях. Так что вопрос с гребцами стоял остро.

Решали проблему при помощи пленников, захваченных в набегах, или — пользуясь услугами вербовщиков.

Банды похитителей людей орудовали по всему побережью, выискивая подходящих мужчин. Чаще всего в их лапы попадали обездоленные и пропащие личности, которых никто не хватится, но иногда случались и казусы.

Так, например, Микке, при трагических обстоятельствах оказавшийся вдалеке от родного Севера, впервые попробовал самогон и его взяли тепленьким прямо на пристани. Разора просто-напросто сдали свои же друзья-соратники, которым вдруг стали сильно мешать его принципы. Притом, этот суровый человек никак не желал признаться, чем же таким он занимался в своей прошлой жизни.

Рем Тиберий Аркан тоже был типичной жертвой неудачного стечения обстоятельств. Подвели, как и предполагалось, испачканный говном камзол и в целом непрезентабельный вид. Вербовщики уже загрузили трюм этой посуды необходимым количеством голов живого товара и возвращались с попойки, когда увидели его, такого печального и матерящегося, который выходил из конюшни. За кого они приняли парня — неизвестно, но уж точно не за достойного потомка скандально известной фамилии Арканов.

На весла пленников до сих пор не посадили только потому, что корабль вербовщиков был парусным. Обычный плоскодонный транспортник, годный для каботажного плавания, но никак не для морских баталий и лихих маневров. Слишком уж характерными были очертания гёзских судов, чтобы свободно бороздить акваторию герцогства Аскерон. Вот мерзавцы и перестраховались, маскируясь под обычных торговцев.

Наконец, плавание подошло к концу.

— Эй, бездельники! На выход! — закричал кто-то, и в люк спустили лестницу.

Солнечные лучи, свежий морской бриз и крики чаек были куда как приятнее тухлых ароматов трюма и матерщины товарищей по несчастью.

Щуря глаза от яркого света, Рем огляделся и нашел подтверждение всем своим догадкам, и словам Разора: это точно был Низац Роск. Каменистые острова с редкими участками плодородной земли, обилием узких проливов и островков-шхер. Транспортник вербовщиков как раз причаливал к длинному пирсу из каменных блоков, где бурлила толпа мужчин, одетых в одном стиле: короткие штаны “пузырями”, чулки, кафтаны... Всё — ярких цветов, от лимонного до небесно-синего. Ну точно — популяры!

— Пошевеливайтесь, живее! — пленников подталкивали в спины, заставляя двигаться в сторону одного из вербовщиков, рядом с которым лежала целая груда деревянных приспособлений вполне понятного предназначения.

Это были колодки. Их устройство не менялось, наверное, со времен Прибытия! Три дырки, одна, побольше — для головы, две для рук. Замок располагается таким образом, что пальцами до него не дотянуться, даже если бы

ключ оказался где-то неподалеку. Неудобно, тяжело и натирает затылок, да и тело затекает в одном положении.

Орудие пытки защелкнулось на шее Рема, и вербовщик отвесил парню пинок под зад, который направил его в сторону трапа. Мысли о побеге, мелькавшие в голове Аркана тут же исчезли, когда он увидел, что почти все популярны на берегу были неплохо вооружены, и, кроме того, у пирса дежурил баркас, битком набитый лучниками.

В толпе на берегу возникло оживление, и, расталкивая людей, к самому трапу пробился очень колоритный персонаж.

— Я забираю их всех себе! — заорал он, демонстрируя полный рот золотых зубов, сверкающих на солнце.

Он вообще привлекал внимание: крупнотелый, рыжеволосый и рыжебородый, с ужасающей величины носом, огромными золотыми серьгами в ушах, золотыми перстнями на пальцах. В одежде его преобладали все оттенки красного, и рожа у него была тоже красная, как спелый томат.

— Это с какого перепуга? — возмутился главный вербовщик. — Мы выставим их на торги.

Красный человек пошарил у себя за пазухой, выудил оттуда объемистый кошель и швырнул его на борт корабля.

— Вот! — снова заорал он. — Бери и проваливай, пока я не поджег твоё корыто и не заковал тебя самого в кандалы!

Вербовщик хотел еще поторговаться, но кто-то из команды уже поднял кошелек, и, судя по одобрительным возгласам, денег там хватало.

— То-то же! — дурным голосом возопил красный. — Эй, ребята, вяжите это мясо рядами и вперед, за мной! Давай-давай!

Из толпы выбрались несколько человек, в чьей одежде также преобладал кричаще-красный оттенок, и, используя корабельные канаты, они принялись привязывать узников друг к другу, в шеренгу по одному.

— Ну, пошевеливайтесь!

Приходилось пошевеливаться. Тяжелее всего было здоровяку Микке: колодки всем надели абсолютно одинаковые, и шею северянина (хоть и изрядно похудевшую за время путешествия в трюме) натирала грубые доски, доставляя большие неудобства. Он угрюмо сопел и глядел из-под светлых бровей, сверкая голубыми глазами на популяров.

Рему подумалось, что северянин может потерять контроль... Такие флегматики долго терпят, но если сорвутся, то держись! Не дай Бог терпение Микке кончится — тут всем не поздоровится... И самому Микке в первую очередь.

Эти популяры, видимо, имели большой опыт в обращении с живым товаром. Пленникам не позволяли остановиться и осмотреться, гнали и гнали вперед, контролируя шеренгу с обеих сторон.

С колодкой на шее не особо налюбуйтесь на окружающие красоты, однако кое-что Рем разглядел. Остров был густо населен, узники прошли уже тысячи две шагов, а дома всё еще попадались на их пути. Удалось увидеть и популярский молельный дом: характерное беленькое здание с обсервационной площадкой на крыше.

— Сто-ой! — заорал рыжий. — Направо! Давай-давай!

И шеренга повернула направо. Явно — к морю. Под ногами хрупала мелкая галька, прибой обгладывал камни пирса, разбивая волны на тысячи брызг. Ветер усиливался и гёзы торопились, подгоняя колонну тычками и пинками.

— Какого черта их нет?! Уоррен должен был уже привести корабль!!! — услышал Рем уже успевший набить оскомину голос.

— Капитан, взгляните! — сказал кто-то.

Аркан согнулся самым причудливым образом, вытянул шею и тоже повернулся в сторону моря.

Рыжий популяр (он, конечно же, был капитаном), прикрывая глаза ладонью-козырьком, смотрел в сторону небольшого мыса, поросшего соснами. Рем проследил за его взглядом и на мгновение забыл, где и в каком положении находится.

Это, черт возьми, было прекрасно! Огромный красный корабль выходил из-за мыса и ветер раздувал его паруса. Весла синхронно вздымались и опускались, пенили воду, толкая галеру вперед. Корабль явно не был похож на любой из судов гёзов, которые Рему доводилось видеть. В два, а то и в три раза больше, невероятного красного цвета, с тремя мачтами и ровными рядами весел — он производил неизгладимое впечатление.

А потом Аркан еще раз взглянул на его весла и всё понял.

Догадки оказались верными. Узников мигом распихали по шлюпкам и перевезли на корабль. Прежде чем спустить новых гребцов в трюм, капитан заставил всех выстроиться вдоль фальшборта и произнес короткую вдохновенную речь:

— Вы, уроды! Теперь вы на моем корабле, и все вы будете грести, скрести, таскать и тянуть всё, что я скажу. Вы — ничтожества, вы — долбаный ходячий и бормочащий инструмент. Пока вы инструмент полезный — я вас кормлю, я вам даю одежду, я даже позволю вам пользоваться баней. Как только вы перестаете приносить пользу и начинаете создавать проблемы... Слушайте внимательно! На первый раз вас прикуют к веслу с одного борта на месяц. На второй раз — с другого борта на два месяца. На третий — выбросят за борт. Не забывайте, зачем вы мне понадобились! Я утопил тридцать ублюдков, которые вздумали бунтовать. Помните — вы теперь собственность Красного Дэна Беллами и принадлежите мне с потрохами!

А потом скомандовал своим людям:

— Запускайте их внутрь. Давай-давай!

Он плюнул себе под ноги, зачем-то встопорщил свою рыжую бороду и зашагал по палубе к кормовой надстройке. По всей видимости, там у него располагалась каюта.

С пленников по очереди снимали колодки и тут же надевали тяжеленные кандалы на ноги и легкие — на руки. Всё очень просто — сбегать можно только за борт, а с полупудом железа на ногах особо не наплаваешься...

Все как один лишились обуви и одежды, взамен каждому выдали грубые льняные штаны чуть ниже колен и безрукавки из такой же материи.

Микке никто переодевать не стал. Было очевидно, что его размерчика у гёзов на корабле точно не обнаружится.

Рем ожидал своей очереди спуститься на гребную палубу и ловил себя на том, что не ощущал никаких эмоций по поводу своего нового положения. Вообще-то он должен был испытывать ярость и жажду убийства, сыпать ругательствами и клясться в том, что все гёзы будут подвергнуты страшным пыткам и вообще, пожалеют о том, что на свет родились. Но Рему было наплевать.

Наверное, события последних месяцев его подкосили и финальным штрихом стала новость о герцогском скипетре. Не самый подходящий момент был сейчас, чтобы заниматься самокопанием и самоуничижением, но...

Аркан думал о том, что в течение полугода его макало мордой в грязь, и не было такого начинания, в котором он не потерпел бы краха. Рем почти уверился в собственном ничтожестве, и собственная судьба его волновала мало.

Да, его могли убить не отличающиеся человеколюбием гёзы. Но, с другой стороны, Рем сомневался, чтобы этот тип, Красный Дэн Беллами вдруг решил прикончить свою рабочую силу... Самое ужасное, что его ожидает — это необходимость провести здесь какое-то время. А потом что-нибудь произойдет... Не может не произойти. Всегда что-нибудь происходит. В конце концов, Аркан он или нет?

— Шевелись, ты, тощий уродец! — Рема подтолкнули в спину и он шагнул вперед.

Глаза постепенно привыкли к полумраку и первый вопрос который пронесся в голове был примерно таким: “Чего ж они все такие здоровенные?” Взгляд бегал по рядам гребцов, которые управлялись с огромными веслами и везде Рем видел широченные спины, перевитые сплетениями мышц руки, мускулистые ноги...

— Новички располагаются на нижних скамьях, ближе к борту. Будете нарушать ритм — получите плетей, — надзиратели разъяснили ситуацию сразу же. — Кормежка утром и вечером, испражняться в горшок, не чаще четырех раз в день. Горшок у комита.

Комит — это барабанщик, такой же невольник как и все остальные в трюме. Он отбивает ритм на большом барабане, который располагается ближе к носу галеры.

Рема усадили рядом со здоровенным детиной, который глядел из-под густых бровей, и не говорил до тех пор, пока конвоиры не занялись следующим новичком.

— Дыши. Толкаешь — выдыхай, тянешь — вдыхай. Следи за мной. Собыешься с ритма я тебе оторву ухо, — вот и всё что сосед сказал Рему.

Но, кажется, парень он был неплохой. Аркан уставился на спину сидящего впереди гребца и в очередной раз удивился, какие же они тут все мощные! Наверное, сказывались круглосуточные физические упражнения... Но и кормить должны соответственно!

А еще Рем глянул на ноги гребцов. Если они постоянно сидят, значит, ноги-то у них должны быть недоразвитыми! Однако, ничего подобного. Мощные икры, крепкие ляжки... Черт его знает, что такое...

Потом стало не до размышлений об анатомии галерных рабов, потому как сверху заорали:

— Хо-од!!!

Комит ударил в барабан:

— Гр-р-рок!

И начался ад.

Рем вообще не представлял, сколько времени здесь находился.

Выдох — толкай, вдох — тяни. Когда закончилась смена — падай на пол и спи, потом просыпайся от пинка надсмотрщика, ешь рыбу, кашу с топленным жиром и кислую капусту, и снова: выдох — толкай, вдох — тяни.

Комит бьет в барабан, весла бьют по воде, плеть бьют по спине того, кто сбивается с ритма. Уже трое из новеньких отправились за борт: они довольно быстро начали харкать кровью. Время от времени Рем ловил взгляды Разора, или Микке, или даже Сухаря, и ему становилось легче: они тоже держались!

Аркан вспомнил все молитвы и литании, заученные в детстве и подзабытые в Смарагде... Он выуживал из памяти священные строчки и молился Богу, просил сохранить ему рассудок и внутренний Огонь, и дать шанс снова увидеть сестру, братьев и... И отца тоже.

Кровавые мозоли появились, потом заросли, потом вся ладонь стала жесткой и твердой. Мышцы болели постоянно, усталость была хронической, Рем даже просыпался уставший. Этот парень, его напарник по веслу — он умудрялся не спать всё отведенное на отдых время. Какие-то у них были занятия, как-то они коротали досуг между сменами. За все это время так и не выяснилось, как его зовут...

Кажется, перерывы между сменами составляли шесть часов. Одна смена у левого борта, вторая — у правого. Куда это так торопился капитан Дэн Беллами, чтоб не останавливаться ни днем ни ночью? Да и вообще — хотя Рем и был полным профаном в морском деле, но знал, что при попутном ветре пользуются парусом... Невероятным было идти борясь со стихией несколько дней, скорее всего капитану нужна была максимальная скорость, вот он и выжимал из гребцов все соки.

Время суток можно было узнавать только при помощи лучей света, редко проникающих на гребную палубу. Погоду — по силе качки и брызгам, залетающим сюда время от времени. Невозможно было даже определить, какой сейчас сезон года — Дэн Беллами мотался между южными и северными широтами, и в трюме было иногда жарко как в кузнечном горне, а иногда — мороз пробирал до костей и от озноба у гребцов зуб на зуб не попадал.

Однажды корабль попал в шторм, и вода захлестывала внутрь через клюзы, и гребцы втянули эти чертовы весла, и забили отверстия специальными пробками. И несмотря на то, что корабль скрипел и кряхтел, угрожая разойтись по швам, и болтанка была ужасной, все были почти счастливы, лежа на мокрых досках гребной палубы и наслаждаясь незапланированным отдыхом.

Это продолжалось недолго. Надсмотрщики отцепили от скамей нескольких гребцов и отправили их куда-то в трюм. Вернулись они примерно через полчаса, с подгибающимися от усталости ногами. Когда очередь дошла до Рема, он раскрыл еще один секрет телосложения гребцов. Такие крепкие ноги были у них потому, что в трюме стояли две помпы с ножным приводом — специальными колесами, со ступенями внутри. В каждое колесо помещалось по два человека, которые должны были бегать там, как белки. Этот движитель приводил в действие помпу, которая при помощи системы металлических труб выкачивала из трюма воду и отправляла ее за борт.

Как потом выяснилось, такая работа велась постоянно, просто новичков к ней пока не привлекали, не имелось необходимости. Корабль был довольно старый, а проконопатить и просмолить его как следует у Дэна Беллами руки не доходили. Тем более всегда есть гребцы, которые откачают лишнюю воду.

А колесам этим находилось и другое применение: движитель был универсальный, и нередко использовался, например, при погрузке-разгрузке припасов и добычи. По счастливой случайности Аркан оказался в таком колесе вместе с Разором и им удалось перебраться парой фраз.

— Держишься, Рем?

— Держусь, куда я денусь. Устал как собака.

— Привыкнешь, дальше будет легче.

— Я уже жду — не дожусь когда оно наконец полегчает. Нужно осмотреться, прикинуть варианты...

Они некоторое время толкали колесо молча, тяжело передвигая ногами. Потом Разор не выдержал и хмыкнул.

— Чего хмыкаешь? — спросил Рем.

— Ты думаешь, у нас есть варианты?

— Я думаю, что совсем не вариант грести и месить воду на пиратском корабле.

— А я думаю, что нельзя действовать очертя голову... Во всем должен быть порядок и дисциплина... — боясь потерять дыхание пробормотал Разор.

И Аркан был готов подписаться под каждым его словом. На этом корабле всё было устроено таким образом, что даже любая мысль о бунте гребцов казалась безумием. Не говоря уже о том, что кораблем нужно будет еще и управлять, и определить свое положение, и довести судно к какому-нибудь относительно безопасному берегу... Всё это они обсудили, пока крутили колесо.

— Всякий раз, попадая в это колесо с новым человеком, постарайся его разговорить, — сказал Разор. — Нужно понять, что за люди рядом с нами, на что они способны в случае чего...

А Рем пообещал ему что вот это “в случае чего” обязательно произойдет, в обозримом будущем, потому как по-другому и быть не может... Разор отнесся к таким словам недоверчиво. Еще бы! Он ведь не знал, что Рем на самом деле — Аркан.

Цель безумной гонки Дэна Беллами наконец была достигнута. Корабль дрейфовал в прямой видимости от теряющегося в дымке берега, а теплый ароматный воздух, проникающий на гребную палубу, свидетельствовал о том, что берег этот где-то на Юге. Какого черта пирату с Низац Роск понадобилось на Юге?

Дрейф продолжался день и ночь, и гребцы хорошо отдохнули. Рем, например, наконец выяснил имя своего напарника. Парень, который вместе с ним тягал это чертово весло, звался Натан, и разговорить его уже было удивительным прогрессом.

Натан теперь не так сильно хотел вцепиться Рему в глотку, как в первые дни их вынужденного сотрудничества. Еще бы! Аркан поднаторел в таком нелегком деле как гребля, и не повисал на весле, и не сбивался с ритма. Напарник сообщил это, когда они перекусывали кашей с салом и вареной рыбой. Порции сегодня были раза в два больше чем обычно, и Натан предупредил, что скоро предстоит адова гонка.

— А вот всё это время — это что было? — спросил Рем.

— Пф-ф-ф! — только и сказал Натан.

Через какое-то время после сытного завтрака на гребную палубу спустился капитан Дэн Беллами. Неслыханно!

Он полностью оправдывал свое прозвище: вся одежда на нем была красного или оранжевого цвета, а шлем-морион венчал огромный плюмаж из выкрашенных в алый цвет перьев.

— Так, черти. От вас сейчас слишком многое будет зависеть, так что зарубите себе на носу — никаких этих ваших уродских тупостей быть не должно. Работаем четко, слушаем барабан комита, слушаем команды. Кто заперет дело — того я заporю до смерти! Если дело выгорит — всем по чарке вина! Смотрите мне, выродки! — он погрозил кулаком, плюнул себе под ноги и ушел, напевая под нос что-то агрессивное.

Гребцы приободрились при словах о вине, а Натан совсем приуныл:

— Будет бой, скорее всего будет даже таран... Стал бы он так распинаться тут перед нами!

Опытные гребцы разминали руки, терли друг другу поясницы и плечи, насколько это было возможно в кандалах. Рем тоже предпринял какие-то телодвижения, разгоняя кровь по конечностям.

Сверху вдруг послышалось истерическое:

— Па-а-арус!!! Вижу парус!

А потом, через мгновение:

— Три паруса! Вижу три паруса!!!

И сразу же из люка последовала команда:

— Хо-од!

Комит поднял над головой колотушки и — БАММ!!! Грохнул ими по мембране своего огромного барабана.

— Х-ху! — гребцы потянули на себя тяжеленные весла.

Через каких-то сотню взмахов из люка донеслась новая команда:

— Полный ход!!!

Комит теперь выбивал на барабанае ритм, под который можно было играть плясовую!

Бамм-ба-бам! Бамм-ба-бам!

Рем чувствовал, как напрягаются мышцы, тянутся сухожилия и скрипят кости. Корабль ощутимо накренился влево — выполнялся какой-то маневр.

— Правый борт — втянуть весла!!! — вдруг заорали сверху и Рем с Натаном быстро-быстро перебирая руками потянули весло на себя.

Они успели, и почти все с их борта — тоже, кроме одной пары. Это были каторжане, из шайки Сухаря.

Весла втягиваются только в одном случае: когда капитан решается пройти с вражеским кораблем борт о борт, набрав значительную скорость, которая позволит обогнать неприятельское судно, при этом ломая его весла, и лишив таким образом противника подвижности.

Красному Дэну Беллами это удалось. Он, видимо, был талантливым кормчим, и гребцы услышали треск ломающегося дерева за пару мгновений до того, как двое из них погибли, не успев втянуть свое весло. Здоровенная балясина при ударе о вражеский корабль дернулась и с жутким хрустом, который перекрыл даже шум от столкновения, впечаталась им в ребра. Тем, на атакуемом корабле, пришлось, видимо, куда как хуже!

— Смена! Новое весло!!! — заорал надсмотрщик, и пинками погнал двух свежих гребцов на освободившуюся скамью.

Еще двое оттаскивали искореженные тела в середину. Невольники просунули весла в клюзы и, дождавшись удара барабана, снова принялись за свою монотонную работу. Судя по звукам, сверху шла перестрелка: хлопали тетивы луков и арбалетов, стучали по палубе стрелы.

— Таран!!! — заорали сверху.

Бой комитского барабана превратился в сплошной гул, который заставлял вращать проклятое весло с максимальной скоростью.

Натан просипел сквозь зубы:

— Держись теперь!

Молодой Аркан всем телом чувствовал, как одновременное усилие десятков гребцов толкает корабль вперед. Вода будто загустела, а весла гнулись в их руках как прутья.

— Йаааа!!! — сверху послышался дикий рев гёзов, и страшный удар потряс корпус корабля.

Грохот ломающегося дерева, крики ужаса и боли, и торжества — все это перекрыл громовой голос Красного Дэна Беллами:

— Задний ход! Задний ход, уроды!!!

Комит обеими колотушками сразу стал отбивать ритм, означавший обратный ход весел. Та-тамм! Та-тамм!

— Хэ-э-э! — выдохнули гребцы и налегли на весла.

С пробирающим до костей скрипом таран вышел из деревянного тела атакованного корабля, и Рем услышал как туда, в пробоину, хлынули соленые морские волны. Еще некоторое время пришлось двигать корабль кормой вперед, а потом вновь поступила команда “Ход!”. Капитан повел корабль на абордаж.

Если честно, Рем был на пределе. Еще чуть-чуть и весло бы просто выскочило у него из пальцев. Было ясно, что свежую смену сейчас на весла не пустят — они будут нужны, чтобы быстро скрыться с места боя.

Натану приходилось не лучше — Аркан увидел, как у него из-под ладоней сочилась кровь, стекая по отполированному рукам веслу. Краем глаза удалось рассмотреть Разора, слипшиеся серые космы которого были мокрыми от пота и закрывали всё лицо. Фигура его выражала крайнюю степень изнеможения, только глаза горели неукротимым огнем. Он, кажется, тоже посмотрел на парня.

— Левый борт — втянуть весла!!!

Стук столкнувшихся кораблей и удар борт о борт повалили гребцов на скамьи. Они и не собирались вставать, настолько сильной была усталость.

Сверху гёзы с ревом прыгали на вражеский корабль, швыряли абордажные крючья, перебрасывали мостки... Слышались яростные возгласы, стоны раненых, лязг металла, но на гребной палубе это не находило ни малейшего сочувствия. Рем мечтал о том, чтобы бой продлился подольше и можно было еще какое-то время просто полежать неподвижно на скамьях. Он лежал, ощущая щекой шербаемость доски и молился.

Однако популярные пираты дело свое знали, и уже скоро раздались их торжествующие кличи:

— Йа-а-а! Йа-а-а! Бог за нас!

Они там выбрасывали за борт трупы, судя по плеску. Что им еще бросать в море-то? А потом раздался мерзкий голос:

— Гребцы! На погрузку!

Это значит, нужно было лезть в долбанное колесо. Зато, наконец, стало ясно, за чем охотился Красный Дэн Беллами. Тюки и ящики, которые постепенно отправлялись в необъятную утробу трюма, источали такие ароматы, что сомнениям место не оставалось: это были южные пряности. Бадьян, ваниль, гвоздика, имбирь, калган, кардамон, корица, куркума, мускат, перец всех сортов, розмарин, шафран и Бог знает что еще! Один такой ящик стоил целое состояние. А если продавать мелкими порциями, в розницу — барыши могли стать и вовсе баснословными!

Пока Рем крутил колесо, и мимо него проносилась тара со специями, в желудке у парня урчало и слюноотделение было просто нечеловеческим. Рядом, во втором колесе, пыхтел жилистый мужик с облысевшей башкой и здоровенными предплечьями. В прошлой жизни он был главой цеха пекарей в одном из оптиматских городов центральных провинций, и возглавлял сотню пикинеров городского ополчения. Пекарь был полностью в курсе событий. То есть, вместе с Ремом и Разором ждал удобного момента, чтобы разделаться с пиратами.

— Как мы управимся с кораблем? — вдруг тихонько сказал он. — Я хрена лысого в этом понимаю. Управляться с рулевыми веслом, проложить путь по звездам, поставить парус — это черт знает что!

Проклятье! Рем тоже думал об этом. Надеяться на то, что удастся захватить в плен капитана и команду, и они будут работать на мятежников — это было слишком наивно.

— Нужно поспрашивать у ребят, — сказал пекарь. — Среди нас могут быть моряки, верно?

Рему пришлось кивнуть, так как надсмотрщик подозрительно на них уставился. Погрузка закончилась быстро, и когда первая смена выбралась из трюма, места у весел были заняты другими парнями. Например, Микке числился во второй смене. Мужчины из первой смены не очень огорчились, и повалились на доски, чтобы немного отдохнуть. Комит устало облокотился на барабан — его-то никто менять не собирался.

— Хо-од! — голос Дэна Беллами заставил комита встряхнуться и поднять свои колотушки.

— Бамм!

— Полный ход!!!

— Бамм! Ба-бамм! — весла вспенили воду.

Как потом выяснилось, Красный Дэн хотел абордировать еще один корабль, тот, у которого были сломаны весла в самом начале боя. Сейчас он уходил от гёзов, распределив уцелевших гребцов между бортами. Скорость была не ахти, да и кораблик особой ценности не представлял — конвойное судно, на котором только и есть, что несколько десятков наемников, гребцы, да еще запас провианта и воинских припасов. Оно удалилось примерно на полторы версты, но пиратский капитан кроме алчности отличался еще и кровожадностью, и поэтому гнал свой красный корабль в погоню за уцелевшими врагами.

Расстояние между кораблями неуклонно сокращалось и вот уже раздалась команда “Таран!”, и комит, с лица которого текли ручьи пота, бил в барабан с бешеной скоростью... Огромная красная галера мчалась вперед как стрела, направляемая усилиями десятков свежих гребцов, и все напрялись, ожидая грохота таранного удара.

Вдруг раздался резкий, громкий хлопок, совсем не похожий на ожидаемый гром столкновения. И тут же смолк барабанный ритм. Весла беспомощно заплескались, застучали друг о друга, гребцы растерянно смотрели на комита. А комит ошарашенно смотрел то на колотушки в своих руках, то на лопнувшую мембрану большого корабельного барабана. Он даже опомниться не успел, а на гребную палубу уже ворвался Дэн Беллами с выпученными глазами, разъявленным в матерщине ртом и обнаженным клинком в руках.

— Тварь, ублюдок, выродок, сучье вымя! — орал капитан и рубил комита сплеча, так, что брызги крови летели повсюду: на гребцов, весла, обрывки барабана, на лицо и доспех капитана и долетали даже до отдохавшей смены гребцов.

Всё был окрашено в красный цвет.

Следом за капитаном по лестнице сбежали пираты, выполнявшие роль надсмотрщиков, и принялись хлестать во все стороны плетями. Попало и рабочей смене и отдохавшей... Рему обожгло спину от правого плеча до копчика, и он взвыл от боли. Другие гребцы рычали и матерились, но ничего не могли сделать: на руках — кандалы, ноги прикованы к скобам...

— Я сделаю барабан из твоей шкуры, урод, скотина, недоносок! — на губах капитана выступила пена, он никак не мог остановиться и все кромсал то, что осталось от комита своим клинком.

С верхней палубы раздался голос впередсмотрящего:

— Вижу паруса! Эскадра на горизонте!

Красный Дэн Беллами осмотрел гребную палубу безумно вращая зрачками, и вдруг остановил свой взгляд на Аркане. Рем тут же опустил глаза, но тщетно.

— Возьмите этого, длинного! Тащите его сюда!

Рема отцепили от скобы и подвели к капитану.

— Ты будешь новый комит! Сейчас тебе приволокнут барабан, и не дай Бог что-то с ним случиться до тех пор, пока шкура этой мрази не будет готова к использованию. Ты меня понял? — глаза его были налиты кровью и зрачки бегали туда-сюда.

Рем судорожно кивнул, хотя, на его взгляд тех лоскутов, что остались от предыдущего комита никак не хватило бы на большую мембрану. Ему расковали руки. У комита, оказывается, была собственная скоба, возле барабана, к которой цепляли его ножные кандалы.

Пираты оттащили кусок фарша, который был недавно человеком, Красный Дэн Беллами сунул в руки Рема колотушки. Сейчас он как никогда оправдывал свое прозвище: лицо, руки, доспех и одежда пирата были залиты кровью. Откуда-то притащили барабан поменьше. Наверное, его использовали в корабельном оркестре.

— Ты уже долго тут гребешь, урод. Все ритмы выучил. Слушайся команд, не сбивайся и будешь получать мясо и вино, сможешь прогуливаться по верхней палубе, — давал парню наставления один из гёзов, старший помощник Уоррен. — А теперь — за дело!

Рем посмотрел на колотушки в своих руках, на барабан, на гребную палубу... Скамьи, весла, гротескные фигуры товарищей, их взгляды обращенные на него — все это почему-то вызвало в душе молодого Аркана некое чувство приязни, и он испугался что свыкся с рабским состоянием гребца, что существование в трюме заняло всю его душу и разум, стало обыденным и близким...

Эта мысль вызвала в нём бурю негодования — еще чего! Это не рабская привычка, а чувство солидарности с товарищами и мечты о свободе, о моменте, когда можно будет расквитаться с долбанными гёзами — вот что занимало его душу!

— Хо-од!!! — заорал ему в самое ухо капитан и Рем, дернувшись, опустил колотушки на мембрану барабана.

— Бамм!

Этот барабан был звонче, и звук его впивался прямо в мозг. Вдох-выдох — здоровенные балясины весел вращаются в клюзах, направляемые движениями мощных рук гребцов.

— Давай-давай! — Красный Дэн одобрительно похлопал парня по плечу, развернулся на каблуках и зашагал к

лестнице, ведущей на верхнюю палубу.

Шагнув на первую ступеньку он вдруг обернулся и завопил дурным голосом:

— Полный ход!!!

— Ба-бамм! — отозвались колотушки в руках Рема.

Пряности, специи и другая добыча, привезенная из рейда на Юг сделали Красного Дэна Беллами важной фигурой на островах Низац Роск. Его команда пополнилась новыми бойцами, он мог позволить себе лучшее оружие и снаряжение и планировал новые дерзкие акции. Амбиции капитана росли и аппетиты увеличивались.

Вместе с тем росла и нагрузка на гребцов. За малейшее неповиновение следовала порка, за повторное преступление — протягивали под килем. Рему раза четыре приходилось терпеть побои, но по сравнению со страданиями его товарищей по несчастью это, в общем-то, было пустяковиной.

Днище зарастало ракушками и прочей живностью, а капитан никак не находил времени для проведения необходимых работ. Еще бы! Красный корабль свирепствовал в прибрежных водах Северо-Запада, верстах в двухстах от Низац Роск, и очень сложно было улучшить момент для ремонта между еженедельными убийствами, грабежами и насилиями, которые творили гёзы.

А скорость от гребцов требовали прежнюю...

— Давай-давай! — орал Красный Дэн.

— Бамм-бабам! — бил Рем в барабан из кожи бывшего комита, обливаясь потом.

Между рядами скамей ходили надсмотрщики с плетями, из легких гребцов вырывалось натужное дыхание, тяжело вращались массивные балясины весел. Час за часом, день за днем... Рем видел как потухают взгляды парней, видел нарастающую глухую волну апатии и безразличия. На гребной палубе всем было наплевать даже когда сверху орали “Таран!”. Это просто означало новые минуты адского напряжения всех сил.

Нужно было что-то делать, и заговорщики во главе Разором предпринимали всё возможное. Из более чем двух сотен гребцов обеих смен сто семьдесят семь человек были на их стороне. Три десятка из них оказались бывшими матросами, две дюжины имели отношение к военному делу, считая Аркана и Разора. Остальные оказались крестьянами, ремесленниками разных профессий, нищими бродягами или вовсе — уголовниками, такими как Сухарь и его подельники. И все как один готовились в подходящий момент вцепиться в глотки пиратам, и драться насмерть.

Но была одна проблема, которую заговорщики шепотом обсуждали в часы отдыха. Ее снова озвучил бывший напарник Рема по веслу. Натан в прошлой жизни ходил на рыболовецком судне, и знал толк в морском деле:

— У нас нет кормчего, штурмана... Мы справимся с парусами, сможем грести на веслах, но кто поведет корабль? Кто проложит курс и станет за штурвал?

Это был тупик. Захватить бесноватого капитана и заставить его работать на бунтовщиков? Дождаться, пока в плен к пиратам попадет какой-нибудь штурман? Или самим наугад направить корабль в сторону горизонта, надеясь, что впереди будут ждать гостеприимные берега? Всё это было чистой воды бредятиной, и никак не соответствовало жестким требованиям Разора — порядку и дисциплине. Такой план скорее было похоже на самоубийство и авантюру.

Оставался один-единственный вариант — дожждаться килевания. Красный Дэн Беллами не мог вечно тянуть с этой процедурой. Ему когда-нибудь придется приказать вытащить корабль на мелководье в какой-нибудь уединенной бухточке, чтобы очистить его подводную часть. Тогда у гребцов появится шанс прикончить пиратов, обогнуть судно и уйти сушей.

И, конечно, капитан угробил все надежды на скорое освобождение.

После очередного налета на один из оптиматских прибрежных городков до пиратов наконец дошло, что с килеванием тянуть больше не стоит. Военная эскадра не настигла корабль Красного Дэна едва-едва, и ценой тому была потеря восьми гребцов, четыре из которых загнулись от сердечных приступов, двое — от кровохарканья, а еще двоих забили до смерти надсмотрщики.

Заросшее дно здорово замедляло скорость, и нещадная эксплуатация живой силы больше не могла компенсировать потери в ходовых качествах. Капитан матерился через слово, пинал ногами гёзов, избивал гребцов до тех пор, пока наконец не выдал:

— Идем к Низац Роск, курс на Хотгоб...

Именно там он планировал провести килевание, вдали от любопытных глаз. Еще бы: трюм был набит драгоценными металлами и предметами роскоши, награбленными в рейдах вдоль побережья! Беззащитный во время чистки днища, неподвижный корабль с таким грузом — лакомая добыча для гёзских капитанов, не отягощенных моральными принципами. То есть — для любого корабля с Низац Роск.

Хотгоб был промозглым куском земли посреди моря, примечательный только сильными приливами в единственном фьорде, птичьим дерьмом и небольшим источником пресной воды, который бил из какой-то скалы в глубине острова. Ну, и еще своим расположением — до пиратских баз Низац Роск отсюда оставалась неделя пути.

И куда гребцам было деваться с этого клочка суши? Всё это вызывало приступы бешенства у Рема и всех остальных, готовых действовать.

На самом деле какой-никакой план имелся: Аркану нужно было огреть колотушками старшего помощника Уоррена. Это должно было произойти в тот момент, когда вахты гребцов менялись, и у него на поясе находились обе связки ключей. Популяры привыкли, что Рем — парень мирный и бьет в барабан исправно, и не уделяли ему особенного внимания. Подозрений он тоже не вызывал — как же, ни одного инцидента с участием комита за все время невольничества!

Корабль вошел в Большой фьорд Хотгоба, когда прилив только начинался. Времени на подготовку хватало, так что капитан вопил и брызгал слюной, и отвешивал пинки и затрещины в свое удовольствие. Конечно же, гёзы и не думали самостоятельно соскребать всякую дрянь с днища. Такая почетная обязанность была поручена гребцам.

Канаты, веревочные лестницы, инструменты и прочие принадлежности были сложены вдоль бортов, корабль подвели максимально близко к берегу, и теперь оставалось только ждать. Гребцы в трюме мрачно переглядывались: еще бы! На килевание они надеялись долгие недели, и вот он — шанс! Уплывает прямо из-под носа...

— Нужно сильнее разгрузить корабль! — заорал капитан. — Отцепите пару дюжин этих уродов из свободной смены, пускай вытаскивают запасные снасти на берег! Давай-давай!

Выгрузить запасные снасти на берег — это значит спустить на воду оба ялика, посадить в них по две пары гребцов и минимум одного вооруженного гёза. После этого нужно было спускать с корабля в ялики груз, который предварительно извлекался из трюма.

Этим и занялась свободная смена. Казалось бы, нудное и ничем не примечательное занятие, которое не стоит внимания... Но тут произошло кое-что, мигом перевернувшее всё с ног на голову!

Толстый Микке, который после месяцев корабельной жизни потерял право называться Толстым, тащил наверх запасной штурвал, и, продвигаясь мимо Рема к лестнице, вдруг проговорил в своей тормозной северянской манере:

— Я-а-а на Се-евере неплохо уп-правлялся с э-этой шту-укой... — и затопал по ступеням.

У Рема чуть не взорвалась голова от нахлынувших эмоций. То есть как это — неплохо управлялся с этой штукой?! Он что, был рулевым, кормчим? Столько терзаний, сомнений, упущенных шансов, а кормчий все это время торчал на соседней скамейке?!

В любом случае буря, возникшая в душе Рема Тиберия Аркана была подавлена самым прозаичным образом — сапог старшего надсмотрщика врезался ему под ребра, а следом за ним в мозг врезался его крик:

— Комит! Ты думаешь ты особенный? Хватай гребаные тали и тащи их в хренов ялик!

Тали — это такие веревочные снасти. Рем волочил тяжелый моток и думал о том, что теперь Хотгоб — это не так уж плохо.

Они были заняты целый день: до отлива выгрузкой, после отлива — чисткой днища. Корабль (Бог его знает, как он назывался, пираты как-то обходились без названия в присутствии комита и гребцов) был самым большим среди всех рейдеров Низац Роск, и поэтому работы предстояла целая уйма. Просто наклонить его под необходимым углом — даже это было проблемой. Что уж тут говорить о необходимости висеть на вонючем днище и страдать от палящего солнца, и стирать ладони в кровь о неудобный скребок...

После заката капитан сделал первую ошибку: он не загнал гребцов в трюм, а оставил у разожженных костров дышать свежим воздухом. Красный Дэн Беллами посчитал, что кандалов будет достаточно, и что с острова никто никуда сбежать не сможет. Наверное, учел он и усталость и голод, и поэтому организовал раздачу горячей пищи — каши с рыбой.

Рема уже тянуло плевать от каши с рыбой, так что пропихивая себе в глотку очередной комок крупяного месива и отплеываясь мелкими рыбными костями он думал, что, наверное, пару лет не будет есть ни ячменной каши, ни морской рыбы. Дай Бог только с корабля на твердую землю перебраться!

Надо было всего лишь переговорить с парнями, и с Разором конечно — и до светлого будущего рукой подать. Им удалось переброситься парой слов, когда все уснули, и только парочка конвоиров с обнаженными саблями прохаживалась у костров.

— Микке сказал, что умеет обращаться со штурвалом! — прошипел Рем.

Разор издал горлом какой-то сдавленный звук, глаза его стали квадратными, но потом мужчина взял себя в руки и спросил:

— Что ты предлагаешь?

— Нужно быть точно уверенным в том, что он — рулевой. Если это так — будем действовать! Предупреди парней, а я займусь Микке.

— Есть план? — спросил Разор.

Рем изложил свое видение бунта: идея была простой и смертельно опасной. Для начала они должны были закончить всю работу — почистить днище, проконопатить и просмолить щели. И трудиться нужно было на совесть — потом этот корабль станет родным домом для восставших!

После этого планировалось просто-напросто сбежать, и засесть в скалах. Капитану придется отправить отряд на поимку, разделить свои силы и тут-то появлялась возможность с ними посчитаться! Две сотни парней на хорошей позиции, вооруженные хоть бы и бульжниками могут доставить массу хлопот! Главное — не потерять Микке.

Разор такой план одобрил, добавив только, что хорошо бы все-таки раздобыть ключи. И Рем, позвякивая кандалами, отправился к северянину, благо, надсмотрщики особенно не зверствовали и разрешали перемещаться от костра к костру.

Толстый Микке, который потерял право называться Толстым, теперь представлял из себя гору твердых как железо мышц. Долгие месяцы гребли и беготни в колесе из кого угодно сделают атлета, знаете ли... А учитывая природные данные малыша-саами зрелище и вовсе получалось впечатляющее!

Он доброжелательно уставился на Рема и даже подвинулся чуть в сторонку, освобождая место у костра.

— М? — спросил Микке.

— Микке, друг мой, скажи ради Бога, ты кормчий? — зашептал Аркан ему в самое ухо.

— Да-а-а... Я-а был лучшим рул-левы-ым на гонках фьорда Бивень Медве-ежьего-о О-острова.

— Ты сможешь управлять этим кораблем? — душа парня пела и он был готов расцеловать гиганта-северянина.

— Да-а... Нич-чего сложного. Немно-ого привы-ыкну и да-а!

Рем чуть не сплясал кесарянку вокруг костра, но его радость прервал спокойный голос Микке:

— Я-а не знаю местного не-еба. То-олько над Низац Ро-оск.

А вот это была проблема. Если он не знал неба — значит не знал, куда вести корабль. Соваться на пиратские острова — это вообще-то была довольно хреновая идея. В любом случае до этого нужно было еще захватить корабль!

— Ты чего раньше-то не сказал, что ты рулевой и штурман? — спросил Рем напоследок.

— Ты-ы не спрашивал, — ответил Микке.

А что еще он мог ответить?

План, конечно, пошел в задницу.

Рем как раз торчал с ведром смолы и кистью на верхушке наскоро сколоченной стремянки, когда старший помощник Уоррен вывернулся на Микке. Тот вместе с Натаном тянул куда-то длиннющую доску, и при развороте неловко задел штабель с пустыми бочками, которые, рухнув и покотившись по берегу, чуть не сбили с ног Уоррена и нескольких гёзов.

Такая неловкость и вызвала ярость старшего помощника. Он набросился на гребцов с ругательствами, а потом распалаясь всё больше и больше начал награждать их тумаками. Натан, более опытный, тут же скорчился на земле, закрыв голову руками. Микке же возвышался над Уорреном на целую голову, сжимал в кулаки закованные кандалами руки, и лицо его багровело всё больше. Старший помощник, наконец, совсем рассверипел. Пользуясь беззащитностью северянина (все знали, что грозит гребцу, посмевшему поднять руку на гёза) Уоррен ударом под коленки сбил его с ног и принялся пинать ногами по голове.

Медлить было нельзя. Жизнь Микке — единственной надежды заговорщиков на спасение — была в опасности. Ничтоже сумняшеся, Рем плеснул горячей смолой из ведра на спину Уоррену и спикировал со стремянки следом. Гёз орал дурным голосом, а парень подскочил к нему, сбил с ног, сдернул с пояса связку с ключами и уже потянулся за тесаком в ножнах, как увидел, что со всех сторон спешат к месту схватки пираты, побросав все дела и выхватывая оружие.

— Натан! Берём Микке и ходу, ходу! — вскричал Рем, потрясая связкой ключей.

Микке с помощью Натана поднялся, как-то вяло отмахнулся рукой, мол сам могу, и они втроем припустили к скалам, оглашая окрестности дикими воплями и оповещая товарищей о крушении планов.

Убегая Рем увидел, что большая часть заговорщиков обратила внимание на их эскападу, и на ключи в руках Аркана тоже. Они как по команде бросили свои дела — погрузку, уборку, чистку днища и Бог весть что еще, и порскнули в разные стороны.

На такой случай они ночью уговорились о точке сбора — приметной горе с выступом, похожим на горбатый нос.

Разор, кажется, тоже сбежал.

Думать было категорически тяжело. Легкие разрывало от долгого бега, не привыкшие к физическим нагрузкам такого рода ноги просто отваливались. Рему страшно было подумать, каково бы им пришлось, если бы он не улучил минутку и не избавился от кандалов с помощью ключей Уоррена!

Они мчались в гору, спотыкаясь о камни и сбивая в кровь ступни и пальцы на ногах. Преследователи — семеро до зубов вооруженных пиратов — тяжело грохотали подошвами ботфортвов, отставая шагов на тридцать.

Одновременный побег более полутора сотен гребцов обескуражил и ошеломил Красного Дэна Беллами. Неизвестно, сколько человек погибли при попытке к бегству, но большей части явно удалось скрыться. Рем мог судить об этом с такой уверенностью потому, что, оглянувшись в очередной раз, увидел маленькую с такого расстояния фигуру пиратского капитана, который дергаными жестами рассыпал во все стороны небольшие группы гёзов и раздавал затрещины немногим оставшимся на берегу гребцам.

Ха! Убивать-то он их боялся. Где ему еще взять мускульную силу на этом Богом забытом острове?

Почва вдруг ушла из-под ног Аркана, осыпавшись вниз водопадом мелких камешков и песка. Чертыхнувшись, он рухнул навзничь, и попытался уцепиться за какие-то травинки и обломки. Усиливающийся обвал чуть не увлек парня вниз, прямо в руки погони, как вдруг Микке неожиданно резво схватил его за волосы и поставил на ноги чуть в стороне.

У Рема брызнули из глаз слезы, парню показалось, что он лишился доброй половины своей шевелюры:

— Спасибо, друг! — выдавил Рем.

Внезапно Аркан понял, что его товарищи и не собираются никуда бежать. Натан стоял, пытаясь отдышаться, и со злорадной ухмылкой смотрел куда-то ему за спину. Микке тоже не проявлял особых признаков беспокойства.

Рем обернулся и понял причину происходящего: спровоцированный его неловкостью оползень нашел-таки свои жертвы: двое из семи гёзов сейчас корчились на земле. Присмотревшись повнимательнее, он разглядел, что один держался за неестественно изогнутую голень, второй стоял на четвереньках и тряс головой, с которой капала кровь.

Пока пираты суетились вокруг пострадавших, Натан спросил:

— И что дальше? Бежим?

Микке мрачно сплюнул на землю слюной и кровью, и выжидательно посмотрел на Рема. Тот на секунду задумался: вообще-то всё, вроде как, так и было задумано! Правда в куда больших масштабах, но сути это не меняло.

— Эй, Микке! — оскалился Рем. — Ты сможешь сдвинуть вот эту каменюку?

Северянин глянул на булыжник размером с индюка, потом, оценивая — на пиратов, и с ухмылкой кивнул. Натан сразу понял в чем дело, да и Рем наметил себе подходящий обломок скалы.

Гёзы внизу не сразу заметили нависшую над ними опасность, они были слишком заняты своими ранеными товарищами, так что два камня из трех нашли свои цели. Огромный кусок скалы, направленный вниз мощным усилием северянина врезался в самую середину плотной группы врагов, лишив жизни популяра со сломанной ногой и покалечив еще двоих. Снаряд Натана, отскочил от грунта и ударил в грудную клетку одного из пиратов и протащил его по камням. А Рем промазал.

Свою неудачу он постарался компенсировать количеством отправленных вниз обломков, и, кажется паратройка из них нанесли пиратам какие-то повреждения. В любом случае, Микке действовал наиболее эффективно: несмотря на перенесенные побои, он, подобно легендарным титанам швырялся целыми кусками скал, и вскоре обратил в бегство гёзов: двое оставшихся на ногах пиратов помчались к берегу сломя голову.

Три товарища не сговариваясь ринулись в погоню. Поравнявшись с поверженными врагами, они замешкались, подбирая оружие. Натан походя пнул по голове одного из гёзов, который пытался помешать ему завладеть абордажным топором.

То ли мятежных гребцов окрыляла жажда мести, то ли подъем слишком трудно дался тяжеловооруженным пиратам, но возмездие настигло двух людей Красного Дэна шагов через двести.

Первого Микке разрубил чуть ли не от плеча до паха трофейным фальчионом, второго Рем ткнул в бедро кинжалом. Натан добил раненого ударом топора по голове.

Они почти не сопротивлялись: пытались спастись бегством, пораженные такой удивительной сменой ролей. Еще недавно гребцы были покорным скотом, а теперь превратились в матерых хищников!

— Да-а-а!!! — завопил Натан, потрясая над головой окровавленным оружием.

Микке вытирал фальчион об одежду разрубленного пирата. А Рем поглядел на клинок в своих руках и подумал, что нужно будет вооружиться чем-то посерьезнее.

— Нужно собрать трофеи и помочь ребятам. Вряд ли им повезло так же сильно, как нам, — проговорил Аркан и побрел наверх.

Товарищи оказались счастливыми обладателями пяти пар кожаных доспехов (шестой был безнадежно испорчен ударом северянина) и одной очень приличной кольчуги, а так же двух кинжалов, пяти кривых ножей, трех абордажных топоров, двух фальчионов и одной офицерской шпаги. Видимо, еще один клинок оказался погребен под слоем грунта, но это не особенно огорчало — добыча была знатной!

Пиратов донага раздели, сняли даже кольца и браслеты, не говоря о флягах с вином и водой. Кто его знает, что может пригодиться на этом острове? Несмотря на сопротивление северянина, Рем с Натаном заставили его надеть кольчугу, в которую он влез едва-едва. Уж больно важным персонажем стал Микке, чтобы позволять и дальше портить его драгоценную шкуру!

Одевшись и экипировавшись, товарищи связали оставшиеся трофеи в тюки и направились к скале с характерным выступом.

Вся надежда была на Разора и его организаторские способности. В конце концов, это ему принадлежала основная заслуга создания среди гребцов тайного общества, а Рем считал себя только поставщиком маловразумительных идей. Если кто и мог превратить беспорядочное бегство в запланированное отступление — это был только он, Разор. С другой стороны — на остальных парнях были кандалы, а с ними не особенно поскачешь по скалам!

Прошло часа три с тех пор, как начался спонтанный побег, и до темноты оставалось не так и много. Шататься ночью по незнакомой горной местности — это была очень плохая идея, так что троица ковыляла к своей цели по пересеченной местности, нагруженная трофеями, и коротали время обсуждая Разора:

— Он был центурионом, это точно! — заявил Натан. — И возраст у него подходящий!

— А ско-олько ему-у зим? — поинтересовался Микке, и все задумались.

Рем навскидку давал ему сорок пять-пятьдесят, Натан — шестьдесят. В легионы при Империи брали с шестнадцати, чтоб дослужиться до центуриона нужно было минимум лет пять... В общем-то это могло быть правдой! И замашки у него были похожи на тех стариканов, которые поминали Бога и Дисциплину через запятую.

Аркан подумал о том, что после смерти доминуса Фабия Красивого Империя людей уже двадцать шесть лет как постепенно разлагается и гниет, превращаясь в некий атавизм, а легионерам платить перестали и того раньше... Вот и пошли по миру старые солдаты, и где их только теперь не встретишь!

— Псть! — услышал Рем. — Руки шоб я их видел!

— Сухарь?

Старый каторжник был жив, вот это да! Рем был до чертиков рад его видеть, и кинулся обниматься. Тот даже не сопротивлялся, и похлопал парня по спине, улыбаясь. Сухарь и его люди прятались за камнями по обеим сторонам тропинки, готовясь устроить обвал на возможного противника. Аркан мигом воспользовался ключами и освободил их от кандалов, а потом состоялся обмен трофейного оружия на свежие новости.

— Мы порешили восемь ублюдков, — сказал Сухарь. — Разор собрал отряд, человек сорок, сейчас пытаются сварганить пращи из шмотья пиратов. Пойди к нему, Рем.

Он старательно пытался говорить нормально, но жаргонные обороты так и лезли наружу. Люди Сухаря встретили одобрительным гулом сообщение о о гибели шести гёзов. Еще бы! Каждый убитый враг увеличивал им шансы на спасение! Правда, никто не знал, сколько людей потеряли мятежники.

Разор встретил их почти на самой вершине.

Бывшие гребцы на склонах действительно осваивали пращи. Их натаскивали бывалые солдаты, умеющие обращаться с этим метательным орудием. Появление Рема, Натана и северянина, и особенно — связки ключей здорово подняли их боевой дух, и ребята принялись раскручивать над головой пращи с удвоенной силой. Сложно было представить, как они тренировались в кандалах. В любом случае их упражнения подходили к концу — смеркалось.

— Рем, ты здесь! И Микке, хвала Создателю! — Разор явно обрадовался северянину больше всего, но Аркан особенно не огорчился. — У нас тут теперь пятьдесят восемь человек, считая вас. И еще кто-то шастает по чертовым скалам.

Пожав руку Разору, Рем обратил внимание на перевязь с коротким мечом-бастардом у него на поясе.

— Мы тоже разжились оружием, раздали кое-что парням Сухаря, — сказал он, а потом все расселись на остывающие в сумерках камни и Рем поведал, почему всё полетело к чертям.

Разор обрисовал свое видение ситуации. Картина складывалась невнятная: сбегать смогло человек восемьдесят, остальных скрутили по горячим следам. А кто-то просто струсил и решил не рисковать. В любом случае, по по острову еще бродило несколько мятежников, которых следовало выручить.

— Нужны добровольцы, — задумчиво проговорил Разор. — Шататься ночью по чертовым скалам, играя в кошки-мышки с пиратами — это вам не старая добрая резня при свете дня, это удовольствие сомнительное!

А Рем подумал, что именно сейчас, в эти первые часы определяются роли в формирующейся команде, и если авторитет Разора был непререкаемым, то Рем Тиберий Аркан для всех оставался темной лошадкой. А как же! Сам капитан его назначил комитом, он ел и пил лучше всех остальных, да еще и по палубе шатался в свое удовольствие, пока они в трюме чахли. Но его аркановская природа требовала признания. Рем хотел чувствовать себя значимым, что уж тут скрывать? Арканы вообще — люди тщеславные.

Так что ему ничего не оставалось, как подвигать шпагой в ножнах и буркнуть:

— Я пойду. Думаю, дюжины ребят хватит.

Разор одобрительно хмыкнул, в его глазах плясали веселые чертики.

Натан и Микке тоже изъявили желание поохотиться на гёзов и выручить своих товарищей, но кандидатуру

северянина сразу же забраковали и забрали у него фальчион. А кольчугу оставили. На попытки протестовать Разор шикнул и погрозил пальцем, и этого оказалось достаточно.

Рем и Натан прошли по склонам горы, заглянули к пращникам и к Сухарю, и в итоге собрали нужное количество бойцов, которых удалось даже вооружить. Все кинжалы и другие короткие клинки оставили в лагере, чтобы совсем не обезоруживать остающихся ребят. У небольшого отряда были топоры, фальчионы, абордажные сабли и шпага Аркана. Пятеро, включая его, имели какое-то отношение к военному делу, остальные, как, например, Натан и Сухарь, были мужественными людьми, которые умели обращаться с оружием и готовы были пустить его в ход.

— В той стороне видели отблески факелов! — сказал Септимий, хромой ветеран-ортодокс с юго-востока. — У наших нет факелов.

Мятежники переглянулись и двинули в указанном направлении. Ночь выдалась лунная, но несмотря на это двигаться приходилось осторожно, чтобы не повредить ноги и не сверзиться черт знает куда.

Хотгоб был похож на неправильный круг диаметром версты три-четыре, но учитывая скалистый рельеф, прочесать его было делом муторным и почти невозможным. Вот и они и пробирались во тьме, в поисках друзей или врагов, время от времени посылая человека взобраться на вершину очередной высотки, чтобы сориентироваться на свет факелов.

Случаются в жизни ситуации, когда особенно четко ощущается некое Божественное присутствие неподалеку. Как будто кто-то подталкивает события в нужном направлении... То, что происходило сейчас нельзя было списать на простую удачу или стечение обстоятельств!

По крайней мере, Рем не мог объяснить ничем, кроме Божьей помощи, тот факт, что отряд гёзов численностью в полтора десятка бойцов попал в чью-то засаду именно в тот момент, когда мятежники крались на расстоянии пятидесяти или сорока шагов от них.

— Швыряйте, братцы! — орал смутно знакомый голос. — Хрена лысого мы позволим снова запихать нас в проклятый трюм!

Всё действие происходило в неровном свете луны. Пираты карабкались вверх по крутому невысокому склону, прикрываясь немногочисленными щитами и пытаясь увернуться от падающих сверху обломков. Гребцы, звеня кандалами и помогая друг другу, скатывали и швыряли камни, надеясь нанести как можно больший урон противнику, прежде, чем обратиться в бегство.

— Шабаш, братцы! — заорал тот же голос. — Наши на подходе!

Вот же черт! Гребцы заметили отряд Рема раньше гёзов, и, с одной стороны, перестали бросать камни, чтобы не поубивать своих, а с другой — оказали медвежью услугу, предупредив неприятеля об угрозе. Их предводитель, видимо, понял свою оплошность и Аркан увидел фигуру на гребне, с занесенным для удара внушительным булыжником.

— Вперед, братцы! За свободу!!! — и бросился на врага.

Около двух десятков гребцов устремились за ним, звеня кандалами.

— А-а-а-а!!! — заорал Рем и помчался вперед, занеся руку со шпагой для удара.

— А-р-р-р-р!!! — вторили ему бойцы, вопя и рыча как тысяча чертей.

Если бы пираты построились и встретили мятежников лицом к лицу, если бы темнота не скрывала численность атакующих, если бы ребята со склона не ринулись в атаку — скорее всего, Рема, Натана и остальных прикончили бы прямо здесь и сейчас.

А так — это была настоящая резня. Гёзы потрошили до безумия храбрых, но безоружных гребцов со склона, а Рем и его люди потрошили гёзов, обрушившись на них с тыла.

Всё было кончено в считанные минуты. Со шпаги Аркана стекала кровь, Натан добивал пиратов топориком, Сухарь уже приступил к сбору трофеев, а Септимий кого-то выискивал среди павших.

Рем отцепил от пояса связку с ключами и взмахнул ей в воздухе:

— Давайте сюда, ребята. Сниму с вас эти чертовы железяки...

Они подходили по одному, избавлялись от кандалов, обнимались с товарищами, перевязывали свои раны полосками трофейной одежды, вооружались. Из двух десятков в живых осталось одиннадцать и трое были ранены. Среди людей Рема двое также пострадали. Пекарь, возглавлявший этот отряд, лежал на камнях с проломленным черепом.

Аркан сглотнул неприятный комок в горле — ему стало жаль этого толкового организатора, правильного мужчину и отважного человека...

Было решено отправить раненых к Разору, благо четверо могли самостоятельно передвигаться, ранения оказались легкими. Третьего пострадавшего с резаной раной на правом боку кое-как перевязали и уложили на короткий плащ одного из гёзов. Так себе носилки, окровавленные и изодранные, но все же лучше чем тащить

человека за руки и ноги.

Люди пекаря влились в отряд Рема. Теперь он представляли собой серьезную силу — два десятка хорошо вооруженных и еще лучше мотивированных мужчин.

— Мы слышали крики за этой скалой, — сказал невысокий коренастый гребец с покрытым оспинами лицом. — Там находится источник, наверное наши хотели попить водички...

— Меня Рем зовут, — протянул ему руку Аркан. — А это Натан, Сухарь, Септимий...

— Кирпич, — представился он, отвечая на рукопожатие. — Мы с Пекарем тут вроде как были за главных.

— Так что, маэстру Кирпич, пойдём глянем, что там?

Отряд мятежников, стараясь не шуметь, двинулся в обход скалы.

Сначала они услышали негромкое журчание и звук перекатывающихся камешков, а потом увидели и ручеек, едва заметно несущий струи чистой холодной пресной воды по дну ущелья.

— И как мы пойдем в такой темноте... — начал Натан, и был перебит негромким деревянным треском, раздавшимся из-под его ноги. — Какого... Рем, я загнал себе занозу в ступню!

— Какую, к черту, занозу, Натан?

На Хотгобе ни единого кустика не было, только камни и лишайник!

— Дай, посмотрю! — сунулся к нему Кирпич. — Я помогал деревенскому цирюльнику одно время...

Через секунду раздался удивленный присвист, и Кирпич продемонстрировал всем древко стрелы.

— Понимаете что это? — спросил он.

Рем присмотрелся и понял.

Гёзы решили использовать тупые стрелы. То есть, без наконечника. Поражающие качества такого метательного снаряда оставляют желать лучшего, но перед ними ведь не стояло задачи прикончить мятежников! Просто сбить с ног, схватить, заковать в кандалы, приковать к скамьям и заставить догresti до Низац Роск. А потом прикончить, делов-то... И кто-то из мятежных гребцов уже попал к ним в лапы.

— Та-а-ак! — проговорил Сухарь. — Переться с утра на берег — галимая идея. Фуфлю.

Остальные одобрительно загудели. Все примерно представляли себе, сколько у пиратов имеется луков и арбалетов, и перспективы в связи с этим вырисовывались весьма пессимистичные.

Рем стоял у ручья и чесал затылок. Ну а что ему еще оставалось? Ничего стоящего в голову не приходило. Гребцы расположились тут же, на камнях неподалеку, напившись свеженькой водички и наслаждаясь короткой передышкой. Натан отмачивал в воде ступню, из которой таки вынули занозу, и бурчал:

— Черт знает что! Уродские стрелы! Уродский остров! Клятые гёзы, клятый Дэн Беллами! Уродская заноза! Даже воды набрать не во что!

— Погоди-ка... — в голову Аркану вдруг постучалась мысль, и он боялся спугнуть ее. — Что ты сказал?

— Уродская заноза, вот что! Целое долбанное бревно впилося мне в пятку! Такого врагу не пожелаешь!

— Нет-нет, потом, после уродской занозы...

— Да что ты прицепился ко мне? Воды набрать не во что, вот что!

Да-а-а! Вот оно!

— А скажи-ка Натан, набирали ли мы воду впрок, пока чистили днище у корабля?

— Не-е-ет... Две бочки было в лагере и одна на корабле, суточный запас... А пираты ходили к ручью чтобы набрать во фляжки прохладной водички.

Рем и сам это знал. Просто хотелось услышать от кого-то еще. Это было просто, трудоемко и совершенно по-аркановски.

— Маэстру! — громко сказал Рем. — Нам придется поработать, но уверяю вас, к полудню Красный Дэн Беллами придет прямо к нам в лапы!

Маэстру зашумели, и стали придвигаться поближе к нему.

— Кто-то должен сходить к Разору и привести сюда всех наших, работы предстоит уйма... А мы начнём прямо сейчас!

Закончили мятежники, когда солнце было уже высоко. Поперек оврага высилась здоровенная запруда высотой в человеческий рост, сооруженная из камней разных размеров. Основание укрепили землей, которую носили в пригоршнях и трофейной одежде. Эта работа продолжалась и теперь, но в гораздо более спокойном темпе.

Рем дико хотел есть. Даже не есть — жрать! И пить. Иногда он сетовал на то, что был ортодоксом. Например сейчас, когда под ногами плескалась прохладная водичка, а он никак не мог улучшить момента чтобы вскипятить немного хоть бы в чертовом шлеме!

Остальные, он был уверен, чувствовали себя не лучше. Усталость, помноженная на голод и постоянное нервное

напряжение последних суток, давала о себе знать, люди ходили хмурые, взвинченные до предела.

Все приготовления были завершены. Разор отер лицо руками, но только больше испачкался:

— Остается только ждать. Когда они поймут, что источник пресной воды иссяк, им в любом случае захочется выяснить, в чем дело. Как думаешь, надолго наша плотина остановит воду? — его голос был мрачен.

— Ну, пока набралось едва по шиколотку. Если нигде не прорвет — до следующего утра, думаю, через край не перельется.

— Эти твои идейки, Рем... У тебя в родне Арканов не было? — спросил вдруг Разор, и глянул на парня, прищурился.

Рем издал горлом какой-то невнятный звук и снова почесал затылок, чтобы сделать хоть что-нибудь. К его семье отношение было самым неоднозначным, от восхищения и преданности до ненависти и лютого желания прикончить хоть кого-нибудь, имеющего к ним отношение. Хоть долбанного аркановского кучера, хоть распоследнюю аркановскую собачонку!

И то и другое имело право на существование, и, в общем-то, было логически обоснованным. И то и другое бесило Рема до скрежета зубного, и послужило одной из причин его побега из родного дома в Смарагдский университет. При этом у парня не было никакого желания выяснять отношение Разора к славной династии Арканов. На данный момент его устраивали установившиеся отношения сотрудничества, и менять ничего не хотелось.

— Давай мы прикончим гэзов, а? А там уж устроим разговор по душам, если не сдохнем...

На такое предложение Разор задумчиво кивнул, а потом принялся распекать мужиков, которые громоздили камни на склоны оврага:

— Ты соображаешь что делаешь? Как ты его ронять-то будешь, если вы его втроем еле притянули? Лучше мельче, да больше! Сто-ой, куда потащили? Пускай уже лежит!

И далее в том же духе.

Меж тем смеркалось. Все понимали, что скоро голод возьмет своё, и Красный Дэн Беллами просто придет и заберет их всех, не прикладывая к этому усилий. Разве что те усилия, которые понадобятся пиратам, чтобы сложить мятежные тушки штабелем в трюм, приковать к скамьям и влить в глотки похлебку.

У Рема началась самая настоящая изжога, желудок, кажется, уже сожрал все остальные внутренности и теперь принялся за позвоночник. Рядом сидел Натан, у которого зверски урчало в животе.

— Я думаю, — сказал он, — что кое-кто из наших уже подумывает над тем, чтобы сдать. Очень уж кушать хочется...

Сухарь чертил босой ногой линии на песке и бурчал себе под нос:

— Старые люди бают, что когда с каторги северной скачок делается, молодого бычка берут, потому как в северном краю с пропитанием проблема...

— Погоди, какого бычка?.. — прервал его Натан.

— Молодого, упитанного... Главное — тупого и на лезть падкого...

— Бычка? На каторге? Откуда там бычок-то?.. — не желал понимать Натан.

Может быть он бы и понял, если бы с одного из склонов не посыпались мелкие камешки, и кубарем не скатился лохматый парень с перевязанной в двух местах правой рукой:

— Идут, они идут! Дюжины три! — душераздирающим шёпотом заорал он.

— По местам, ребята! — скомандовал Разор, и все рванули на свои места.

Позиция Рема была по ту сторону плотины. Воды набралось по пояс, так что стоять было зябко, стылость пробирала до костей. В критический момент нужно было свалить конструкцию на противника, выдернув ключевые элементы запруды и надавив изо всех сил. Таких, как Аркан, тут было человек двадцать, остальные расположились на склонах холма, готовые обрушить шквал камней на гэзов и поддержать товарищей в рукопашной схватке.

Рем был вооружен офицерской шпагой, и чувствовал бы себя довольно уверенно, если бы не клятая изжога... Ожидание затянулось, он вслушивался в сумрачную тишину за плотиной, но различить мог лишь стук своего сердца и хриплое дыхание товарищей.

А потом раздался звук множества тяжелых шагов и грубый голос произнес:

— Медуза мне в глотку и якорь в спину! Какого хрена тут происходит?!

— ДАВА-А-АЙ!!! — заорал Разор и они дали!

Сдирая в кровь ногти, Рем дернул за нужный обломок, а потом надавил на запруду, помогая ручью вырваться на свободу. А со склонов уже летели на головы гэзам камни...

Его сбilo с ног потоком, и окатило водой. Отплевываясь, Рем вскочил, пытаясь удержаться на ногах и охватить взглядом картину сражения.

Осматриваться времени не было — толстый пират с бордажной саблей в руках поднимался с колен, бешено вращая глазами и явно нацелившись на него.

Не мудрствуя лукаво, Аркан подхватил первый попавшийся камень и швырнул его прямо в лицо гёзу. Пират заорал, выронив саблю и схватившись ладонями за нос, а Рем выдернул из ножен шпагу и бросился к нему.

Вдруг вперед вырвался тот самый лохматый парень с забинтованной рукой. Он накинулся на толстяка, сбил с ног и принялся душить, одновременно колотя врага затылком о землю. Покончив с этим, он завладел саблей и лихо ринулся вперед, только для того, чтобы нелепо погибнуть от случайного взмаха боевой секиры высоченного гёза. Удар раскроил парню полчерепа, но Рем особенно на это не засматривался. Воспользовавшись замешательством высокого, Аркан одним прыжком оказался рядом с ним и ткнул острием шпаги ему в бок. Пират рухнул как подкошенный, выронив секиру.

Оружие недолго лежало на земле без дела. Два гребца из тех, что швыряли камни со склона, мигом оказались рядом и подхватили саблю и секиру. Они двинулись вперед плечом к плечу с Ремом, добывая ошеломленных потоком воды и камней гёзов и поддерживая своих. Вскоре к ним присоединился Натан и еще несколько ребят. Разор с Сухарем и Септимием также сплотили вокруг себя людей, и всё могло кончиться в считанные минуты, если бы не дюжина тяжеловооруженных пиратов.

Это была абордажная группа, элита внутри команды Дэна Беллами. В легких доспехах и шлемах, вооруженные короткими мечами и круглыми щитами, они устояли во время первого натиска и готовились к организованному отступлению.

У мятежников не было времени оценивать свои потери, достаточно было того, что подавляющее численное превосходство сохранялось. Однако бросаться на врага сломя голову и устраивать рукопашную схватку было бы чистым безумием, потери не стоили того. Каждый человек был на вес золота, учитывая необходимость потом управляться с огромным красным кораблем!

Рем и Разор переглянулись, и старый вояка сделал какой-то знак рукой Септимию. Этот ветеран с группой бойцов отделился от общей массы и по широкой дуге принялся обходить абордажников. Те заметили угрозу и встали в круг, спиной к спине.

На этом маневры мятежников не окончились. Подчиняясь командам Разора, они окружили пиратов, оставив около пяти шагов свободного пространства. Под ногами весело журчали по камням воды ручья, изрядно окрашенного мятежной и пиратской кровью. Камни!

— Нахрен это дерьмо, ребята! Кто в задних рядах? У кого пращи? Хватайте камни!!! Смерть ублюдкам! — заорал Рем.

В задних рядах стояли прашники и те, кому не удалось разжиться трофейным оружием, и руки у них были свободны. Они ответили восторженным рёвом. Камней тут было в достатке!

Который раз за прошедшие сутки в гёзов полетели булыжники. Популяры постарались прикрыться щитами, но несколько десятков гребцов обрушили на них настоящий град метательных снарядов. Рем слышал крики боли, звон поврежденных доспехов... Оскоминой на зубах отдавался хруст сломанных костей и суставов. Это было отвратительно, и ни разу не благородно — как в Писании, они побивали камнями злодеев, и жалость не коснулась их сердец.

Когда всё было кончено, Рем вдруг почувствовал чью-то руку на своем плече:

— Что-то мне совсем хреново... — сказал Натан и вдруг обмяк.

— погоди, стой, Натан, погоди, где, что... Что с тобой? — Аркан засуетился, пытаясь поудобнее расположить напарника на камнях и осматривая его со всех сторон.

Земля под ним с пугающей скоростью становилась темно-бордовой, и Рем не мог понять, в чем была причина такой стремительной кровопотери! Натан бледнел, лицо его как-то осунулось.

Колотая рана обнаружилась у него на бедре, под коленкой. Небольшая, но глубокая, оставленная острием клинка, который пробил вену. Густая кровь вытекала пульсирующей струей, и в первые мгновенья Рем просто-напросто растерялся.

Оцепенение быстро прошло, и парень рванул материю рукава, мигом сдернул его, и как можно более плотно перемотал поврежденное место. Кажется, так нужно делать в таких случаях... А еще — хорошо бы поднять его ногу повыше...

Всё зря! Голова Натана откинулась, руки безжизненно лежали на камнях. Рем приложил ухо к его груди и отпрянул — сердце не билось...

Аркан заскрипел зубами и шумно выдохнул воздух, ставший вдруг невыносимо горьким. Парню было невыносимо жалко его, себя, всех тех, кто оказался сначала в трюме красного корабля, а потом — на чертовой скале посреди Последнего моря. Какого черта всё это должно было произойти? Почему Натан должен был умереть на этой скале посреди моря, в трех шагах от свободы?..

Пересилив себя, Рем ладонью прикрыл ему глаза, прищурившись глянул на закатное солнце и проговорил положенное:

— Наш путь не кончается смертью. Смерть — лишь продолжение пути, начертанное всем. Серая, как дождь,

завеса этого мира отдернется, и откроется серебристое окно, и ты увидишь белые берега. И за ними — далёкие зелёные холмы, залитые лучами восходящего солнца! И это будет совсем неплохо, Натан!

А потом добавил, уже от себя:

— Мы сделаем для тебя и остальных настоящий костёр. Море вас не получит.

Трофеи собрали примерно за полчаса. Нужно было торопиться, пока гёзы ничего не заподозрили, ведь в конце концов они могли погрузиться в шлюпки и убраться с острова, пробив днище корабля, например.

Зная Дэна Беллами, такой исход был маловероятен, но исключать его не стоило. Пираты — они и есть пираты. Тем более — популяры. Для них личная выгода и собственные интересы всегда важнее принципов и понятий о должном и недолжном... Наплюют на амбиции капитана и угребут в закат!

Так что вооружившись и наскоро похоронив павших, мятежники двинулись к берегу, на ходу перекусывая найденными у гёзов припасами. Галеты, вино из фляг — на несколько десятков человек этого явно не хватило.

Все как один были жутко злыми и голодными, ничто не могло поколебать решимость бывших гребцов сокрушить противника и добраться до припасов, хранящихся в корабельном трюме и в лагере на берегу!

Рем Тиберий Аркан, потомок древнего рода, мечтал о каше с жиром и вареной рыбой, и готов был убить любого, кто встанет между ним и миской с едой!

— Нужно отрезать их основные силы от корабля... — задумчиво проговорил Разор. — Кто-то должен добраться туда по воде и исключить возможность поджога или какой иной пакости... Есть мнение, что у капитана в последнее время совсем крыша съехала, от него всего можно ожидать.

И посмотрел на Рема. А Рем посмотрел на Микке.

Северянин на сей раз наотрез отказался отсиживаться в тылу, и поэтому шагал в первых рядах, сжимая в руках внушительных размеров трофейную секиру. Он мечтал поскорее взяться за штурвал галеры, и горе тому, кто отважится помешать ему!

В общем, всё было очевидным: Рем, Микке и еще полдюжины парней вплавь добираются до корабля, закрывают все люки, чтобы никто не выбрался на верхнюю палубу, и держат оборону, пока Разор, Септимий и Сухарь во главе основного отряда не ворвутся в лагерь на берегу.

Надежда была на то, что за прошедшую ночь и утро по неестественным причинам значительно сократилось число гёзов. За время прогулок Рема по палубе в должности комита, он старался как можно точнее пересчитать команду. По его прикидкам, после полного сражений и убийств плавания их осталось восемьдесят три человека, считая капитана. Мятежники уже прикончили больше двух дюжин ублюдков, так что противостоять бывшим гребцам должно было не многим более полусотни человек. Гребцы были в большинстве, и прилично вооружены трофеями, так что шансы на победу имелись.

Дождавшись, пока основные силы займут позиции за прибрежными скалами вокруг лагеря, бойцы передового отряда, стараясь не шуметь, вошли в воду и поплыли по большой дуге к кораблю, который стоял на якоре недалеко от берега, как раз на таком расстоянии, чтобы в случае чего можно было поддержать стрельбой из луков поделльников, которые ночевали в лагере.

Часовые явно не дремали: четыре светящиеся точки факелов передвигались по берегу, еще две — на корабле. Корабль-то спустили на воду, воспользовавшись приливом! Рем подумал, что наверняка пришлось и гёзам поработать наравне с гребцами, оставшиеся ребята сами бы не справились...

Пустые желудки не способствовали сопротивляемости организмов мертвецкому холоду морской воды, еще сильнее остывшей в вечерних сумерках. Рем заставлял свои зубы не клацать усилием воли, и мечтал поскорее взобраться на палубу и вступить в бой, просто для того, чтобы согреться!

Нужно было как-то отвлечь внимание часовых на борту. Мятежники приблизились к самым клюзам и замерли: кто-то переговаривался в трюме! А сверху, на палубе, гёз с факелом заподозрил что-то и остановился прямо над головой Аркана! Пришлось нырять и задерживать дыхание до тех пор, пока мерцающий свет не удалился на корму.

Вынырнув, он нашел взглядом Микке и знаками показал ему, что собирается самостоятельно забраться наверх по якорной цепи и найти занятие для ближайшего часового. Северянин кивнул на свисающие к самой воде тали — видимо, не убрали, когда спускали корабль на воду.

Роли были распределены.

Шпага, которую Аркан привязал за спиной, не мешала карабкаться по якорной цепи. До клюза было довольно высоко, и парню казалось, что цепь плескалась и раскачивалась чудовищно сильно. И, конечно, он здорово нашумел, забираясь на борт. Он просто треснул башкой о катушку, на которую наматывалась чертова цепь!

Один из часовых немедленно среагировал:

— Кто здесь?

Рем про себя воздал хвалу Господу — голос оказался знакомым! Будучи комитом, он специально запоминал имена гёзов, и теперь это пригодилось.

— Спарки! — откликнулся Рем. — Всё нормально. Я просто треснулся башкой о катушку.

— А-а-а... — прогудел туповатый Спарки и двинулся дальше.

Аркан потянул из-за спины шпагу и в два прыжка оказался рядом с пиратом.

— Какого... — обернулся тот, чтобы получить рукоятью шпаги в висок.

Спарки с грохотом обрушился на палубу, и Аркану оставалось только со всей возможной скоростью оказаться у люка, ведущего в трюм и кубрик, и пинком ноги закрыть его.

Второй часовой быстро приближался, обнажив фальчион и оглашая окрестности дикими воплями:

— Враги! Нападение!

Рем вспрыгнул на крышку люка, чтобы снизу никто не смог проникнуть на верхнюю палубу, и выставил вперед шпагу, готовясь защищаться.

Краем глаза он увидел, как через фальшборт перелезают Микке и остальные ребята. Они воспользовались суматохой и, пока Рем отбивался от наседающего с фальчионом пирата, накрепко закрыли люки, забаррикадировали дверь в кормовую надстройку, а потом Микке пришел на помощь и раскроил секирой голову пирату, который слишком увлекся поединком.

— Теперь ста-а-анем zde-есь и будем бить по го-олове гё-озов! — проговорил северянин, стряхивая с лезвия секиры остатки крови и мозгов, и отставляя ее в сторонку.

Рем сглотнул неприятный комок в горле и отступил от люка, в который уже колотили. Первая высунувшаяся башка явно принадлежала пирату: бацинет тут больше никто не мог носить. Аркан пнул по бацинету ногой, а Микке схватил гёза за горло и вытянул наверх. Не церемонясь особо, он перебросил бесчувственное тело за борт, и отряхнул руки:

— Во-от та-ак!

Больше никто вылезти не старался, хотя внутри слышалось шевеление.

А на берегу в это время разворачивалось кровавое действие! Разор атаковал лагерь с трех сторон силами пращников и лучников (благо четыре лука раздобыли во время боя у плотины). Стрелки не приближались слишком близко, тревожили гёзов с дальней дистанции. Рем не мог рассмотреть с палубы всех нюансов, но по всему выходило, что в лагере нет гребцов!

Их заперли в трюме?

— Эй, там, на вёслах!!! Есть кто живой? — заорал Аркан так громко, что заболело горло.

Нестройный рёв был ему ответом.

— Это комит говорит! Мы захватили верхнюю палубу, и сейчас наши берут лагерь! Скоро мы вас освободим!

Внизу разразилась целая буря эмоций, а потом кто-то сумел всех заткнуть и прокричал в клюз:

— Спустите нам хоть ножик! Из кубрика нас сейчас убивать придут, а мы тут прикованные сидим!

Вот черт! Об этом никто и не подумал... Вёсельные клюзы были недостаточно широкие, для того чтобы через них пролез человек, но их размеров хватало чтобы просунуть весло... Или еще что-нибудь...

Юноша по имени Татри, шустрый и ловкий как обезьяна, вызвался добровольцем. Он закрепил веревку за мачту и, обвязавшись вокруг пояса, спустился по борту, загрузившись разными острыми железками, собранными с миру по нитке. Таким образом, гребцы внизу оказались вооружены, хотя, прикованные, они мало что могли противопоставить гёзам в броне и при оружии. С другой стороны, пираты тоже слышали переговоры мятежников и теперь, скорее всего, будут опасаться проникнуть на гребную палубу.

— Где же чертовы ключи? — озвучил Рем терзавшую его мысль.

Комплект ключей Уоррена был у Разора, который, по идее, должен был освободить товарищей в лагере на берегу. Кто ж знал, что Дэн Беллами запирает всех гребцов в трюме?

— У капитана, я ду-умаю? — вопросительно произнес Микке.

— А капитан где? — почесал затылок Рем.

И тут дверь, ведущая в кормовую надстройку затряслась под могучими ударами.

— А-а-а, выродки, ничтожества, песьи дети! Давай-давай, кто из вас смелый?! — рычал и вопил Красный Дэн Беллами, колотя в дверь чем-то смертоносным. — Я выпущу ваши кишки и прибью их к мачте, и заставлю вас водить вокруг хороводы!!!

Капитан был в бешенстве. Он готовился растерзать бунтовщиков и, если честно, Рем его побаивался. Воин-то это был отменный, настоящий матерый убийца!

Все слегка оторопели от такого напора. Баррикада из бочек и бухты каната трещала под напором капитана, а мятежники замерли напротив двери, сжимая оружие в руках и не очень представляя, что они смогут противопоставить бешеному гёзу в полном боевом облачении. Они слишком хорошо познакомились с натурой Красного Дэна Беллами за эти месяцы, и видели слишком много его деяний.

— Давайте-ка мы поможем капитану выбраться оттуда, — прошептал Рем внезапно осипшим голосом. — А ты, Татри, держи-ка вот этот багор, сунешь ему в ноги когда он выбежит...

— ...Доберусь я до вас, грязные уроды!.. — понеменого выдыхался Дэн Беллами.

Он прекратил ломиться в дверь, видимо, отдыхал там от бурной активности, а мятежники с этой стороны стараясь не шуметь разбирали баррикаду. Микке дал подержать Рему свою секиру, когда оттаскивал от двери массивный бочонок.

В этот самый момент Дэн Беллами издал дикий вопль и ударил в дверь с той стороны!

— Ар-р-р-р!!! — дверь распахнулась, и капитан вырвался на палубу!

Он не ожидал отсутствия сопротивления и пробежал несколько шагов по инерции, прямо на молодого Аркана. Татри сработал как надо — он подставил багор и Красный Дэн Беллами, увлекаемый весом доспехов и оружия, полетел на палубу, рухнув прямо у ног Рема. Тот, перепугавшись, отпрыгнул назад, выронил шпагу, саданулся затылком о мачту, в глазах у него помутилось, и он принялся размахивать секирой, надеясь хотя бы защититься от ужасного капитана.

Куда-то Рем попал, по крайней мере лязгнуло здорово. Через мгновение в голове у парня прояснилось, и он увидел капитана, который пытается подняться на четвереньки.

На его шлеме-морионе была здоровенная вмятина, но Дэн Беллами сумел встать одним прыжком. Капитан смотрел Рему прямо в лицо своими налитыми кровью глазищами, и на губах у него выступила пена. Его меч валялся где-то на палубе, но Аркан и моргнуть не успел, как капитан выхватил из-за пояса кинжал и пырнул его в бок!

Тут, наверное, и лишилось бы семейное древо Аскеронских Арканов одной из своих непутевых веточек, но вмешался северянин, который могучим усилием поднял над головой бочонок и швырнул его в Красного Дэна Беллами. Что-то хрустнуло в капитанской спине, это точно. Он упал на колени, а Рем сумел отпрыгнуть в сторону и, размахнувшись, врезал ему секирой по шлему. То есть, он хотел врезать по шлему, а получилось...

Черт его знает, как это получилось, но секира застряла в палубе, на которую хлестала кровь из перерубленной шеи Красного Дэна Беллами! А его голова выпала из шлема и покатилась куда-то в сторону борта.

Татри ловко подхватил ее, залез на корму, поднял повыше свой трофей, размахивал им и вопил:

— Рем отрубил голову капитану! Капитан сдох!!! Сдавайтесь!!!

А Рем Тиберий Аркан стоял на окровавленной палубе, зажимая руками дырку у себя в боку, из которой обильно текла кровь и думал — сдохнет он сегодня или нет?

Он не сдох в тот день. Валялся себе на верхней палубе и смотрел, как чайки клюют голову бывшего капитана, которую какие-то придурки нацепили на самую верхушку мачты, туда, где должен был реять пиратский флаг.

Туловище Аркана туго перебинтовал Разор, благо, в корабельном лазарете оказалось много всего полезного для людей, только что переживших ночной бой. Разор, кстати, принял на себя общее командование, что неудивительно. Пленных пиратов приковали к веслам, а гребцов — расковали. А потом все упились и ужрались корабельными запасами, и плясали на палубе и орали песни... Радость была ключом из людей, все просто с ума посходили от счастья!

В живых осталось сто сорок девять человек, из них полторы дюжины серьезно раненых, считая Аркана, и почти все (кроме тех, кто не пытался сбежать) с увечьями разной степени тяжести — от синяков и ссадин до легких ранений. Была еще одна проблема: с самого начала кое-кто из выживших гребцов никогда и не собирался поддержать мятеж, хотя и знали о его подготовке. И победившие мятежники теперь не собирались менять положение этих людей. А еще были те, кто слишком долго просидел за веслом и чей разум помутился и они потеряли человеческий облик и речь, и могли только грести, жрать и ходить под себя. И те, и другие остались на своих местах — на гребной палубе, рядом с бывшими пиратами.

Бесчеловечно? Рема терзали сомнения по этому поводу... Он успокаивал себя тем, что по крайней мере было решено освободить их, как только удастся добраться до суши.

Утро следующего дня было тяжелым: многие мучились животами от непривычной и обильной пищи, и головами — с перепоя. Свежий и бодрый Разор в капитанской кирасе и помятом шлеме-морионе прогуливался по палубе и посмеивался.

— Ну, Рем, как тебе на свободе? — спросил старый воин и поправил перевязь с мечом.

Никто и не думал оспаривать его право на эти трофеи. Добычи было полно, каждому нашлось и оружие, и доспехи, и подходящая одежда...

— Когда я малость оклемаюсь, тогда скажу, что совсем хорошо. Нам еще нужно окончить ремонт и загрузить всё барахло с берега в трюм! А потом добраться до цивилизованных мест, — пробурчал Аркан, не скрывая мрачных предчувствий.

— Зануда, ты, Рем. Вон, Микке уже у штурвала осваивается, а ребята сейчас все стройными рядами купаться отправятся — прохладная соленая водичка их мигом приведет в чувство! Вот тогда поработаем! А ты давай с документами разберись, тут должна быть опись где-то — сколько чего на корабле имеется. Это тебе по силам?

— Справлюсь как-нибудь...

Рему помогли добраться до каюты пиратского квартирмейстера и обложили со всех сторон стопками толстых тетрадей большого формата. Сам квартирмейстер был убит в свалке на берегу, так что помочь Аркану ничем не мог. Пришлось разбираться самостоятельно.

Три дня пролетели незаметно. На самом деле ремонт подходил к концу уже перед самым бунтом, оставались только кое-какие косметические штрихи типа покраски и уборки. Разор использовал эту работу для того, чтобы сплотить людей и выявить ответственных и грамотных личностей.

С самого начала было понятно что гребцы — народ трудный и разный. Всё-таки большинство из них происходили с самого социального дна и грешили в своей жизни много и часто. И теперь, когда горячка восстания прошла, гёзы были повержены и, казалось, что свобода — вот она, многие из них демонстрировали не лучшие качества своей натуры.

Уже на четвертый день произошли две драки, одна из них — с поножовщиной. Пролилась кровь. Это случилось отчасти и по вине Рема — он пересчитал запасы продовольствия и по всему выходило, что полноценного питания оставалось дней на десять-двенадцать. Дэн Беллами ведь возвращался из рейда на базу, и в трюмах был ценный груз, абсолютно не пригодный в пищу! Аркан озвучил эту информацию прилюдно, то есть при всех, кто хотел это слушать и находился в тот момент в крошечной каюте квартирмейстера, или у иллюминатора, выходящего на палубу.

В общем, кто-то “закрысил”, припрятал пайку, и его прирезали. Кровавый инцидент вызвал бешенство у Разора.

Он пронесся по кораблю как молния, и его громовой голос мог поднять даже мертвого из могилы! Все, кто не был прикован к своим местам, мигом оказались на верхней палубе и рассредоточились вдоль бортов. На лестнице, которая вела на кормовую надстройку, стоял Разор, рядом с ним — все те, кто был душой мятежа. Микке, Сухарь, Кирпич, Септимий, еще два матерых вояки-ортодокса — Марк и Латерн, гребец из бывших моряков — Жерар и еще некоторые из заговорщиков, кто участвовал в мятеже с самого начала. Рем пристроился тут же, на ступенечках — стоять сил не было, ребра его, принявшие на себя удар капитанского клинка, еще не зажили, и рана болела.

Разор дождался, пока шум поутихнет, прокашлялся и начал говорить короткими, рублеными фразами. Голос его гремел и впивался в мозг:

— Если мы хотим свободу свою сохранить, если до суши хотим добраться!.. То!!! Два слова — ПОРЯДОК и ДИСЦИПЛИНА должны стать нашим символом веры! Только так мы одолели пиратов! Готовились долго, упорно И только так мы сможем выжить! Каждый знает, ЧТО я сделал для нашей свободы! Поэтому Я беру на себя правс сейчас следить за ПОРЯДКОМ! Раз мы на корабле — предлагаю свою кандидатуру на должность боцмана. Кт против? — он обвел тяжелым взглядом всех присутствующих.

Рем вроде как знал, что на флоте боцман был старшим над всей командой. Все матросы слушались его и подчинялись его приказам. Правда, Аркан думал, что Разор предложит себя на роль капитана, но у старого ветерана на уме было что-то другое.

— Всем и так понятно что ты у нас главный, — пробормотал кто-то из задних рядов. — Мы не против, да, ребята?

— Да-а-а-а!!! — заорали бывшие гребцы.

Разор и правда внушал уважение одним своим видом. Привык командовать, сразу видно.

— А раз так, то-о-о.... — в глазах Разора мелькнуло довольное выражение, ему было приятно почувствовать свой авторитет! — То заткнулись все и продолжаем решать вопросы, ребята!

Все и вправду потихоньку заткнулись и Разор проговорил:

— На должность штурмана предлагаю вот этого малыша! — и он вытолкнул вперед Микке. — Он был лучшим рулевым на гонках Ублюдского фьорда Хренового острова где-то у черта на куличках и сумеет управлять этой посудинкой лучше любого из нас!

— Да-а-а-а!!! — заорали ребята. — Микке!!! Ура!

— Фьорда Би-ивень Моржо-ового о-острова... — смущенно бормотал северянин. — Эт-то-о на Се-евере...

Он тоже был доволен. Его хлопали по плечу, поздравляли и выражали ему всяческое доверие.

— ... умник, он же хреновый комит, да ребята? Пускай будет квартирмейстером, раз всё равно просиживает задницу в его каюте и пучит глаза в бумажки! А его чертовы идейки? То ли Боженька их вкладывает ему в голову, то ли черт нашептывает в ушко — всяко они чудесные, пока от них дохнут гёзы! А ещё этот парень прикончил Красного Дэна Беллами!!!

Аркан не сразу понял что Разор говорит о нем, только после того, как все заорали как полоумные “Да-а-а!!!”, и “Пусть сдохнут гёзы!”, и “Молодец, Рем!”. Так он стал квартирмейстером, и теперь должен был следить, чтобы всем всего хватало и все были размещены как положено.

Кирпич начал исполнять обязанности корабельного доктора, пока не найдется кто-нибудь более знающий. Сухарь стал новым комитом, Септимий, Марк и Латерн как самые опытные вояки теперь руководили абордажной группой и должны были тренировать всю команду владеть оружием. Жерар, будучи умелым и грамотным моряком, стал шхиманом — ответственным за паруса... Все необходимые должности были укомплектованы, только должность капитана оказалась вакантной.

— Кто же будет капитаном, Разор? — спросил Татри.

— Нам и старого пока хватит! — хохотнул новоиспеченный боцман. — Его пока не до конца чайки сожрали.

И мятежники дружно захохотали. А Рем, например, не видел в этом ничего смешного.

А потом они вышли в открытое море.

Ветер был попутный. Ну, то есть, он направлял корабль в сторону Низац Роск, и это было пока единственным местом, курс к которому был известен Микке. Теплилась надежда захватить какое-нибудь небольшое суденышко, ну или первую попавшуюся галеру гёзов, взять в плен капитана или штурмана и выяснить направление к цивилизованным землям. По большому счёту — дерьмо, а не план. Но ведь нужно было еще запастись провиантом, так что другого выхода у мятежников не просматривалось.

Команда тщательно готовилась к встрече с пиратами: все переоделись в трофейные доспехи, до изнеможения тренировались слаженно идти на абордаж и использовать все особенности палубы при вражеской атаке. Ну и владеть оружием многие учились почти с нуля. Огромным преимуществом бывших гребцов была хорошая физическая форма, приобретенная благодаря месяцам изнурительной гребли и беготне в колесе-двигателе. Еще одним благоприятным фактором была внезапность: ни один гёз ни в жизнь бы не подумал что красный корабль Дэна Беллами захвачен гребцами и голова капитана сейчас торчит на мачте. Что угодно, но только не это. Так что мятежники могли рассчитывать на то, что одолеют противника в первом бою.

И проверить свои силы им пришлось раньше, чем предполагалось. В команде было мало таких опытных мореходов как гёзы Дэна Беллами, и поэтому вместо недели красный корабль уже девять суток бороздил морские волны. Микке рассчитывал только через пару дней увидеть пиратский архипелаг на горизонте.

Разор хотел лечь в дрейф и подкараулить галеру, идущую из рейда. У такого корабля команда наверняка будет

потрёпанной и израненной, а гребцы — уставшими. Но всё снова пошло не совсем по плану. А точнее — совсем не по плану!

Два корабля двигались по морской глади параллельным курсом. Их заметил Татри, который теперь был вперёдсмотрящим и сидел в “вороньем гнезде” на вершине мачты.

— Вижу два паруса!!! — заорал он.

— К бою!!! — тут же откликнулся Разор.

Понадобилось около часа, чтобы разобраться в ситуации. Небольшая юркая галера с двумя рядами весел преследовала пузатую каравеллу. В целом всё было понятно: команда каравеллы правила по ветру, ведь весел у нее не было. А гёзы на галере пытались зацепиться абордажными крюками или поджечь паруса беглянки зажигательными стрелами. Галера заходила то с одного борта, то с другого, пираты обстреливали палубу парусника, но без видимого успеха. Под таранный удар та не подставлялась, а удачно пущенные стрелы команда каравеллы успевала тушить, пока они не наделали беды.

Красный корабль заметили, но особой радости не проявили. На паруснике не представляли, является ли он спасителем или предвестником скорой гибели, а пираты на галере были обескуражены необходимостью делиться с кем-то возможной добычей. Наверняка они узнали характерный цвет корабля Дэна Беллами.

С гребной палубы поднялся Сухарь, и, глянув на вражескую галеру, спросил:

— Микке, ты сможешь провести корабль борт о борт?

— Сломать весла? — хмыкнул Разор. — Думаешь, получится?

Жерар глянул на паруса, полные ветра, и сказал:

— Мы можем убрать весла заранее, чтобы не рисковать. Скорости хватит.

Северянин у штурвала кивнул, и после команды Разора все кинулись по своим местам. Рему ничего не оставалось как сходить в свою клетушку за арбалетом — рана еще беспокоила и участвовать в намечающемся абордаже он бы не смог.

Микке не даром был у себя на родине лучшим кормчим. На максимальной скорости они нагнали галеру. За четверть версты до цели гребцы втянули весла и взяли в руки оружие. Все, кроме тех, кто был прикован к скамьям.

На галере всё еще думали, что Дэн Беллами собирается отнять у них добычу, и гневно завопили, когда поняли, что следуя прежним курсом красный корабль вклинится между ними и каравеллой. На каравелле приготовились к смерти.

Рем видел, как мятежники злорадно улыбались, сжимая в руках оружие и абордажные крюки. Это было для них новинку, но никто не сомневался в успехе — галера была значительно меньше и численное превосходство должно было стать определяющим фактором.

Одновременно с треском ломающихся весел Рему в голову пришла мысль о том, что своим маневром они убивают возможное пополнение — галерных гребцов! Но поздно: над морем раздались вопли покалеченных, вражескую галеру ошутимо трянуло, многие из гёзов кубарем покатались по палубе...

Все звуки перекрыл громовой рёв Разора, и яростные вопли мятежников, ринувшихся на палубу пиратского корабля. Рем перегнулся через планшир, высмотрел широкую спину гёза в кожаной кирасе и, прицелившись, выстрелил. В итоге, попал в ягодицу, а прикончил врага уже Латерн, руководивший одной из абордажных команд.

На этом участие Аркана в бою было окончено. На борту красного корабля остались только он, Микке, другие раненые, которые не могли полноценно драться и теперь охраняли пленных пиратов, и парочка моряков Жерара, спускавших паруса. Рем глянул на каравеллу — команда спешно меняла курс, стараясь как можно скорее удрать с места баталии. Ха! На их месте любой поступил бы точно также! Какая к черту благодарность? Вдруг новоявленные спасители прикончат галеру, а потом набросятся на них?

Пиратский капитан живым не дался. Он мужественно сражался двумя кривыми клинками, прислонившись спиной к мачте, и погиб от руки Разора. Зато в плен попал его старпом, и еще кое-кто из командного состава. Вообще, пленных было много — дюжины две, правда, большинство было сильно изранено и покалечено.

А еще освободили гребцов! К сожалению, многие из них пострадали от ломающихся весел, но около трех десятков бойцов под радостный рёв мятежников вступили в команду красного корабля. Теперь, наконец, хватало своих людей для того, чтобы управляться с кораблем, и в пленных пиратах не было нужды. Просто прирезать их и бросить в море, как предлагали многие — это было слишком даже для зачерствелых душ восставших гребцов. Решение предложил Кирпич:

— Посадите их в две шлюпки с галеры, дайте по бочонку воды, дайте полдюжины весел и пускай гребут в закат!

Так и поступили.

Сложным был вопрос с бывшими товарищами по гребным скамьям, которые в свое время не присоединились к мятежу, и с теми, кто потерял рассудок, а также с ранеными гребцами с галеры. Рем понятия не имел, что с ними

делать, как и большая часть команды. А Разор, похоже, не испытывал подобных сомнений. Тех, с галеры, у кого была надежда поправиться и за кого поручились товарищи, присоединившиеся к мятежникам, перенесли на красный корабль. Всех “лишних” со своего корабля наоборот перенесли на галеру. Всех здравомыслящих — избавили от цепей.

— Вы можете бросить якорь и дожидаться проходящего корабля, можете пытаться поставить парус и убраться отсюда... Я не знаю, делайте что хотите! — сказал Разор, пнул ногой трап, соединяющий красный корабль с галерой и скомандовал: — Хо-од!

На гребной палубе ударил в барабан Сухарь и ребята налегли на весла.

В последний момент несколько человек на галере заорали, что хотят присоединиться к мятежникам и будут сражаться. Разор хмыкнул удовлетворенно и крикнул:

— Так плывите сюда!

Тех, кто осмелился прыгнуть в волнующиеся соленые воды с борта корабля, и кому удалось доплыть, встретили спущенные к самым волнам тали и крепкие руки, протянутые для помощи. Черт побери, их приняли как родных, и похлопали по плечу, и дали одеяла чтоб согреться, и никогда больше не вспоминали о том, что они не убивали гёзов с самого начала.

Теперь в команде Разора было почти две сотни бойцов, и на совете старшин было решено, что грести будут все, включая кока, боцмана и квартирмейстера, чтоб никому не было обидно. Освободились от этой обязанности только моряки Жерара, ведь им нужно было управляться с парусами. Из двух сотен людей можно было наскрести гребцов на две смены, так что с этим всё было в порядке. Оставалось только понять — куда теперь держать курс?

Выяснением этого вопроса Рем с Разором и Микке и занялись в клетушке квартирмейстера, после того как Марк и Латерн приволокли туда старшего помощника с галеры — невысокого полного дядечку с покрытым оспинами лицом и большой лысиной. Как только в старпомы выбился?

Абордажники, видимо, уже поработали над ним, потому как заливался этот помощник соловьем. Вот только он был безграмотный от слова совсем, и, естественно, курс мог подсказать на уровне «держат на четыре ладони правее солнца в полдень». Мол, там побережье Западных провинций! Разор плевался и матерился, Микке молча пожал плечами и вышел из каюты. А Рем решил расспросить пленника еще кое о чём:

— Расскажи-ка, кой черт занес купеческую каравеллу в пиратские воды?

— Так ведь флот наш сейчас на Юге! Пять десятков кораблей, сотни бойцов! Торговцы народ ушлый, у них и шпионы на островах есть! Совет капитанов объявил войну проклятым южанам! Попили они нашей кровушки, им теперь сполна воздастся! Ждали только Красного Дэна Беллами, но он опаздывал... — тут собеседник поперхнулся и затравленно посмотрел на мятежников. — А у нас была сломана мачта в последнем бою... Вот мы и остались на ремонт. Вышли в море — испытать новую мачту, а тут какие-то купчишки решили рискнуть, срезать путь. Срезали...

Старпом-гёз уставился себе под ноги. Рем поразмыслил еще немного и уточнил:

— А много кораблей сейчас на архипелаге?

— Ну, за все острова не скажу, но в общем, наверное, только те, которые на ремонте. Не больше дюжины...

— Та-ак, а с какого вы острова?

— С Кон Ките...

— А есть там еще корабли сейчас?

Дальше он не хотел отвечать, а Латерн и Марк его избивали. Вообще-то Рему было его жалко, потому как били абордажники нещадно, и он харкал кровью и выл, и корчился на полу... Так что в итоге экс-старпом ответил, что на берегу этого острова — Кон Ките — остался небольшой галиот контрабандистов, который только вернулся с Западного побережья с каким-то грузом, и эти проходимцы в общем-то плевать хотели на дела гёзов и отдыхали в своё удовольствие.

— Разор, а как насчёт... — начал Рем.

— Даже не думай! — оборвал его боцман.

— Но если...

— Ни в коем случае!

— Мы ведь можем...

— Ну что ж, вот это можно и попробовать! — вдруг согласился Разор, и глянул на пленника так, как будто взглядом хотел просверлить в нем дырку: — Решай — или ты нам показываешь дорогу к этому твоему Кон Ките, и мы тебя высадим там, или тебя бросят за борт прямо здесь.

Его выбор был очевидным... Наверное, ничего особенно ценного для экс-старпома на острове не было. Или своей шкурой он дорожил больше.

— Хоп! Давай-давай!

Хоп! Давай-давай!

Веселее загребай! — орали гребцы, наваливаясь на вёсла.

Рем тоже сел на скамью, рядом с Септимием. А что? Теперь гребут все. Даже абордажники и квартирмейстер. Рана в боку затянулась и почти не беспокоила, и было даже приятно чувствовать, как наливаются приятной усталостью мышцы, как весло преодолевает сопротивление воды и корабль устремляется вперед — к острову Кон Ките, первому у основания Малой Гряды архипелага Низац Роск.

Низац Роск — убежище пиратов — представлял собой несколько десятков островов, сотни отмелей и рифов, растянувшихся на десятки верст и расположенных в виде буквы “У”. Все острова делились на Малую Гряду и Большую Гряду. В Большой Гряде было около двадцати пригодных для расположения баз и гаваней островов, в Малой — семь. Кон Ките находился ближе всего к пересечению двух гряд и на нем располагались поселок пиратов-популярлов и торговые склады контрабандистов.

Несчастный старпом стоял рядом с Микке у штурвала и выполнял функции лоцмана — Низац Роск славился сложным фарватером, и без помощи местных даже пытаться бороздить прибрежные воды не стоило.

— Хоп! Давай-давай!

Сранных гёзов убивай! — надрывались на гребной палубе.

Эту простенькую песенку придумали Рем и Тагри, когда работали одним веслом и им было скучновато. Хотелось, чтобы гребля тогда и гребля сейчас чем-то отличались друг от друга.

Сухарь, выполнявший роль комита, совсем даже не возражал против такой самодеятельности, он даже слегка выровнял барабанный ритм под незатейливый мотив. Там! Та-дам-та-дам!!!

Песню вся команда выучила за две смены, затейливо переиначивая и меняя на все лады вторую строчку. Звучали разные варианты: от откровенно похабных до вполне себе жизнеутверждающих. А бессмертное «давай-давай» оставил в наследство Красный Дэн Беллами, так что залихватские куплеты, которые приходилось слушать его догнивающей башке на мачте, звучали еще более издевательски.

Идея Аркана заключалась в том, что учитывая направление и скорость ветра можно выпотрошить все семь островов Малой гряды, и никто ничего не успеет сделать. У мятежников имелась карта Низац Роск, а еще — старпом с галеры... А Жерар и Микке слаженным дуэтом утверждали, что даже если с Кон Ките отправят какое-нибудь судно на Большую Гряду, и соберут там эскадру из нескольких кораблей чтобы разобраться с внезапно возникшей напастью, то всё равно останутся от десяти до восемнадцати часов форы, которые позволят красному кораблю скрыться с места преступления!

За восемнадцать часов можно успеть куда больше, чем просто сжечь небольшое пиратское поселение! Черт возьми, они могли еще сплясать кесарянку на пожарище, хорошо выспаться, плотно поесть и отправиться к следующему острову!

Гавань Кон Ките лежала перед ними, незащищенная и открытая. На причале, правда, дежурили несколько человек с оружием, но их просто проигнорировали, отдавая швартовы.

— А где Дэн Беллами? — опасливо спросил один из гёзов, принимая канат.

— Я за него, — буркнул Разор и, дождавшись, пока канат будет хорошо закреплен за кнехт, перепрыгнул с борта на причал.

— А ты что еще за хрен? — удивленно уставился на него другой пират — крупный, в кольчуге-безрукавке и шляпе с ярким плюмажем.

Наверное, он был начальником караула, или выполнял какие-то подобные функции, черт разберет этих гёзов... Разор одним длинным движением выхватил меч из ножен и разрубил «начальнику» плюмаж вместе с головой.

— Вот что я за хрен! — сказал Разор, а потом громовым голосом скомандовал: — За мной ребята! Убивайте всех, кто будет сопротивляться!

С рёвом мятежники устремились с корабля на остров, и смели всех, кто стоял на их пути. Рему и Латерну посчастливилось возглавить отряд, который должен был нейтрализовать контрабандистов на галиоте, так что в основной резне в пиратском поселке они не участвовали. Вооруженных людей там убивали на месте, всех остальных сгоняли к пристани. Тяжко пришлось условно мирному населению — боевым подругам гёзов, владельцам кабаков и лавочек и еще- двум популярским пасторам...

Детей на острове не было. Ещё бы! Гёзы не заводили детей. Вот заработают небольшое состояние честным разбоем и уедут с Низац Роск на Северо-Восток, женятся на честных популярских девушках и станут законопослушными обывателями, солидными владельцами гостиниц, таверн, мастерских и торговых лавок.

Точнее, эти конкретные гёзы — не станут. Потому что сейчас они лишались или жизни, или несправедно накопленного богатства, или и того и другого.

Галиот был выгашен для килевания на берег, недалеко от пристани. И гребцы очищали дно от ракушек и прочей гадости. А сами контрабандисты, числом около 20, сидели в кружочке на ковре, который был разложен на

прибрежной гальке, и курили кальян. И эта картина вызвала в душах бывших гребцов-кандальников волну ярости! Это, черт побери, так напоминало тот ужас, от которого они избавились совсем недавно!

Гребцы с галиота увидели мятежников первыми и тут же бросили чертовы скребки и сгрудились у кормы галиота. Откуда было им знать, к добру или к худу появились здесь эти вооруженные люди? С виду мятежники были похожи на пиратов, да по факту ими и являлись, присвоив себе чужое судно насильственными методами.

Контрабандисты, кажется, вообще ничего не заметили: ни потасовки на причале, ни вооруженной толпы, устремившейся к поселку...

«Что там в кальяне-то у них?» — подумал Рем, несколько раз взмахнув шпагой для разминки

Наконец, они обратили внимание на появившегося врага, схватили оружие, которое, к их чести, лежало тут же, под руками, сбились в плотную кучу, оцетинившись клинками.

Мятежников было примерно в полтора раза больше, в их пользу играло и то, что все они были в доспехах. Они были на взводе, рычали от нетерпения и закипевшей ярости, и хотели наброситься на врага.

— Стоять! — крикнул Аркан, заработав недоуменный взгляд Латерна. — Пращи к бою, луки к бою!

Рем был не уверен в своем праве командовать людьми, но, во всяком случае, квартирмейстерская должность предполагала нечто подобное. Латерн его приказ не оспорил. Видно, оценил разумность, хотя ему по душе была лихая свалка ближнего боя.

Примерно у дюжины мятежников было с собой дальнобойное оружие. Рем арбалет с собой не потащил, уж больно громоздкая была конструкция, а теперь жалел об этом. Загудел воздух от раскручиваемых пращей, заскрипели натягиваемые луки, и вдруг из рядов контрабандистов вышел весьма оригинальный тип.

Парчовый халат был распахнут на его волосатой груди, роскошные усы свисали на целую ладонь ниже подбородка, длинные всклокоченные волосы торчали над головой во все стороны... В одной руке он держал изукрашенный мундшгук от кальяна, а другая была картинно воздета вверх. У Аркана вдруг закололо в правом виске, он поморщился от неприятного ощущения...

— Тинь! — пропела первая тетива, и следом за ней затренькали луки, послышалось надсадное хеканье пращников.

Этот усатый тип просто поднес мундшгук ко рту и дунул в него, исторгнув целый сноп густого приторного дыма! И Рем был готов поклясться, что увидел, как стрелы и камни увязли в этом дыму, и попадали на землю, а люди вокруг замирали и сипели, выпучив глаза, не в силах двинуться с места. Все, кроме Рема, Латерна и еще двух крепких мужиков с той пиратской галеры, которую взяли на абордаж накануне.

Клеймо на груди Аркана, под рубахой и кожаным панцирем, горело огнем. Он понял, в чем дело, когда увидел, как Латерн неосознанно потер грудь. У всех четверых было клеймо. Они все были ортодоксами!

Рем рухнул на колени, сдернул с пояса небольшой факел, нашарил в кармане огниво, и под торжествующие крики контрабандистов, зажег огонь.

— *Обрати в пепел врагов Твоих и всю скверну огнем очисти!* — выкрикнул он пришедшие на ум слова из Писания и запустил факелом в колдуна.

Он точно был колдуном, эта усатая сволочь.

Факел летел и вращался в воздухе, и Рем думал, что не попадет. Всё-таки пятнадцать шагов, которые их разделяли — это тоже расстояние, а он никогда не тренировался метать горящие предметы в живых людей. Однако, факел врезался усатому куда-то в область колен, и его роскошный халат тут же загорелся! Тут уж или Господь помог, или и вправду рука парня стала тверже, а глаз — вернее...

— Бе-е-ей! — заорали мятежники, сбросив оцепенение, и кинулись на врага.

Контрабандисты были смяты в первые секунды, поскольку не проявили даже намека на воинскую доблесть. Ну да, были бы бойцами — стали бы гёзами. Их втоптали в землю и убили почти всех. Особенно ожесточенно кромсали колдуна, который пытался убежать, размахивая горящими полами халата.

Потом подожгли галиот, побеседовали с гребцами и освободили всех, кто хотел сражаться вместе с мятежниками против гёзов. На пристани стояло еще несколько судов, да и склады на берегу манили запахами сыра и копченого мяса, так что люди из отряда Рема не стали присоединяться к бесчинствующим в пиратском поселке соратникам, а освоили местные ресурсы, сначала набив животы, а потом — карманы и мешки.

Часа через четыре с островом Кон Ките было покончено. Все до одной постройке пылало, все местные, кто оказывал сопротивление, были убиты, остальных оставили рыдать на пепелище. Бывшие гребцы забрали с собой только оружие, доспехи, деньги, драгоценности, провиант и пресную воду. Разор лично выбрасывал с палубы шелковые одеяния, предметы интерьера и прочее барахло, матеря почем свет стоит горе-мародёров.

— У нас впереди еще шесть островов, придурки! — гремел Разор. — Куда вы всё это пихать будете?

Потери команды красного корабля составили пять человек убитыми и двенадцать ранеными, из них четверо — тяжело. Зато удалось освободить всех рабов на острове. Правда, большая часть не захотела присоединяться к походу против гёзов и отправилась искать счастья в Последнем море на каком-то баркасе. Но остальные вступили в ряды

мятежников, и теперь их было больше двух сотен! Доспехи и снаряжение с острова тоже пришлось очень кстати, у каждого появилась какая-никакая броня и вооружились мятежники до зубов!

Особо ценным приобретением стал лекарь. Этого старикана держали при местном борделе, он делал аборты проституткам и лечил постыдные заболевания у гёзов. А по призванию и основной профессии он был военно-полевой хирург, родом откуда-то из Центральных провинций.

— Я служил у дю Ритёра, знаете ли... — сказал он Разору, и Разор уважительно хмыкнул, как будто это ему о чём-то говорило. — Меня зовут Цудечкис, маэстру Цудечкис.

А еще он был ортодоксом и потрясающим специалистом. Лекарская седая «шкиперская» бородка мелькала тут и там, он с хрустом вправлял суставы, деловито ковырялся в свежих ранах и вливал в рот микстуры лежачим больным, покачивая головой и цыкая зубом. Кирпич с радостью уступил ему место корабельного доктора, оставшись при нем помощником. Стоило маэстру Цудечкису появиться на борту, как никто уже и не представляли себе, как без него вообще существовала команда!

— Какая, однако, бойкая натура! — сказал про него как-то Разор с одобрением.

Красный корабль продолжил свой путь и следующие два острова стали для мятежников легкой добычей. Их принимали за Дэна Беллами, а они принимали гёзов на клинки. Команда выросла до двух с половиной сотен бойцов, а трюмы были уже основательно нагружены ценностями и оружием.

И всё это богатство было записано и учтено, и всем всего хватало с избытком. Рем Тиберий Аркан неожиданно для себя оказался хорошим квартирмейстером, он, можно сказать, открыл в себе талант к такого рода делам, и даже получал удовольствие, выдавая на руки чистое белье и рассчитывая вместе с корабельным коком норму продуктов на двести пятьдесят человек.

— Не всё ж мне палашом размахивать, — говорил он в беседе с Микке. — Нужно и что-то полезное делать, да? Квартирмейстер я, в конце концов, или нет?

В такие минуты молодой Аркан чувствовал себя настоящим ортодоксом — трудолюбивым, порядочным, рачительным хозяином. И это новое чувство ему нравилось.

Палаш, кстати, он нашёл по руке: отличный клинок с полуторной заточкой, длиной с руку, простой и надежный, без финтифлюшек, чернений и гравировок. Ну как — нашел? Выбил из рук у одного из гёзов. Еще Рем раздобыл себе неплохие стальные наручи и поножи. Кирасу пока оставил кожаную — всё, что попадалось из доспехов, было либо неудобным, либо не по размеру — аркановский рост стандартным назвать было сложно.

Ребята вечерами хвастались своими подвигами, орали песни, знакомились с новичками и были готовы уничтожать всех гёзов Низац Роск, прерываясь только на обед.

А командный состав, узким кругом собираясь в кают-компани после удачного дня, мрачно размышлял о будущем. Ситуация с курсом так и не прояснилась. Очевидным стало только то, что, скорее всего, любой военный корабль с западного побережья постарается напасть на них, поскольку никакого законного основания на владение красным кораблем Дэна Беллами у мятежников не было, не говоря уже о каперском патенте или какой иной бумаге. Доказывай потом, что кучка беглых гребцов рублилась только с пиратами, а гора драгоценностей в трюме — компенсация за месяцы изнурительного труда, лишений и издевательств...

Вообще-то у Рема была одна идея, как узаконить их статус, но озвучивать ее он не собирался. Для этого Аркану пришлось бы поведать свою историю. Благо, дело до этого еще не дошло, хотя Разор уже несколько раз подгрел с разговорами по душам. Но суета давала возможность увильнуть в сторону: то подожги, этого убей... Рему и самому было бы дико интересно послушать историю Разора, или того же Микке, но как-то не складывалось.

Не сложилось и на этот вечер. На следующем острове под названием Сэн Ракё мятежники умылись кровью, встретив серьезное сопротивление: местные быстро разобрались, кто приплыл на корабле Дэна Беллами... Резня была просто безумная хотя высадка прошла без помех.

Дело в том, что этот клочок суши был чем-то вроде биржи труда, похожей на ту, которую Рем видел в Смарагде. Сюда прибывали все, кто хотел стать гёзами, и ждали, пока какому-нибудь капитану не понадобится пополнить команду. Еще повезло, что вместо обычно толкущейся здесь полутысячи головорезов, на острове ошивалось всего-то полторы сотни. Но трепку они задали мятежникам знатную, хотя и полегли почти все, сломленные напором рабов, которых Разор и Кирпич с Септимием сумели освободить из тюремных барачков.

У Аркана руки тряслись целые сутки от ужаса, пережитого в тот день, и страшно гудело в голове после того, как какой-то ловкий популярь сбил его с ног ударом шестопера по шлему...

В общем, мятежники потеряли семьдесят человек убитыми, в том числе Кирпича, Латерна, Татри... Раненых было множество. Большая часть потерь приходилась на вчерашних рабов, толком не умеющих сражаться, но и «старички» тоже не убереглись: Разор был ранен в ногу, Марку выбили половину зубов и свернули челюсть, а Сухарь лишился двух пальцев на левой руке.

С другой стороны, среди выживших освобожденных невольников с Сэн Ракё оказался замечательный во всех

отношениях купец-оптимат и почти вся его охрана — восемнадцать опытных, закаленных бойцов, которых захватила банда вербовщиков, заплывших высоко по течению реки в условно мирные земли Запада, и напавшая на торговый караван на привале.

— Это было колдовство! — со знанием дела говорил дородный купчина по имени Оливьер.

Он вытирал тряпкой кровь с мощных предплечий и делился пережитым:

— Перед тем как мои глаза закрылись, я увидел духов, подобных туману, которые летали над лагерем!

И его охранники согласно закивали. Они все были профессиональными бойцами, наемниками, и вряд ли так просто проšliяпили бы нападение. Купец не стал претендовать на лидерство, так что все они влились в команду, пополнив ряды абордажников, чьи потери были особенно велики.

Считая этих людей, удалось набрать сорок пять человек пополнения, и множество трофеев, включая оружие отличного качества, и пудов сорок припасов и снаряжения. Правда, денег на этом острове почти совсем не было. Сюда приезжали те, кто хотел заработать, так что в карманах у них было не густо. Все деревянные постройки пустили на погребальные костры для павших соратников-ортодоксов, а своих оптиматов мятежники предали земле на небольшом островке неподалеку.

Разграбив большую часть Малой Гряды, так и не удалось решить главную проблему. Микке определил направление на север, углядев ночью знакомые созвездия и яркую точку Небесного Маяка. Теоретически можно было двигаться, ориентируясь по сторонам горизонта, и держать курс, например, на северо-восток, чтобы прибыть к Западному побережью. Это грозило в лучшем случае судебным разбирательством, а в худшем — атакой военного флота кого-нибудь из местных сеньоров. Там не стали бы слушать сказки про освобождение из плена, а поступили так, как поступают с настоящими пиратами.

В итоге, на общем совете команды было решено покончить с Малой Грядой. Ненависть к гёзам ещё не угасла в сердцах мятежников... Но Рем, покопавшись в своей душе, понимал, что ему уже просто хочется домой, а убийств и пожаров он навидался достаточно.

Следующий остров ждал во всеоружии: гавань ошетилилась копьями местной охраны, классическая пиратская галера ставила парус, чтобы удрать за подмогой, в городке бил набат и горели костры.

— Черт бы их побрал! Увидели, небось, дым от пожарищ соседнего острова... — бурчал Жерар. — Что нам теперь делать?

Марк и Септимий единодушно предложили плюнуть на галеру и атаковать остров. Сухарь и Микке настаивали на том, что галеру нужно остановить, чтобы она не привела подкрепление. А Разор сдвинул на затылок свой шлем-морион и спросил:

— Как думаете, сколько бойцов на галере?

— Десятков пять, да под сотню гребцов... Судно стандартное, поменьше нашего раза в полтора — задумался Жерар.

— А на берегу? — уточнил Разор.

На сей раз ответил Септимий:

— Думаю, не больше сотни.

— Так почему бы нам не напасть и на тех, и на других? — поднял бровь боцман. — Думаю, мы справимся. Нужно высадить десант, сотню человек, и отправить корабль за галерой. Протараним сволочей, спасём кого возможно из гребцов... А кого не спасем — ну, прими, Господи, их души...

Командовать абордажниками на корабле остался Септимий, он был наиболее выдержанным и спокойным из старых ветеранов. Микке, Жерар и Сухарь тоже оставались на борту, мятежники не могли лишиться корабль самых полезных членов команды.

Рем смотрел на набирающую ход вражескую галеру, строй копейщиков на пристани и два мыса, которые защищали собой гавань:

— У нас ведь пять шлюпок, так? — спросил он.

— Ну да...

— И во-он за тем мыском пологий песчаный берег, и прибой не такой сильный, да?

— Давай-ка толком объясни, Рем, к чему ты клонишь! — потребовал Разор.

И Рем объяснил.

Мятежники сделали вид, что погнались за галерой, а когда с гавани их уже видно не было — спустили шлюпки, битком забитые бойцами. Да, это была не сотня, предложенная Разором, десятков семь человек, но все были хорошо вооружены, экипированы и горели жаждой битвы! В одной из лодок сидел и Аркан, рядом с Оливьером и Марком. Вымокнув до нитки, они высадились на песчаный берег и атаковали городок гёзов с фланга, круша всё на своем пути. Охрана пристани спешно разворачивалась на встречу нежданной угрозе, мечтая поскорее расправиться с наглыми налетчиками.

А мятежники по совету Рема и не думали принимать правильный бой и с дикими криками атаковать пиратов. Заняв оборону в домах, наспех соорудив баррикады, они обрушили на гёзов град метательных снарядов, включая мебель и посуду. Они швыряли факелы в здания у врага за спиной, умельцы пускали зажигательные стрелы... Начались пожары. Гёзы боялись поступать также — имущество, которым завладели бывшие гребцы и все, кто находился в зданиях, становились заложниками. Силы были примерно равны, да и торопиться десанту было некуда — подавляющее численное преимущество должно было позволить красному кораблю быстро разделаться с галерой и вернуться, меняя гребцов как можно чаще. Отступить пираты не могли — боялись, что атакующие разрушат весь город к чертовой матери.

Ситуация была патовая, и так бы всё и оставалось, но в какой-то момент корабельный доктор, Цудечкис, подкрался к Рему сзади и, цепко ухватив за плечо, прошептал:

— Он испытывает невыносимые страдания, знаете ли! Его срочно нужно снять оттуда!

Аркан чуть не подпрыгнул от неожиданности! Во-первых, какого черта маэстру Цудечкис делал в составе десантной партии? Во-вторых, как ему удалось так незаметно подкрасться? И, наконец, в-третьих... На чьи это страдания нужно обратить столь пристальное внимание?

Позиция, выбранная Ремом, располагалась в общем зале наполовину разгромленной таверны. Они с Марком, Оливьером и его людьми уже отбили здесь три попытки штурма, и высовываться куда-то не очень хотелось. Но Цудечкис был неумолим:

— Это за квартал отсюда. Я увидел с крыши, там нет гёзов! Там молельный дом, знаете ли. Стоит взглянуть!

В конце концов, как раз наступило затишье, и пираты притаились с другой стороны улицы, так что Рем согласился. Вместе с Цудечкисом они выбрались на задний двор и закоулками направились к молельному дому. Доктор был вооружен небольшим арбалетом, за спиной — кофр с медицинскими приспособлениями, на бедре были как-то хитро закреплены ножны с кривым ножом — в общем, лекарь выглядел внушительно.

Аркан тоже держал палаш наготове — кто знает, вдруг каких-нибудь гёзов нелегкая понесёт сделать большой крюк и зайти в тыл позициям десанта?

Но, не считая кинувшейся под ноги злобной псины, до молельного дома они добрались без приключений. Псину маэстру Цудечкис пристрелил с хирургической точностью, так что много шума она наделать не успела.

Двери молельного дома были заперты.

— Он на обсервационной площадке, — сказал доктор. — Туда должна вести еще одна лестница.

Лестница была: железные скобы, вбитые в стену. Честь взбираться первым выпала, конечно же, Рему, а доктор остался внизу, прикрывая его из арбалета. Маэстру доктор вообще-то ни слова не сказал, что там такое он рассмотрел, и кто такой там испытывает мучения!

Аркан вложил палаш в ножны и полез наверх. Чертовы скобы шатались, ржавчина слетала с них огромными пластами, и парень думал, что чудо-лестница не выдержит, и ноги его будут переломаны при падении в трех, а то и в четырех местах...

Лестница скрипела, но не разваливалась. Убедившись, что сверху никого нет, Аркан перевалился через ограждение, оказавшись на площадке. Сразу он не понял, что именно почуял его нос, но через мгновение память подсунула подходящую ассоциацию — горелое мясо. Источник запаха нашелся быстро: длинноволосый мужчина в клетке, подвешенной на распорке в виде буквы П. Под клеткой тлела жаровня с углями, днище было раскалено докрасна...

Узник безжизненно повис на руках, уцепившись за верхнюю часть клетки, ноги его судорожно дергались, касаясь днища. Он даже не стонал, совершенно обессилен. Ему, черт побери, ноги поджарили! У Рема самого заныли ступни. Нужно было срочно вытаскивать страдальца!

Рама, на которой была подвешена клетка, казалась прочной, но Аркан заметил уязвимое место — поперечная балка крепилась к столбу веревкой, и он принялся рубить ее палашом.

По скобам наверх карабкался Цудечкис. Доктор влез в тот самый момент, когда последнее волоконец лопнуло, и рама покачнулась. Рем уперся плечом в столб и услышал слова доктора, произнесенные одновременно со скрипом ломающегося дерева:

— погоди, куда ты...

Рама уже падала на обсервационную площадку, и Аркан еле успел скорректировать ее падение, чтобы не задеть жаровню с углями. С лязганьем и скрежетом, но довольно медленно вся конструкция обрушилась, парень внутри застонал, Рем кинулся рубить замок на дверце, и плевать ему было на то, что палаш затупится.

А тут еще люк, который вел на площадку изнутри молельного дома, приоткрылся, и оттуда полез какой-то дюжий тип в светлом одеянии. Маэстру Цудечкис очень резво прыгнул на крышку люка, которая ударила типа по голове, и тот с воплем скрылся где-то внутри.

Рем как раз дорубил замок, откинул дверцу клетки и принялся вытаскивать узника, стараясь, чтобы он не касался раскаленного днища.

— Давай его сюда, Рем! Пока никого нет! — подал голос доктор.

Несмотря на изможденный вид и торчащие ребра, длинноволосый весил прилично, так что аккуратно донести его до доктора не удалось — пришлось волочить.

Маэстру Цудечкис уже достал длинный и широкий кусок чистого полотна, и при помощи Рема уложил пострадавшего поудобнее и принялся бинтовать.

— Дай ему это выпить, а я займусь ногами...

Аркан взял протянутый пузырек, раскрыл страдальцу рот и влил туда мутную жидкость. Тот инстинктивно плотнул. Пару мгновений ничего не происходило, а потом он вдруг глубоко вздохнул, широко открыл глаза, сказал что-то на непонятном мелодичном языке, закрыл глаза и впал в забытие.

— Доктор, а парень-то наш — не человек! — воскликнул Рем, глядя на заостренные кончики ушей, до этого скрывавшиеся под длинными волосами.

Да и глаза у незнакомца были явно нечеловеческого цвета. Не бывает людей с фиалковым цветом глаз.

— Эльф, знаешь ли, — спокойно сказал маэстру Цудечкис, продолжая обрабатывать парню ноги. — Давай, придержи ему голову.

Ну, может для кого-то эльфы — это обычное дело, но Рем видел только парочку в Смарагде, издалека, в составе посольства из Туринн-Таура, что в дремучих восточных джунглях, за Рубоном Великим... Те эльфы были надменные, церемонные, в пышных одеяниях, с роскошными украшениями, и вообще представлялись ему тогда чуть ли не сверхъестественными существами. А этот — изможденный, измученный, в каком-то тряпье — он совсем на них не был похож!

Снова скрипнул люк, и Аркану пришлось оставить эльфа на попечение доктора. Надо было что-то решать с теми, кто заперся в молельном доме, а Рем понятия не имел, сколько их там засело. Он окинул взглядом площадку и хмыкнул: клетка!

Днище ее еще не остыло, и Рем с натугой поднял конструкцию за верхние прутья, и потащил к люку, который потихоньку открывался. Клетка весила, наверное, пуда три или четыре!

Они там уперлись снизу чем-то длинным, чтобы не получить по голове как в прошлый раз, и толкали крышку люка вверх...

— Хе-хе, — пыхтя, злорадствовал Аркан. — Открывайте-открывайте...

Крышка откинулась, стукнув о плиты площадки, Рем поднатужился и сбросил клетку внутрь. Грохот, лязганье, хруст и дикие вопли были подтверждением успешности такого маневра.

— А-а-а!!! — вскричал Аркан. — Сейчас я до вас доберусь!

И прыгнул внутрь.

Идея была, честно говоря, не очень. Он приземлился прямо на того крупного типа, который в первый раз получил по голове от Цудечкиса. Громила утробно хрюкнул, обмяк на ступеньках винтовой лестницы и не подавал признаков жизни. Клетка, видимо, неслабо его задела, и устремилась вниз по лестнице, покалечив еще одного персонажа.

Благообразного вида мужчина с седыми волосами, гладко выбритый и ухоженный, сидел у подножия лестницы, опершись спиной на стену и держась за колено. Клетка валялась тут же, неподалеку.

— Сдавайтесь! — сказал Рем.

И тут навстречу выскочил коренастый человек в светлом одеянии. Половина лица его была обожжена — наверное, днищем клетки приложило. Он лихо размахивал каким-то дрыном, и орал невразумительно, а Рем отступал вверх по лестнице, защищаясь палашом. В итоге его противник споткнулся о своего товарища, и получил по голове клинком плащмя. Это была очередная типично аркановская победа — некрасивая, нелепая, совсем не героическая, но зато с минимумом жертв и максимальным эффектом. Тиберий Аркан Старший гордился бы своим сыном!

Рем присел рядом с ухоженным мужчиной и проникновенно заглянул ему в глаза:

— Зачем вы того парня жарили, ну, который сверху?

— Богомерзкая нелюдь, бездушная тварь, достойная самой лютой смерти! — заявил популяр, потирая ушибленное колено. А потом уверенно заявил: — Его мучительная смерть угодна Богу!

Рем размахнулся и дал ему хорошую оплеуху! А чего он дичь всякую несет про Бога? Аркан размял после удара ладонь и наставительно проговорил:

— Что угодно Богу — написано в Священном Писании: в Книгах Четырех Ковчегов и Слове Сына Человеческого. И там нет ни слова про то, что нужно жарить эльфов! А ты кто такой, чтобы говорить за Него?

— Я — преподобный Надод Пилтник! Я толкую Писание в этом доме Божьем! — заявил седой мужчина.

Рем медленно выдохнул. Ему всё стало понятно. Преподобный толкователь. Это — главная проблема популяров. Они думают, что кто угодно может толковать Писание! Что Писание вообще нуждается в толковании! Что там всё иносказательно и двусмысленно!

А эльфа он прижигал потому, что в Слове Сына Человеческого речь идет только о людях, стало быть, по их кривой логике только люди — угодны Богу, а все остальные расы и народы есть порождение злых сил. И преподобного толкователя не смущает тот факт, что святой Ежи, который единственный знал Слово наизусть, но был слеп и диктовал его переписчикам в первые месяцы после Прибытия, понятия не имел о том, что кроме людей в этом мире есть кто-то еще, обладающий разумом, речью и (по крайней мере Рем был в этом уверен!) душой тоже!

— Ну что ж, маэстру Надод Пилтник... Хватай своих товарищей и привязывай их во-он к тем скамьям. Или придется проткнуть всех вас палашом, чтобы вы не помешали мне...

Толкователь заковылял к лестнице, и со стонами и охами перетащил сначала обожженного, а потом и верзилу к скамьям, и принялся привязывать их собственными поясами. Некачественно привязал, халтурно. Его Рем связывал сам, а потом подтягивал узлы на двух оставшихся пленниках.

— Маэстру Цудечкис, я тут закончил! — крикнул Аркан.

— Ну так поднимайся, господин квартирмейстер! Я один эльфа не поташу, знаешь ли!

Когда они несли эльфа по винтовой лестнице, доктор задумчиво проговорил:

— Разор уже высадился в гавани, сейчас наши режут пиратов на улицах...

— Да? — апатично отреагировал Аркан. — Ну и ладно.

— Я считал себя знатоком наречий и диалектов, знаете ли. Я думал, что могу поговору определить происхождение, образование и род занятий человека, — вещал Цудечкис. — Но вот с тобой, Рем, мне ничего не понятно! Порой ты изъясняешься как профессор на лекции, все эти умные термины и сложные обороты... А иногда — как плебей из трущоб Кесарии, сыплешь жаргонизмами и ругательствами. Что с тобой не так, парень?

— Доктор, для того чтобы ответить на этот вопрос, мне пришлось бы изложить вам свою долбаную биографию за последние пять лет, а этого делать мне совсем не хочется, — отбивался Аркан.

— Но университетское образование у тебя есть, да? И степень не ниже магистра?

— Имеется степень бакалавра, а магистерскую диссертацию мою зарезала комиссия исходя из своих политических и религиозных предпочтений... — сдался Рем.

— Ну, тогда это или Тимьян, или Смарагда, или всё-таки Кесария. На Юге, в Претории, я думаю, у тебя не было бы проблем... Я прав?

Аркан сделал неопределенный жест рукой. Проницательный тип этот Цудечкис! В Тимьяне, на северо-востоке, привечают в основном популяров. Кесария — это далеко и дорого, очень дорого! Столица Империи всё-таки, пусть самой Империи уже и нет почти... Сбежав из дома, Рем хотел попасть в Преторию, но там его стали искать в первую очередь, так что вольный город Смарагда стал для него единственным вариантом, где можно получить образование, скрыться с папашиних глаз и не сдохнуть от голода на имеющиеся скромные средства. Университет там тоже имелся — знаменитый, основанный чуть ли не раньше самой Империи, лет через двести после Прибытия.

Ему удалось поступить без проблем. Еще бы! Библиотека в папашинем замке состояла из тысяч томов, и многие библиофилы готовы были отвалить золотом по весу за каждую четвертую книжечку этой коллекции! А Рему всё это богатство было доступно просто по праву рождения, и, видит Бог, он прочел почти всё, кроме специальных справочников, магических трактатов, любовных романов и совсем уж заумных или неразборчивых рукописей. Да и учителей Тиберий Старший подобрал знающих, была у него чуйка на людей. Он считал, что его детей должны учить те, кто на практике доказал знание своего предмета.

Так, языки вместе с фехтованием Рему и его братьям преподавал старый ветеран-легионер, ушедший в отставку в звании декуриона, когда легионы распустили. Он измерил шагами всю Империю от буйного, зеленого Юга до дымящихся гор Севера, бился с дикими племенами на Востоке, за Рубоном Великим и с гёзами на Западном побережье... Материться он умел на всех известных наречиях, знал самые необходимые фразы на десяти языках, включая орочий, гномский и эльфийский, и свободно изъяснялся на каждом из диалектов Империи, кроме северного. Его любимым учеником был старший из трех братьев — Децим.

Природоведение вместе с изучением Священного Писания было поручено замковому капеллану, который, как и подобало настоящему ортодоксальному священнику, сочетал в себе пламенно верующего миссионера, страстного естествоиспытателя-исследователя, практикующего лекаря и в целом — блестящего интеллектуала. Что тут и говорить, еще один брат Рема — Флавиан во всех этих дисциплинах преуспел, и вполне был согласен с традицией, по которой вторых сыновей ортодоксальная аристократия отдавала на попечение Экзархату, надеясь, что из них получатся хорошие священники. Священник в семье — это большая честь!

Географию, историю людей и нелюдей известного мира, риторику и литературу, философию, логику и тому подобное младшим Арканам сначала излагал отец лично, а потом приютил профессора из Тимьяна, который сбежал из своей альма-матер по причине преследований на религиозной почве. Тимьянские популяры они, конечно, за свободомыслие. Но только в том случае если это свободомыслие тех, кто с ними согласен. Здесь, несмотря на самый юный возраст, впереди всех была младшая сестрица Селена. Рем диву давался, как ей удавалось знать наперечет все древние рода Империи и цитировать классиков как имперских, так и эльфийских, и прежних, ну, чьи труды успели спасти с Ковчегов.

А Рем впитывал всё, что ему предлагали учителя, разбавлял полученные знания и навыки мешаниной информации, проглоченной в библиотеке, и считал себя самым умным, не имея феноменальных успехов ни в одной области. Он мог продержаться на мечях против Децима, (иногда даже удавалось его достать), рассуждал с Флавианом о богословском «казусе магов», и на спор с Селеной рисовал гербы захудалых родов Центральных провинций, однако со своей жизненной стезей так и не определился.

И это тоже было причиной его побега в Смарагду.

Сдать экзамены в университет было не сложно. Сложно было находиться в одной каюте с хитрым маэстру Цудечкисом, и не выдать своё происхождение. На вид-то лекарь человек интеллигентный, но мало ли у него с Арканами свои счёты? Всадит скальпель куда-нибудь, или чикнет по артерии и всё, прощай Рем Тиберий Аркан, молодой и перспективный. Пришлось сливать доктору компромиссную полуправду:

— Я из дома сбежал в Смарагду... Юношеский максимализм и всё такое, понимаете? А потом деньги

закончились, а кушать хотелось, так что я без малого два года ночами простоял за стойкой в кабаке, разливая пиво и крепкие напитки... Там же и проживал. Не самый respectable район, если честно...

— Печи? — уточнил Цудечкис.

Рем удивленно поднял бровь. Маэстру лекарь — специалист по трупам Смарагды?

— Нуу, не настолько плохо, — улыбнулся Аркан. — Монеточка.

— Ах, Монеточка! Ну, там и вправду публика почище: вместо воров, наркоманов и проституток — наемники, контрабандисты, странствующие циркачи и артисточки... — хмыкнул доктор. — Тогда всё ясно, Рем. Пойдем к пациенту, это снадобье должно ему помочь...

Он был явно доволен собой, этот маэстру Цудечкис с ухоженной шкиперской бородкой. Он наверняка гордился тем, что лихо раскусил парня, просто на щелчок пальцев! А Рем Тиберий Аркан считал, что ни черта Цудечкис его не раскусил.

Они шагали по качающейся палубе в каморку квартирмейстера, где сейчас разместили эльфа, и Рем думал, что остался всего один остров из Малой Гряды, а дальше всё-таки придется решать, как быть дальше?

И присущее всей его семейке чутье подсказывало, что эльф может с этим помочь.

Эльф лежал на койке и смотрел в потолок. Очнулся, значит!

— Айе! — сказал Рем. Это значит «здрате» по-эльфийски. — Я не знаю, понимаешь ты меня или нет, но мы спасли тебя из той клетки, в которую тебя посадили гёзы. Меня, кстати, Рем зовут. А это — маэстру Цудечкис, он доктор.

Эльф посмотрел на них, а потом широко улыбнулся и заговорил на чистейшем придворном диалекте имперского языка:

— Приветствую вас, милостивые государи Рем и маэстру Цудечкис, и благодарю Небеса и вас за небезразличие. Истинная отрада узнать, что не все люди есть безжалостные дикари, и вам известно милосердие и сочувствие! Мое имя — Эадор Нилэндэйл. Не соблаговолят ли милостивые государи сообщить мне, что за корабль стал мне приютом, кому принадлежит и куда направляется?

Рем и доктор растерянно переглянулись: черт его знает, как ему отвечать на эти вопросы? Он как бы имеет право знать, он же не пленник! Но, с другой стороны, они и сами-то толком еще не разобрались в таких сложных вещах!

— Ну, я пока сделаю перевязку, — сделал занятой вид хитрый доктор, оставив Рема объясняться с эльфом.

— Вы прекрасно говорите по-имперски! — сказал Аркан, чтобы что-то сказать.

— Милостивый государь Рем, я тщательно готовился к путешествию, и принял все возможные меры, чтобы встреченные мной люди испытывали во время беседы со мной удовольствие и приязнь, — он беспомощно улыбнулся, как будто признавая, что встреченные им люди не испытывали никакой приязни. — Но, полагаю я, моя речь не совсем соответствует ...

— Да, так изъяснялись сто лет назад при дворе императора, — улыбнулся Рем. — Мы сейчас говорим несколько проще... И давайте вы не будете каждый раз называть меня «милостивым государем», и скажете мне, как мне к вам обращаться...

— О, называть друг друга просто и по имени для меня будет большой честью!

— Отлично, Эадор! Так вот, что касается твоих вопросов о корабле... Тут, всё очень непросто. Это судно не принадлежит никому, поскольку захвачено нами у пиратов в результате восстания гребцов. Как корабль называется — мы не знаем, и куда плыть — пока не решили... Я не думаю, что ты сильно расстроишься, если узнаешь, что мы сейчас завершаем разгром Малой Гряды Низац Роск, и на нашем пути остался всего лишь один остров. Все остальные уже подверглись э-э-э... мечам и пожарам, если говорить поэтично. Это всё потому, что нам не нравятся гёзы — они, как ты правильно выразился, безжалостные дикари. Например, занимаются работорговлей, приковывают людей к гребным скамьям и бьют плетями, и убивают...

— О, Рем, будь в я немного в лучшем состоянии, то с превеликим удовольствием и великой радостью присоединился бы к вам, и предал бы... мечам и пожарам этот остров! Как жаль, что я не могу этого сделать! — его помпезный слог не соответствовал ярости, горевшей в фиалковых глазах.

Еще бы! Что кроме ярости будет испытывать мужчина, которому несколько часов поджаривали ноги?!

— Маэстру Эадор, — сказал доктор. — Я думаю, встать вы сможете не ранее чем через десять дней.

— Почтенный лекарь, поверьте, трех дней будет вполне достаточно... Несомненно, ваш опыт и познания в излечении людей превыше всяких похвал, но я — тьялери, — проговорил Эадор. А потом спросил у Аркана: — А кто капитан сего корабля?

Рем и доктор снова переглянулись, а с гребной палубы раздался залихватский мотив:

— Хоп! Давай-давай!

Городишко поджигай!

Отвечать пришлось Аркану:

— Последний капитан был настоящим мерзавцем, и сейчас его голова располагается на мачте. А корабль управляется чем-то вроде клуба командиров. Я, например, квартирмейстер и принадлежу к этому э-э-э клубу. И доктор тоже.

— Не соблаговолите ли... Будь любезен, Рем, скажи этим почтенным людям что я имею для всех вас наиважнейшее предложение и поелику возможно скорее хотел бы изложить его принимающим решение на этом корабле.

Вот оно как! Рем вскинулся — он готов был поклясться, что это оно, то самое, на что указывало его чутьё!

— Не знаю, кого из них можно назвать «почтенным», но все они — люди достойные, мужественные и решительные. Я прямо сейчас пойду, и всё им изложу, — Аркан энергично направился к двери, оставляя доктора на растерзание этому в высшей степени интеллигентному, вежливому и дружелюбному эльфу.

Закрыв за собой дверь каюты, Рем отошел на пару шагов и уселся на палубу, привалившись спиной к фальшборту, стараясь привести мысли в порядок.

Итак, что в сухом остатке? Тьялери — так он себя назвал. Это, видимо, самоназвание тех эльфов, к которым он принадлежит. Кроме того, у него была некая вполне определенная миссия, раз он тщательно готовился к путешествию. И с людьми они знакомы, по крайней мере, заочно, раз он знает язык. Ему не повезло, и он столкнулся с популярями, иначе, Рем был уверен, любой феодал на Западном побережье принял бы его как особу знатного происхождения. К эльфам у аристократов (особенно у оптиматов) всегда было отношение трепетное и восхищенное. Наверное, он попросит доставить его куда-то... И это — неплохой шанс! Вдруг Эадор Нилэндэйл — посланник эльфийских важных шишек, и тогда мятежники получили бы вполне официальный статус как лица, его сопровождающие. И спокойно пристали бы в городе, куда там ему надо? А Рем смог бы связаться с Децимом, и тогда...

— Чего уселся, Рем? Что там с твоим гостем? — внезапно прозвучал голос Разора.

— Гость-то мой того... — Аркан ведь не сообщил ему всех нюансов.

— Умер что ли?

— Тьфу, Разор, Господь с тобой, почему сразу умер? Эльф он!

— Чего-о?

— Ну, эльф. Глаза фиалковые, уши — длинные, острые. Эадор его зовут, и он что-то хочет нам предложить. По его словам — наиважнейшее!

— Так. Это, конечно, всё очень интересно. Но мы все делать будем по порядку! У нас прямо по курсу последний остров, и пока мы с ним не разделаемся, меня всякие наиважнейшие эльфы мало интересуют, — отрубил Разор.

Кремень-мужик. Другой бы уже побежал знакомиться, и подробности узнавать. А этому — тоньше лезвия, потому что порядок должен быть. Решили острова жечь — значит нужно с этим закончить. Обстоятельно, дисциплинированно.

В этот момент впередсмотрящий с «вороньего гнезда» закричал дурным голосом:

— Вижу три паруса на горизонте! Четыре, пять парусов!!!

— Команда, к бою! — тут же откликнулся Разор. — Комит, свежую смену на весла! Мы должны освободить рабов с острова и сжечь там всё к чертовой матери, пока они нас не догнали! Жерар, сколько до тех кораблей?

Жерар ловко вскарабкался на вершину мачты по вантам, прислонил козырьком ладонь ко лбу и через мгновение ответил:

— Верст двенадцать! Если ветер сохранится — им четыре, может пять часов ходу!

— Итак, у нас есть два часа, чтобы закончить свои дела здесь, и оставить гёзам пепелище. За работу! — гаркнул Разор.

Корабль как будто превратился в гудящий пчелиный улей. Каждый куда-то бежал или что-то делал. Бойцы экипировались, прилаживали снаряжение, точили оружие. Свежая смена гребцов, уже облаченная в доспехи и вооруженная до зубов, сменила товарищей, и те также принялись готовиться к бою.

До крайнего острова Малой Гряды оставалось менее получаса ходу. Рем успел надеть кирасу, поножи и наручи. Эх, еще бы латные перчатки, как у папаши в арсенале! Рем решил обязательно присмотреть что-нибудь подходящее на берегу, мало ли...

На коротком собрании командиров было решено не мудрствовать. Обстрелять гавань и поселение, высадиться на берег, построиться и одним мощным кулаком пройти туда-сюда по острову с целью поиска захваченных гёзами в плен несчастных. А потом поджечь всё, что может гореть и с максимальной скоростью убраться подальше под прикрытием дыма.

Гавань состояла из широкого залива, неглубоко вдававшегося в сушу. Шесть пирсов, сооруженных на

основании из каменных глыб, обеспечивали неплохую пропускную способность. Два из них были заняты пришвартованными корабликами: один из них очень напоминал галиот контрабандистов с Кон Ките, а второй являлся ветхим рыбацким баркасом.

Из глубины острова к пристани уже бежали нестройной толпой разномастно вооруженные защитники.

Решено было высаживать десантную партию одновременно с корабля и шлюпок, чтобы обеспечить максимальное количество бойцов на берегу в самом начале сражения. Каждое из направлений взял на себя кто-то из командиров: Разор, Септимий, Оливьер и Марк. Рему поручили взять дюжину бойцов и захватить галиот, на тот случай, если вдруг на красном корабле не хватит места для добычи и освобожденных пленников. Баркас было решено сжечь.

Группа Рема высаживалась во вторую очередь, так что он успел осмотреться. Ребята, кстати, подобрались разные: пятеро прошедших мракобесие Дэна Беллами и мятеж на Хотгобе, остальные — освобожденные с первой взятой галеры и острова Сэн Ракё. Рем даже имен их узнать не успел, а они все его знали...

— Что делать будем, квартирмейстер? — спросил один из них, лысый детина с серьгой в ухе.

— Сначала поджигаем баркас, потом перебираемся на галиот. Берем под контроль палубу, предлагаем всем, кто остался внизу выбираться по одному, и бросаем их всех в воду, пускай выплывают...

Интересно, что Разор уже в который раз поручал Рему вспомогательные миссии, отвлекающие маневры и тому подобное. В строй он ставил других, а ему выделял небольшой отряд под командование, обозначал цель и предоставлял в дальнейшем полную свободу. Это можно было бы объяснить благородным происхождением Аркана, которое старый вояка просчитал еще в трюме корабля вербовщиков, но... В команде были и другие аристократы, немного, человек пять. И Разор плевал на их происхождение, в основном определив благородных в абордажные команды.

Шлюпки уже двигались к пирсам, битком забитые бойцами, на корабле весла были убраны, до берега оставались считанные мгновения. Наконец, с громким стуком борт ударился о каменное основание центрального пирса, и плотный строй бывших гребцов ринулся вперед, подбадривая себя воинственными криками и стуком оружия о щиты.

Вырвавшись на мощеную досками набережную, мятежники тут же принялись разворачиваться в шеренгу, чтобы прикрыть высаживающихся со шлюпок соратников от набегающей толпы гёзов.

Рем и его люди высадились сразу следом за основной партией, и за их спинами пробежали к крайнему правому пирсу, туда, где стоял галиот. Аркан бежал по скрипучим доскам и старался не ткнуть в товарищей горящим факелом, который держал в левой руке. На бегу он думал о том, что посвятить жизнь кровавым сражениям никогда не входило в его планы. А последнее время он только и делает, что тыкает в людей острыми железяками и наносит увечья разной степени тяжести...

Мятежники сноровисто подожгли баркас при помощи кучи сброшенной в него ветоши и факела, и в два счета захватили галиот, успев пресечь попытки команды обрубить канаты. Всё оказалось даже проще чем планировалось: большая часть контрабандистов сгрудилась на берегу, а две дюжины гребцов томились под охраной всего-то пяти человек! Охрана оказала сопротивление и была уничтожена. Освободив кандальников, Рем принял решение оставить их на корабле вооружаться и готовить галиот к отплытию, а самому с отрядом мятежников поддержать Разора.

Основные силы как раз отразили первую хаотичную атаку: прикрывшись щитами отбросили гёзов и принялись наступать — шаг за шагом.

— И-и р-р-раз! И-и р-раз! И-и-и раз, два, три! — слышался зычный голос Разора, в такт которого бойцы меняли свой шаг, вколачивая подошвы в землю.

Отступившие пираты, больше сотни человек, выстроились у ближних к пристани домов. Ими руководили два статных мужчины в качественных доспехах. У одного из них было почти аркановское телосложение, и Рем сразу присмотрелся к его латным перчаткам...

— Хоп! — крикнул кто-то в рядах мятежников, и десятки плоток со злым весельем откликнулись: — Давай-давай!

Разор и абордажники здорово вымуштровали парней за эти долгие дни. А еще большую роль в становлении пленных гребцов в качестве свирепых воинов сыграли постоянные сражения с гёзами на островах.

Люди Рема устремились в бой вместе со всеми, в глубине левого фланга. Непосредственного участия не потребовалось — первые ряды устроили популярам настоящую мясорубку, обратив их в бегство за несколько минут жесткого встречного боя. Завывая и вопя как тысяча чертей, мятежные бойцы преследовали убегающих гёзов и убивали их повсюду: на улицах, в сквериках, на лестницах и крылечках, в домах и тавернах...

Рабов здесь содержали поистине в скотских условиях. Это была обычная яма: неглубокая, с земляными стенами и полом, накрытая сверху деревянной решеткой, на которую в случае дождя укладывали дощатый навес. О нужнике, и тем более о бане не могло быть и речи. Пища выбрасывалась из корзин прямо через отверстия в

решетке, вода подавалась два раза в день в ведрах на веревке. Всё как у «вербовщиков» в трюме.

Рем увидел, как бойцы вытаскивают оттуда три десятка худых как скелеты мужчин, которые смотрели на мятежников как на посланников Небес, и протягивали к ним свои руки.

Аркан помогал им вылезать на свет Божий и думал о том, что им всем жутко повезло, что популяры не берут в рабство женщин. Их интересовала только мускульная сила, поэтому «вербовщики» охотились на крепких взрослых мужчин. Он понятия не имел, что бы они делали, если бы на островах были сотни рабынь... Для каких угодно надобностей.

Если говорить о порядочных ортодоксальных девушках, или замужних женщинах, то взять одну из них в рабство было бы большой проблемой: умение обращаться с коротким клинковым оружием (то есть с ножом) — это часть женской культуры ортодоксов. И на кухне, и по хозяйству, и, не дай Бог, в бою — нож всегда был верным помощником и другом прекрасного пола. Другой вопрос, что самого Рема, такого большого, сильного и вооруженного спеленали и запахали в трюм... В общем, хвала Господу, рабынь они не встречали, и на том спасибо.

Нет, бордели на островах были, и мятежники исправно их поджигали и громили, выгоняя обитательниц на улицы. Однако эти самые обитательницы обитали там вполне добровольно, осознанно посвящая несколько лет молодой жизни этому, скажем так, ремеслу для того, чтобы подкопить денег и отчалить на большую землю вполне себе обеспеченными особами. А там, на популярском Северо-Востоке можно было рассказать сказку о погибшем в бою с еретиками муже, оставившем неплохое наследство. Благо, жаждущие ласки пираты не скупилась на подарки для своих подруг.

Ну, этих-то практичных особ жалко не было. Убивать их не убивали, по крайней мере, если они не кидались на разгоряченных схваткой ребят с острыми предметами, но перед сожжением борделя в нем не оставалось ни одной завалящей монетки и ни одного кусочка драгоценного металла, это уж поверьте! Разве что, эти будущие уважаемые бюргерши по-быстрому договаривались с кем-то из парней... Но это уже совсем другая история.

Через три часа после высадки, на двух кораблях мятежники вышли в открытое море, держа курс подальше от Низац Роск. Они шли на веслах, не поднимая парусов, чтобы с приближающихся кораблей пиратской эскадры корабли было сложнее рассмотреть. Да и сумерки играли в их пользу.

Среди освобожденных гребцов галиота оказался один юнга с военного корабля флота маркиза дю Жоаннара, он служил помощником рулевого, так что вместе с парой матросов с красного корабля и тремя десятками парней они смогли управлять вторым судном. Остальные освобожденные мылись, отъедались и отдыхали.

— Они не должны нас заметить, ведь правда? — спросил Разор.

— Гла-вное отойти подальше... — проговорил Микке. — Ко-огда стемнеет, мы смо-ожем поставить паруса!

Жерар утвердительно кивнул.

Командиры сидели на кормовой надстройке, прямо на крыше бывшей капитанской каюты, и держали совет. По кругу передавали бутылку с вином, тут же, на бочке, были разложены нехитрые закуски.

— Представьте себе ощущения пиратов, которые раз за разом причаливают к пепелищу! — ухмылялся Рем. — Они, наверное, проклинаят нас по чём свет стоит!

— Выжившие расскажут им о нас, и нашем корабле, — угрюмо пробормотал Сухарь. — Нужно было порешать всех на каждом острове! Тогда не пришлось бы нам шкериться непойми, где...

Он всегда был против линии, которую отстаивали Разор, Микке и Рем. Эти трое выступали за то, что нужно уничтожить материальную базу пиратства на Малой гряде и убить всех, кто окажет сопротивление, в первую очередь — вооруженных мужчин. А Сухарь, как, впрочем, и большая часть команды, предпочел бы устроить тотальный геноцид популярского населения архипелага Низац Роск.

— Мы потеряли бы время, Сухарь, — жестко отрезал Разор. — И контроль над бойцами. Две сотни перемазанных с ног до головы кровью и внутренностями головорезов — не та команда, которая будет соблюдать порядок и дисциплину, верно?

Он продал такое решение своим авторитетом, и многие командиры его поддержали. Команде пришлось согласиться, все же они понимали, кому обязаны свободой и возможностью поквитаться с угнетателями.

— Что ж, Рем, я думаю, теперь мы можем выслушать нашего гостя, верно? — маэстру Цудечкис сумел на короткое время оторваться от раненых и поэтому принимал участие в совете.

Остальные выжидающе уставились на квартирмейстера. Как будто этот эльф решит все их проблемы!

— Ну, пойдёмте, — пожал плечами Рем. — Или мне принести его сюда на закорках?

Эадор Нилэндэйл ожидал их, сидя на кушетке. Само по себе это уже было для всех новостью — человек не может так быстро оправиться! С другой стороны, можно ли считать эльфа человеком?..

— Приветствую вас, милостивые государи, начальствующие на сем корабле и да будет Небо благосклонно к вам! — сказал он и изобразил изящно-вежливый жест рукой.

— И мы вас приветствуем, маэстру эльф. Меня зовут Разор, и я исполняю обязанности боцмана, то есть

руководжу командой. Вот эти достойные люди — наш, скажем так, командный состав. Рулевой, шхиман, доктор, квартирмейстер, абордажники... — старый вояка по очереди всех представил. — У вас есть предложение к нам, и теперь мы готовы его выслушать, поскольку срочные дела закончились, и семь пиратских островов весело горят у нас за спиной!

На последнюю его фразу все присутствующие злорадно заулыбались. Хорошая морская прогулка получилась! Очень неплохо для случайных людей, собранных на гребной палубе волей случая и усилиями проклятых вербовщиков!

— Поверьте, милостивые государи, я в полной мере разделяю ваши чувства от осуществленного возмездия, проклятые дикари получили по заслугам! Жаль только я сам не сумел поучаствовать в этом достойном всякой похвалы и славословия деле! — эти слова эльфа, вызвали одобрительные взгляды мятежников. — И то, что вы весьма умело и храбро, и за столь короткое время разгромили крупные силы неприятеля, говорит мне о том, что именно вы и есть те, кого искал владыка Рианнор!

Видимо, наконец-то они приближались к сути вопроса. Эльф взял паузу, собрался с мыслями и продолжил:

— Мой сюзерен — владыка Рианнор. Вы назвали бы его принцем-консортом. Он имеет великую честь являться супругом нашей Владычицы. Они правят Доль Наяда в согласии и гармонии, распределив обязанности меж собой. Владыка водит в бой воинов и руководит сношениями с другими народами и странами. Он направил несколько своих доверенных, дабы найти отряды бойцов, готовых послужить на благо Доль Наяда за хорошее вознаграждение.

— А своих воинов, стало быть, у вас, эльфов, маловато? — сощурился Марк.

— Воины у нас есть, искусные и доблестные! — взор эльфа вспыхнул. — Десятки лет витязи наши совершенствуют своё мастерство, и не будь я в таком печальном положении, я бы доказал, что один витязь стоит двух дюжин презренных пиратов!

— Так зачем же тогда владыке Рианнору наёмники? — спросил Разор.

Эльф вздохнул:

— Причины тому имеются скорее мистического свойства... Тьялери не могут пойти и сделать то, что требуется, в силу обстоятельств непреодолимой силы... И потому нам нужны воины других народов. Подгорные кланы, и Дети степей — не очень хороший выбор. А вот Молодой народ — то есть вы, люди — вы подходите для этой работы.

Разор и остальные переглянулись, ожидая продолжения. И эльф не обманул их ожиданий.

— Нужно убить или прогнать чудовище из одного места... Важного для нас! Оплата будет весьма щедрой и великолепной!

Тут мятежники разулыбались, и Разор, подавив усмешку, проговорил:

— Что касается оплаты, эльф, то тебе сложно будет нас удивить... Трюмы этого корабля набиты золотом, оружием, ценными диковинками, деликатесами и винами, и у нас есть еще один кораблик, на котором сложено то, что не поместилось к нам!

Такая его реплика вызвала видимое одобрение. Приятно было осознавать, какие все они молодцы! Разор тем временем продолжил:

— Вот что я тебе скажу. Оплата нас особенно не интересует. Нам нужно другое... — Эльф наострил уши. — Убежище. Тихая гавань на месяц-другой, пока гёзы не перестанут нас искать...

Тут вмешался Рем:

— И какой-нибудь благовидный повод чтобы потом под вашим флагом на законных основаниях добраться домой. Купцов там сопровождать, или посла доставить...

Разор одобрительно кивнул, а эльф серьезно задумался. Было непонятно, обладает ли он правом вести такие переговоры. Увидев его сомнения, боцман подошел поближе и, хлопнув его по плечу, заявил:

— А на чудовище твоё мы посмотрим, и, ежели это будет в наших силах, поможем. Вон Дэн Беллами — на что редкостное чудовище, а на мачте его башку чайки доедают! Может и с вашей напастью сладить получится! Верно я говорю?

В тот момент все поддержали его. Конечно! Ведь они и понятия не имели, на что подписываются.

Эадор и с кровати-то еще не встал, как всё стало проясняться. Он при помощи мутного окошка в каюте и мудреных жестов объяснил Микке, на какие созвездия стоит ориентироваться, и северянин на удивление всё понял!

А ходить эльф начал на третий день. Проснулся с утра, нашел Рема, спящего на палубе под теплой звериной шкурой, разбудил и попросил спустить тали к воде. Ни больше, ни меньше.

— Можно ускорить наше продвижение, — в своей манере проговорил он. — Тут есть морские реки, кои несут воды к берегам Доль Наяда!

Течение, стало быть. Просьбу его, конечно, выполнили, и эльф легко спустился к волнам, опустил ладонь в море и крикнул:

— Руль вправо!

Так он и вывел корабли мятежных гребцов к «морской реке». Рем уже успел сориентироваться по карте, определил местонахождение, и побежал в каюту, чтобы нарисовать в нужном месте красненькую стрелочку: течение-то было теплое! А информация была критически важной для судоходства и торговли! Такие вещи Аркан старался не упускать.

Пока он делал пометки, сидя за столом, Эадор смотрел из-за его плеча на это гениальное творение позднеимперской топографической мысли. Рем нарадоваться не мог, что нашел в капитанской каюте галиота этот рундучок со всякой полезной всячиной! Атласы и карты, лоции, географические справочники и таблицы с мерами длины, веса, объема и прочего... Жалел он только о том, что рундучок этот не нашелся на пару недель раньше, тогда бы и проблемы с нужным курсом не возникло!

— Огромны владения людей! — покачал головой эльф, глядя на карту.

— «Земля наша велика и обильна...» — процитировал Рем по памяти один из прежних текстов. — «...А порядка в ней нет».

— Нет? — удивился Эадор. — Владыка Рианнор говорил, что Император в Кесарии железной рукой правит землями на Юге, Востоке, Севере и Западе, и все внимают воле его! Дети Степей и дикие племена не смеют пересекать Великую реку, Подгорные кланы ведут с Империей выгодную торговлю, а любой тьялери может пересечь Раваарду вдоль и поперек, и ни один волос не упадет с его головы...

— И что, это похоже на правду? — хмыкнул Аркан. — Вон как тебя гёзы изукрасили...

Эльф нахмурился, а потом лицо его разгладилось, и он схватил парня за руку:

— Рем, расскажи мне! Расскажи, что происходит в землях людей! Это есть часть миссии, возложенной на меня Владыкой! Клянусь, за себя и за Владыку, как его доверенный, что злого не умышляем мы и не принесем на вашу землю ни войны, ни злого чародейства, ни иной напасти!

Аркан был поражен его горячностью! Что это на него нашло? Тут явно был какой-то скрытый смысл, но в любом случае Рем не видел ничего плохого в том, чтобы поделиться с ним кое-какими своими мыслями по поводу ситуации в Империи в последние три десятка лет...

— Эадор, ты говорил, что плыть нам еще не меньше двух дней, так что думаю время у нас есть... Но! Есть одно условие!

Эльф напрягся. Может быть, подумал, что Аркан начнет требовать с него жутких клятв о неразглашении? Но дело было в другом.

— Я не менее любопытен, чем твой Владыка Рианнор. Мне хочется знать, куда мы плывем и с чем будем иметь дело... Так что ты тоже ответишь на мои вопросы! — Рем хлопнул Эадора по плечу.

— Tankave! — согласился эльф после недолгого раздумья.

А Рем тут же перешел в наступление:

— Я встречал это название — Раваарда. Так эльфы Туринн-Таура называли земли западнее Рубона Великого, до того, как туда пришли люди, в седой древности. Что оно значит?

Он указал эльфу рукой на кровать, сам встал из-за стола и, порывшись в сундуке, извлек на свет Божий бутылку вина, два серебряных кубка с изящной гравировкой, копченую грудинку и сыр. А что, они могли себе это позволить!

— Раваарда — глушь, пустошь, дикие земли, — проговорил Эадор. — Так называли их эльфы, и другие народы переняли это название.

Он всё больше отвыкал от велеречивой манеры общения, и избавлялся от акцента. Сделав маленький глоток из кубка, эльф прикрыл глаза, оценивая вкус. Судя по всему, он остался доволен, так как сделал еще один глоток и продолжил:

— Две тысячи лет назад эти земли населяли чудовища и демоны, реки были отравлены, а леса представляли собой буреломы и непроходимые чащи, заросшие терновником, сорной травой и ядовитым плющом. И только темные племена, чьи души были испорчены, могли жить в Раваарде.

— А гномы? — спросил Рем.

— Подгорные кланы, жадные до богатств земли, владели обширным королевством в глубинах северных гор... Мы зовем их Белыми... — эльф вопросительно глянул на парня.

— Да, мы тоже.

— Старейшины гномов запрещали своим соплеменникам покидать копи и пещеры, и выходить на поверхность в Раваарде, так что гномы не подверглись тлетворному влиянию древнего зла, которое царило в тех землях...

— Ну да, а потом, тысячу четыреста лет назад, пришли люди! — вклинился Аркан. — В общем-то этимология названия мне понятна. Просто мы настолько привыкли к своей Империи, что другие названия мигом вылетают из головы.

— Империя! — хмыкнул Эадор. — За тысячу лет дремучие дебри вы превратили в сады и пашни, через реки перекинули мосты, прорыли каналы... Темные племена фоморов были истреблены, или вытеснены на Восток за Великую реку, чудищ и демонов вы теперь показываете в зверинцах и убиваете на аренах на потеху толпе... Говорят, даже Дети Степей — свирепые орки — теперь собирают для вас хлопок на плантациях, выжимают оливковое масло и рубят мрамор в каменоломнях...

— Для нас? — иронично поднял бровь Рем. — Плохо ты подготовился к своей миссии, Эадор Нилэндэйл из Доли Няда. Нет такого понятия — мы... И, наверное, не было никогда.

У эльфа глаза округлились. Ну да, ну да... Рем общался в Смарагде с гномами и с другими народами тоже, и для них все люди — на одно лицо, а Империя — это нечто монолитное, единое и несокрушимое.

В голове мелькали мысли, что, рассказав подобную информацию, он дает в руки неведомого Владыки Рианнора определенные козыри, но на самом деле... На самом деле в этом ведь не было ничего секретного! Эти сведения лежали на поверхности, и, посидев часок в любом кабаке на берегу Последнего моря, или прочитав смарагдскую или тимьянскую газету, можно было выяснить то же самое! Так что...

— Люди — не один народ, — сказал Рем.

— Да-да... Северяне, южане и другие... Разные обычаи! — кивнул эльф. — Но все подчинялись Императору, говорили на одном языке и верили в одного Бога, верно?

Какой умный, однако, эльф!

— Эадор, а ты знаешь, откуда вообще появились люди?

— Только то, о чем известно всем, — пожал плечами эльф. — Четыре железных ковчега четырнадцать столетий назад появились у берегов Раваарды. Один разбило волнами Седого моря о черные утёсы Севера, второй причалил к Изумрудному острову, что в Зеленом море, третий сел на мель в заливе Устриц, а четвертый смог дойти до устья Великой реки.

— Да-да Первая Гавань в дельте Рубона Великого... — подтвердил Рем.

— Эльфы считают, что ваше Писание говорит правду, и ковчег — не из нашего мира... Иначе как объяснить их появление одновременно на севере, юге, западе и востоке? — Эадор отпил еще вина, явно выдерживая паузу.

Аркан отсалютовал ему кубком, сделал хороший глоток и спросил:

— Ты хочешь, чтобы я просветил тебя на эту тему? — дождавшись утвердительного кивка, он торжествующе улыбнулся: — Тогда тебе попался правильный человек! Не зря же я корпел в отцовской библиотеке, зубрил Писание и штудировал пыльные фолианты в Смарагдском университете! Наконец-то мне попался слушатель, которому я могу изложить свой взгляд на широко известные в узких кругах факты! Слушай же и внимай, о эльф!

Эадор поддержал его ироничный тон и, воздев очи горе, развел руками и проговорил:

— Готов вкусить от источника вашей мудрости, высокоученый милостивый государь!

Милостивый государь Рем Тиберий Аркан с удовольствием подумал, что эльф, похоже, неплохо освоился, раз зубоскалит на чужом языке. А потом отрезал себе по куску копченой грудинки и сыра, и, откусив от того и другого, заговорил:

— Так вот, о ковчеге! Они действительно не принадлежали этому миру. Они прибыли из странного места, где безраздельно господствовали люди... Из одного мира, да! Но в том мире были десятки, если не сотни стран, и каждый из железных кораблей шел под своим флагом. Тот, что разбился о черные скалы Севера, перевозил горожан и фермеров с одного берега залива на другой. Это были простые люди из мирных государств, и, наверное, поэтому из полутора тысяч человек, которые путешествовали на этом гигантском пароме, в первые дни погибло более пяти сотен. Почти всё имущество утонуло в морской пучине, и северяне остались один на один с суровой природой... Но их упорство и знания, принесенные из того мира, помогли им выжить и заселить склоны дымящихся гор Севера!

— Микке — северянин? — поинтересовался эльф.

— Да-да... У них есть самоназвание — саами. Они сохранили его еще с прежних времен, хотя и не все пассажиры парома принадлежали к этому племени. На Севере даже есть особый язык, которым уже почти не пользуются в быту, однако употребляют во время церемоний, в песнях и тому подобное... «Дорога Лебедей», одна из Четырех Книг, тоже была написана на их собственном языке, перевели ее гораздо позже, только через три сотни лет после Прибытия! Видишь ли, они очень цепляются за свою самобытность, и даже в составе Империи имели

некую культурную автономию.

— Да, ведь не северяне создали Империю! Она началась с Великой реки! Люди купили первые земли...

— Да никто ничего не покупал! — перебил эльфа Аркан. — Сейчас я по порядку до всего дойду...

— Да-да, о мудрейший, — снова сделал благодное лицо Эадор.

— Второй ковчег причалил к Изумрудному острову. О, на этом корабле были очень странные люди! В «Книге Теплых Ветров» написано, что юноши и девушки с этого корабля там, в своём мире, искали большие волны, чтобы скользить по их склонам на досках! Они искали острых ощущений таким образом, представляешь?

— Невероятно! — воскликнул эльф. — Рем, мне кажется, здесь есть какая-то неточность... Может быть, толкование неверное, или ошибки перевода?

— Мы, ортодоксы, не толкуем Писание! — посерьезнел Рем. — Мы принимаем его как оно есть, верим тому что там написано, верим святым, составившим Книги Четырёх ковчегов! И если нам что-то непонятно, или мы не можем осознать священных строк — значит мы несовершенны, неразвиты... Или мы потеряли слишком много знаний...

Эадор Нилэндэйл поднял ладони в обезоруженном жесте:

— Прости, я не хотел затронуть твою веру...

— Так вот... Люди высадились на Изумрудный остров, и дали ему имя, потому что были восхищены пышной зеленью, буйно расцветавшей здесь. Они дали начало южанам, эти юноши и девушки. Будучи бесшабашно смелыми, дружными и молодыми, они быстро освоились на острове. Первый раз столкнувшись с орками, которые использовали остров как перевалочный пункт в своем движении через Зеленое море, они победили, и сражались с дикарями целые десятилетия... И они, и их дети, и дети их детей... А потом потомки их были вынуждены переселиться на благодатные земли Юга, которые смогли отвоевать для себя, заручившись поддержкой Империи...

— А почему они переселились с Изумрудного острова?

— Как ты сказал, когда излагал предложение Владыки Рианнора? Обстоятельства непреодолимой силы, кажется?.. Вот они и стали причиной. Какое-то изощренное чародейство! Я думаю, подробности надо искать в архивах Претории, или в личных библиотеках старинных семейств Юга... Они умеют хранить тайны, эти южане, — Аркан даже встал, и теперь расхаживал туда-сюда по каюте.

— Так-так, Рем, о двух ковчеггах ты изложил весьма понятно... Что же было с остальными?

— Ну, самый большой железный корабль сел на мель в заливе Устриц. Это побережье Последнего моря, на юго-западе. О тех событиях можно узнать из «Семейного древа», но с некоторыми оговорками. Эта книга стоит немного в стороне от трех остальных, поскольку собирать ее пришлось по частям, так что... Точно известно, что это был роскошный корабль, на котором путешествовали люди, имеющие много денег, готовые их тратить ради собственного удовольствия! Случившаяся катастрофа повергла это общество в панику, и, столкнувшись с ужасами эм-м-м... Раваарды, эти люди растерялись. Их было три с половиной тысячи, представляешь? Только подумай, какой величины должен был быть этот ковчег! Большая часть из них была людьми праздными, привыкшими жить в неге и довольстве, и ничего они не могли поделать и гибли в первые дни от лап чудищ и были похищаемы фоморами... Ситуацию под контроль взяли решительные пассажиры, из самых богатых и облеченных властью. Они быстро расправились с паникерами, организовали вооруженную охрану, заставили неженков и лентяев трудиться под страхом смерти... Судя по крутости их методов, они не боялись крови, и прежде уже занимались чем-то подобным. Чего стоят, например, показательные казни?

— Какие показательные казни? — удивился Эадор

— Ну, если цитировать «Семейное древо», то... — Рем напряг память и выдал: — «Некто Этьен, человек мелкий и ничтожный, присвоил себе полпуда муки, фунт сахара и фонарь, пробравшись в хранилище. Мессир Делларокко, прознав про сие, собственноручно обе руки ему отсек, и голову затем также отсек, и в людном месте поместил, дабы воровство среди своих людей искоренить и должное уважение, и страх поселить в их душах». Такие дела!

Эльф покачал головой. Ему и вправду было интересно, он слушал, широко открыв глаза, и почти забыл про вино и еду. Польщенный вниманием, Рем продолжил:

— После высадки эти люди какое-то время жили в заливе Устриц и воевали с чудищами и дикими племенами, и победили всех, в основном благодаря свирепости и решительности тех самых, взявших власть. Чтобы избежать междоусобной борьбы, они «разделили корабельное имущество и людей, и ушли на семь сторон», как свидетельствует «Семейное древо». И каждый построил себе замок, и расселил людей в окрестностях... Так появилось рыцарство Запада! Безжалостные воины и благородные кавалеры, да уж...

По поводу рыцарей у Тиберия Аркана Старшего были свои мысли, и Рем в целом разделял мнение своего отца, но эльфу это знать было необязательно.

— Вот эти храбрые и жестокие люди, они стали рыцарями и владельцами замков, это я понял, — Эадор долил обоим вина в кубки. — А остальные?

— А остальные попали от них в зависимость. За пару десятков лет превратились в простых поселян, бесправных и вынужденных работать от зари до зари, чтобы обеспечить своего господина. Потому что только рыцари и их дружины могли защитить людей Запада от кошмарных тварей, населявших земли будущей империи.

— Итак, на Юге — смелые и слегка сумасшедшие потомки искателей приключений, на Севере — упорные труженники саами. Запад — контрастная страна воинственных рыцарей и покорных поселян... Что же с Империей? — поторопил Рема эльф.

— А Империя, как ты знаешь, берет начало в Первой Гавани, которую основали выходцы с четвертого ковчега. Знаешь, что это был за корабль? Это был плавучий военный госпиталь на полтысячи мест! Раненые воины возвращались из далекой страны на родину, когда волей Господа их перебросило в это мир. По обычаям их земли лекарским делом зачастую занимались женщины, и не только в качестве санитарок и сиделок... Главным военным хирургом там была женщина! — добавив драматизма в голос, заявил Аркан.

Эльф удивлен не был. «Действительно! — подумал Рем. — У них тоже всем заправляет Владычица, а Владыка при ней так, погулять вышел...»

— И эта женщина повела себя очень разумно! Она велела не высаживаться на берег, пока большая часть раненых не встанет на ноги. По ее приказу корабль долго шел вдоль побережья Зеленого моря, пока не достиг устья Рубона Великого, по-вашему — Великой реки. Острова дельты были населены темными племенами — фоморами, которые сразу же атаковали ковчег, но были поражены необыкновенно мощным оружием людей, которое имелось в достатке, поскольку это был военный корабль! Воины людей вступили в бой и уничтожили врагов на расстоянии! А потом, один за другим, они очистили все острова, сделав их пригодными для жизни. Обилие рыбы, плодородные почвы и пресная вода из Рубона Великого — вот почему воины людей решили основать здесь город! Ну, и, конечно, острова было удобно оборонять, пользуясь оружием, поражающим на расстоянии гораздо более далеко, чем любая из известных сейчас метательных машин!

— У них тоже была своя книга? Книги ведь четыре? — спросил эльф.

— Книг пять! И две из них составлены в Первой Гавани. «Устав надлежащий» и «Слово Сына Человеческого». Для любого ортодокса они являются самыми важными, священными. Они были написаны первыми! Их отличие от остальных заключается в том, что... Понимаешь ли, Эадор... Три книги, о которых мы говорили — это сборники историй из жизни людей первых лет после Прибытия, и своего рода справочники, в которых заключены обрывки знаний из прежних времен. Да, «Устав» также содержит в себе такие истории и знания. А также — конкретные требования к людям, обязательные рекомендации, которые нужно выполнять! Многие из них непонятны, многие кажутся бессмысленными, но всякий раз отступая от них люди жестоко страдают!

— Ты поэтому заставляешь команду греть над огнем воду для питья, и хранить ее в отдельных бочках? — сощурился внимательный Эадор.

— Да, черт побери, именно поэтому! Ты только послушай! Битва между войсками имперского коннетабля мессира Жан-Жака дю Фежи и восставшими ортодоксами состоялась у деревеньки Дрозды, что на Юго-Востоке, в 997 году после Прибытия. Ортодоксы засели в деревне и готовились подороже продать свои жизни. Войска коннетабля преодолели двадцать верст по жаркой пыльной дороге и страдали от жажды, поэтому дю Фежи позволил воинам напиться прямо из ближайшего озера. После этого они пошли на приступ, который, однако, был отбит ортодоксами. Обложив деревню, дю Фежи велел отдыхать до утра. Ночью его воинов застал врасплох кровавый понос, и они все обдристались до полной потери боеспособности! А утром из деревни вышли ортодоксы и атаковали, и победили несмотря на то, что их было меньше почти в три раза и за весь день и всю ночь они не выпили ни капли воды! Колодец-то в деревне быстро иссяк...

— И что, ты постоянно греешь воду над огнем, прежде чем напиться? — удивился Эадор. — А как же ты пил, будучи прикованным к скамье гребцом?

— Обстоятельства непреодолимой силы, — отмахнулся Рем. — Если бы я не пил — то умер бы от жажды. А те воины — не умерли бы, подождав пока вода вскипит и остынет!

— Это ведь не единственная рекомендация?..

— Конечно, нет! Например...

Какой пример хотел привести Аркан, эльфу узнать не удалось, потому что из трюма раздался зычный окрик Сухаря:

— СМЕНА!!!

Рем вздохнул, снял кафтан и засучил рукава.

— Пойдем, эльф.

— Я? — удивился почтенный Эадор Нилэндэйл из Доль Найяда.

— На этом корабле гребут все, даже аристократы и дегенераты... Не минует и тебя чаша сия!

Резко погрустневший эльф поплелся за квартирмейстером в трюм.

— Будьте осторожны, милостивые господа! — сказал эльф. — Мы входим в полосу тумана! Всякое может случиться, пока мы в тумане...

Вахтенный на корме зажег яркий фонарь на ворвани, с галиота замахали в ответ факелом — они шли в кильватере. Люди были напряжены, весла вздымались и опускались медленно, в такт разрывающему тишину барабанному бою.

— Там-м! — доносился из трюма барабан Сухаря, и эхо вторило ему.

Эхо?

— Скалы близко! — предостерегающе прокричал впередсмотрящий в «вороньем гнезде» на мачте.

Туман обволакивал корабль густым грязно-белым маревом. Дохнуло затхлостью и еще чем-то, тревожным и нервирующим...

— Спокойно, спокойно, милостивые государи! Я проведу вас сквозь рифы, только следуйте моим указаниям... — проговорил эльф.

Микке и не собирался с ним спорить, он стоял, широко расставив мощные ноги, и сжимал в руках штурвал. На лице его застыло напряженное выражение. Ветер свежел, бросая в лицо соленые брызги целыми пригоршнями.

Рем, стоявший рядом с эльфом на носу, который Жерар как заправский морской волк называл «бак», пытался разглядеть что-нибудь в тумане, который вот-вот должен был исчезнуть, сметенный прочь порывами ветра.

— Это что еще... Слышите? — Жерар облокотился на фальшборт и приставил к уху ладонь. — Никак, баба поёт?

— Какая, к чёрту... — начал Разор, но потом замер, вслушиваясь в шум ветра.

Через несколько мгновений Рем тоже начал различать мелодию, которую выводили женские голоса.

— Откуда тут бабы? — Жерар почесал макушку. — Ктой-то их на скалах оставил? Нехорошо!

На палубу высыпали свободные от вахты члены команды. Все они слышали пение, переговаривались между собой, и в их разговорах доминировала одна тема: им очень хотелось узнать, кто это там поёт!

Их можно было понять: две сотни мужиков, которые черт знает сколько времени занимались только выживанием, тяжким физическим трудом и убийствами, при полном отсутствии тепла, заботы и ласки. И, конечно, каждый из них мечтал о женщине!

— Погодите суетиться! Может, осмотримся для начала? — попытался воззвать к их разуму Рем. — Откуда тут, в тумане, на рифах по пути в страну эльфов — женщины? Головами своими подумайте!

Глас рассудка был похоронен новым мощным аккордом женской акапеллы, раздавшейся из тумана. И каждый слышал в этом пении что-то своё... Микке чудились хуторские поля Севера, голубые цветочки льна и светловолосые девушки в бело-красных платьях. Марк, суровый абордажник, прищурившись, вспоминал загорелых южанок в апельсиновых садах вокруг Претории, а Жерар — задорных девчат из кабаре «У лисицы» в портовом районе Кесарии.

Эадор заикнулся о том, что нельзя сворачивать, потому что фарватер неизвестен и оттого опасен, но эльфа в грубой форме попросили заткнуться.

— Они ведь взбунтуются, если мы попытаемся заставить их вернуться на нужный курс? — Разор подошел к Рему совершенно неслышно.

Старый вояка оставался в трезвом уме, как и Рем. Конечно, ничто человеческое ни тому, ни другому было не чуждо, но это ведь было бредом — какое-то пение посреди моря!

Микке уже вращал штурвал, направляя корабль в сторону источника пения, а весла едва-едва не шкребли по скалам, выступающим из воды.

Эльф беспомощно смотрел то на боцмана, то на квартирмейстера.

— Что они делают? Зачем? Я же предупреждал...

— Предупреждал он! — хмыкнул Рем. — Ты посмотри на их глаза! Я такого даже во время таранных ударов не видел: стекляшки, а не глаза...

— И ты предполагаешь?... — повернулся к нему Разор.

— Я предполагаю, что пора надевать кирасу, вот что. Мы их не остановим, но, по крайней мере, я собираюсь быть наготове.

Разор и так был в полном боевом облачении, так что согласно кивнул и проверил, легко ли ходит клинок в ножнах.

И Рем отправился надевать кирасу. Эльф пошел за ним.

В правом виске Аркана ломило точно так же, как во время встречи с усатым колдуном — любителем кальяна на острове Кон Ките, и он поморщился от боли, но решил не обращать внимания.

— Не сочти за наглость, Рем, но нет ли у тебя какого-нибудь оружия для меня? — спросил вежливый Эадор.

— А ты тоже думаешь, что оно нам понадобится? — Аркан застегивал кирасу поверх камзола.

— Я думаю, Рем, что в зоне тумана случается всякое... Порой пропадают даже наши корабли, а мы изучили эти воды...

— Так кто там поёт? Нечистая сила? — иронично поднял бровь Рем.

А эльф воспринял его слова очень серьезно. Он нахмурился, провел ладонью по лицу и кивнул:

— Да, верно молвишь, друг мой... Сила самая нечистая, которую можно себе представить... И, похоже, она завладела душами людей...

— Не всех людей, верно? — Рем застегнул португую с палашом. — По крайней мере, меня и Разора эта зараза не взяла. Только голова чего-то разболелась...

Он приложил пальцы к виску, боль пульсировала, как будто по черепу били маленьким молоточком в такт таинственному пению!

— Пойдем, мой дорогой господин Нилэндэйл, я дам тебе оружие, — процедил он сквозь зубы.

Рем в сопровождении Эадора спустился по лестнице в трюм, к оружейной. Он прошел мимо сложенных аккуратно ящиков с припасами, бочек с водой и вином, и вдруг споткнулся о корзину, в которой жалобно звякнули стеклянные бутылки:

— Какой кретин поставил здесь это дерьмо?! — квартирмейстера обуяла праведная ярость.

Он столько времени расставлял всё по своим местам, сортировал трофеи и составлял списки, что эта корзина со стекляшками просто привела его в неистовство!

— Что это вообще такое?! — он наклонился, чтобы рассмотреть этикетки. — Подсвети-ка, Эадор!

Эльф поднял фонарь повыше и Рем прочитал надпись: «ВОРВАНЬ». Горючая дрянь из жира морских зверей, какой заправляют в фонари или используют для выделки кож. Квартирмейстер, поднатужившись, поднял тяжеленную корзину и взгромоздил на один из бочонков.

— Вот так! Пойдем...

В оружейной Эадор выбирал себе оружие, сокрушенно качая головой. Он, наконец, остановил свой выбор на странного вида составном луке, плечи которого представляли собой рога какого-то животного. Саадак из сыромятной кожи включал в себя и колчан с тремя десятками стрел, беглый осмотр которых заставил эльфа удовлетворенно кивнуть.

— Я возьму еще этот клинок? — спросил он, указывая на изящную мизерикордию с богатой инкрустацией.

— Да пожалуйста! Потом вернешь, когда Доля Наяды достигнем... Если достигнем...

А сверху уже слышались удивленные и радостные возгласы команды. Рем с палашом в руках выскочил на палубу и огляделся.

Вдоль правого борта столпилась большая часть команды, они размахивали руками, улыбались и приветствовали кого-то. Спиной к мачте стоял Разор с побелевшим лицом, Микке ни на шаг не отошел от штурвала, хотя на лице его и застыла глупая улыбка, а голова была повернута в сторону правого борта, и взгляд был совершенно бессмысленный.

— Эй, красавица! Сейчас мы вас заберем! — радовался Жерар.

— Девоньки, милые! — восклицал Оливьер.

— Давайте спустим тали, пусть они поднимутся на борт! — сообразил кто-то и три или четыре пары рук принялись разматывать снасти.

— Девоньки? — округлил глаза Рем и беспомощно взглянул на Разора.

Боцман пальцем показывал куда-то в сторону кормы, или как выразился бы Жерар, юта.

— А-х-х-х-х, — просипел он, пытаясь сказать что-то.

Молодой Аркан сделал несколько шагов в сторону кормовой надстройки и увидел... Волосы у него на голове встали дыбом, на лбу выступила испарина, и в коленях мерзко потяжелело.

Больше всего это напоминало щупальца. Если бывают щупальца толщиной с человеческое бедро, с наконечниками в виде роговых наростов навроде когтей. Щупалец было три, и они потихоньку заползли на корму, извиваясь и подергиваясь в такт женскому пению, источник которого, казалось, находился тут же, за бортом!

— Тинь! — пропела над ухом Рема тетива, и стрела с желтым оперением пригвоздила одно из щупалец к палубе.

Пение вдруг сорвалось на визг, и из-за правого борта выплеснулся целый пучок щупалец, устремившихся к людям! Умильные реплики и улыбки тут же сменились испуганной матерщиной и дикими гримасами. Вопли ужаса, грохот и паника воцарились на палубе! Рем и Разор кинулись рубить щупальца клинками, эльф выпускал одну стрелу за другой, пытаясь защитить мечущихся по кораблю людей.

Аркан наотмаш рубанул отвратительную конечность неведомого монстра, и его с головы до ног окатило мерзкой жижой, хлынувшей из раны.

— У-у-у, сволочь! — его переполняли страх, брезгливость и ярость одновременно.

Рем кинулся на корму, на ходу проткнув несколько раз обездвиженное стрелой эльфа щупальце, и добрался до фонаря. *«И как тает воск от лица огня... От лица огня...»* Он не мог вспомнить дальше, но точно знал, что щупальца должны откуда-то расти. Сдернув фонарь с крепления, он поднял его и вспомнил:

— *Как тает воск от лица огня, так да погибнет нечисть пред лицом любящих Бога и идущих под Его знаменем!* — Аркан швырнул фонарь за борт, туда, где виднелось бугристое нечто, выбрасывающее новые и новые пучки щупальцев, шарящих по палубе в поисках жертв.

Оглушающий вопль боли раздался из морских глубин, когда запылала ворвань, разлившаяся по поверхности воды. Завоняло подгорелой рыбой.

— Эадор! Тащи бутылки! — завопил Рем и сам кинулся к двери в трюм.

Вдруг что-то цепко схватило его за ногу и дернуло, шваркнув лицом о доски палубы, и потащило... Аркан пытался ухватиться за какие-то ящики, веревки, фальшборт... Он висел над морем, выронив палаш и держась обеими руками, чувствуя, как немеют пальцы и как хрустят суставы от чудовищного усилия существа, тянущего его вниз, вниз, вниз...

— Э-э, курва мать! Куда-а-а?! — Разор появился внезапно, он одной рукой схватил Рема за шиворот, а другой рубил, рубил хекая, перегнувшись через борт, пока хватка на ноге парня не ослабла.

Железной рукой старый вояка втащил Аркана на палубу.

— Проститутка морская! — сказал Разор. — Это ж надо!

А потом спросил:

— Какие бутылки?

— Ворвань! — выдохнул Рем. — В трюме!

Сквозь хаос, царящий на палубе, они добрались до трюма, и наткнулись на эльфа, который тащил по лестнице корзину с бутылками.

— Факел! — вскричал Разор, и бросился к штурвалу, рядом с которым стоял окованный железом ящик с факелами.

Рем высек огонь, и они схватили каждый по бутылки, зубами вытянули пробки и побежали к правому борту. Как раз в этот момент один из людей Оливьера был схвачен двумя щупальцами сразу, они запульсировали, сократились, раздался вопль, и во все стороны брызнула кровь и полетели внутренности.

Щупальца внезапно скрылись вместе с ошметками человеческого тела. Рем подбежал к борту, размахнулся и замер: из морских волн вдруг появилась монструозных размеров пасть, подобная диковинному цветку с четырьмя лепестками, усеянными мелкими острыми зубами. В эту пасть щупальца и поместили свою кровавую добычу.

— *И как исчезает дым, да исчезнут...* — прошептал Рем, клацая зубами от страха, и швырнул в пасть сначала бутылку, а затем и факел.

Следом за ним то же самое проделал и Разор. Рем промахнулся, и ворвань тонкой пленкой покрыла воду, которая тут же вспыхнула от факела. А Разор был более метким — тяжелый стеклянный сосуд, описав красивую дугу и разбрызгивая во все стороны содержимое, попал прямо в зубы чудовищу, и пасть запылала изнутри.

В это мгновение всё изменилось: Микке отпустил штурвал, схватил секиру и принялся рубить щупальца направо и налево, Сухарь в трюме ударил «Табань!», команда наконец пришла в себя и организованно, спина к спине принялась очищать палубу от дергающихся отростков.

— Курва, — сказал Разор, и снова ругнулся: — Проститутка морская. Подумать только!

И сел на палубу. Рем уселся рядом с ним, потом тут же пристроился эльф, так и не выпустивший из рук корзину с бутылками.

Погибло и пропало без вести тринадцать человек, различные травмы получило больше двух десятков. Снасти и надстройки, и верхняя палуба требовали вдумчивого ремонта.

На галиоте никто не пострадал, поскольку одурманенные чудовищем они просто остановились и смотрели, как монстр расправляется с их товарищами. Потом Рему сказали, что прекрасные девушки, танцующие на скалах, превратились в щупальца в тот самый момент, когда он швырнул в воду фонарь. А он, ругаясь и поминая Бога, поведал, что они все чертовы придурки, у которых ударила в голову семенная жидкость, потому как нужно быть совершеннейшими кретинами, чтобы поверить своим глазам в такой ситуации! Скалы посреди моря, туман и танцующие на камнях прекрасные девушки, манящие мореходов! Тьфу, какая пошлая банальность!

Своей гневной тирадой Аркан пытался заглушить мерзкое ощущение пережитого ужаса, хотя и боялся сам себе в этом признаться. Ведь едва в штаны не наделал, когда его утащило за борт! И второй раз, когда увидел чертову пасть! Рем Тиберий Аркан, потомок бунтарей, полководцев, охотников на ведьм и истребителей чудовищ! Вся одежда его испачкалась и провоняла слизью и потом, а кираса покрылась мутными разводами... Палаш и вовсе потерял! И теперь сидел в одних подштанниках у дверей своей каморки и смотрел, как Микке под руководством эльфа выводит корабль из тумана на свет Божий.

— Скоро мы увидим берег! — воскликнул Эадор Нилэндэйл и зажмурился от ярких лучей солнца, внезапно разорвавших мглу.

А северянин ничего не ответил. Ему было стыдно.

Рем увидел Разора, который распекал людей на юте, и подумал, что порой порядка, дисциплины и сосредоточения всех сил человеческих недостаточно для победы. Порой нужно нечто большее...

— Рем, а откуда ты догадался, что нужно поджечь чудовище, чтоб всё закончилось? — окликнул его Жерар.

— Я вспомнил нашего капеллана, вот откуда, — ответил Аркан.

— А что, ортодоксальные попы учат вас, ортодоксов, как правильно жечь чудовищ? — то ли удивился, то ли подначил Жерар.

— Общим принципам, дорогой шхиман. Только общим принципам...

— Как — весна? Что, серьезно? — Рем смотрел на эльфа, выпучив глаза.

Он поверить не мог, что проторчал в долбаном трюме столько месяцев!

— Я серьезен как никогда. Уже весна, и самый ее разгар. То есть — Эостра! Праздник весеннего равноденствия у тьялери. Мы прибудем в Доль Наяда после окончания торжественной церемонии, и до начала неофициальной части празднования.

Насколько Рем понял, соплеменники Эадора праздновали Новый год в день весеннего равноденствия. И делали это с размахом! Эльф, закатывая глаза, говорил о ночных кострах, танцах, музыке, угощениях и дружелюбной атмосфере, царящей на празднике.

— Значит, праздник в разгаре, и тут заявляется пара сотен диких вонючих мужиков, и всем его портит? Может, сделаем стоянку на пару дней? А ты пока предупредишь своих Владык и всё такое...

— Ну, милостивый государь Рем, во-первых, мужики совсем не вонючие. Твоими усилиями!

Аркан почесал шею и довольнo улыбнулся. Действительно, за гигиеной он следил строго! Даже устроил баню на галиоте, которой пользовалась и команда красного корабля тоже. И чистое белье каждые три дня, и стирка, и уборка, и стрижка, и бритье... Ребята ворчали, но слушались, признавая авторитет молодого квартирмейстера и пользу от его нововведений. А эльф продолжил излагать аргументы:

— Во-вторых, испортить таким достойным милостивым господам как вы ничего не получится, там будет Владычица, а она как никто другой умеет поладить... Она умеет поладить с кем угодно и с чем угодно, кроме... Мда... — Эадор погрузился, сбился, но потом снова улыбнулся и закончил: — И, в-третьих, про нас уже знают!

— Откуда это?

— Оттуда, любезный друг, — эльф указал на растущие вдоль берега густые заросли цветущих кустарников. — Дозорные видели и корабли, и меня, так что нас будут встречать, не сомневайся!

Корабли вошли в устье широкой и полноводной реки рано утром, а теперь солнце приближалось к горизонту, и гребцы тяжело вздымали вёсла под бой барабана, справляясь с течением. Крутой левый берег был покрыт радующей глаз сочной весенней зеленью — кустарниками и деревьями неизвестных Рему пород. Правый — пологий, представлял собой раскинувшиеся до далеких холмов луга, на которых паслись стада каких-то рогатых животных, поднимающих головы при звуках приближающихся кораблей.

Разор, покрикивая, прошелся по палубе. Он настоял, чтобы все привели себя в порядок и навели блеск на обоих кораблях. Хотелось предстать перед будущими нанимателями и покровителями в лучшем свете! Бывшие гребцы и мятежники постарались на славу: почти все коротко постриглись и побрились, вычистили доспехи и обувь, подшили и постирали одежду. Разор лично проверял, как подогнано снаряжение, и бормотал под нос что-то грубое, но одобрителное на солдатском жаргоне. Он подошел к Рему, и, прищурившись, осмотрел парня с ног до головы.

Блестящие глянец ботфорты, надраенная кираса, расчесанные волосы и в целом опрятный вид, похоже, произвели благоприятное впечатление. Он глянул на Рема сверху вниз несмотря на то, что был ниже парня на полголовы, похлопал его по плечу и проговорил:

— Отец бы тобой гордился, — и отправился дальше, вбивая подошвы саботонов в доски палубы.

Рем смотрел вслед старому вояке со смешанным чувством: с одной стороны ему была лестна похвала Разора, а с другой... Да, этот суровый воин для Аркана стал непререкаемым авторитетом и, в некотором смысле, образцом для подражания. Но откуда он мог судить о родственниках Рема, и тем более о Тиберии Аркане Старшем — его отце? Хотя, если Разор узнал о происхождении своего квартирмейстера и не сбросил его тут же за борт мощным пинком обутой в саботон ноги, значит, переживать было преждевременно...

Слитный восхищенный вздох заставил Рема обернуться. И он также не смог сдержать эмоций: перед ними предстала Доль Наяда!

Пристань и набережная пестрели флагами, мерцали неяркими огоньками. Два причала выдавались далеко в реку, хорошо освещенные и аккуратные, сложенные из белых каменных блоков. Рядом на речных волнах покачивались грациозные небольшие суденышки. Исполинские эвкалипты и секвойи, спускались к самой воде, укрывая в своей тени выложенные камнем дорожки и уютные беседки. Изящные особняки с черепичными крышами и причудливыми барельефами на фасадах тонули в изумрудной зелени садов, над кронами деревьев виднелись стройные, устремленные в небо башни дворца, сверкающего позолотой крыш и поражающего воображение гигантскими скульптурами героев и диковинных существ, ажурными арками и колоннадами...

Одно из суденышек плеснуло по воде веслами и двинулось навстречу кораблям. Эадор Нилэндэйл, широко улыбувшись, махал рукой соотечественникам.

— Айе, Эадор! — закричали они.

Зазвенел разговор по-эльфийски, и Рем вслушивался в его звучание и смотрел на высоких ясноглазых и длинноволосых витязей в инкрустированной серебром броне, на их гордую осанку, открытые жесты... Эти эльфы

нравились ему гораздо больше надменных ханжей из Туринн-Таура с их помпезными одежаниями и причудливыми прическами. Рем видел таких во время учебы в Смарагде.

— Ну что ж, милостивые господа командиры! — обратился Эадор к людям. — Это — мои друзья, офицеры Галрас и Финве, они будут вашими проводниками. Для вас уже выделены помещения и...

— Позвольте... — шагнул вперед Разор. — Маэстру Галрас и маэстру Финве, очень приятно... Мое имя Разор, и я могу говорить от лица команды.

Эльфы уважительно наклонили головы после того, как Эадор перевел эти слова.

— Нам хотелось бы получить место для лагеря, чтобы мы устроились согласно воинским обычаям нашей страны. Квадрат триста на триста шагов, на возвышении, ровная поверхность, вблизи от источника пресной воды.

Эадор перевел, и начал совещаться со своими соплеменниками. Потом спросил:

— Не удобнее ли будет расположиться в комфортных помещениях?

— Комфорт развращает воина. Дисциплина, порядок и ежедневные тренировки помогут нам отвыкнуть от корабельной жизни и крепко встать ногами на землю. Кроме того, размещение посреди незнакомого города двух сотен вооруженных чужаков может спровоцировать ненужные недоразумения, инциденты...

Такой подход удивил эльфов. Они согласились с аргументами Разора, и один из них, кажется, Финве, отправился искать подходящее место и договариваться с начальством. А Галрас руководил швартовкой и высадкой.

Рем был в самой гуще событий. С огромным списком в руках он метался по причалу, пока остальные вытаскивали из необъятной утробы красного корабля всё необходимое, и благодарил Всевышнего за свою предусмотрительность и за такого бывалого соратника, как Разор.

Они заранее продумали вариант с возможной высадкой на берег, и потому нагружали корабль не только деньгами, оружием и драгоценностями. Тут было всё необходимое походное снаряжение: утепленные военные палатки, спальные мешки, удобные ранцы, какие делают южане — любители попутешествовать, и многое другое.

Можно было не стоять с протянутой рукой, ожидая милости хозяев, а устроить лагерь по собственному разумению. Так, как принято у людей. Точнее, как было принято у легионеров. Поклажа была распределена заранее — по три пуда веса на каждого. Тут как с греблей: таскают все! Даже аристократы и дегенераты, как говаривал Разор.

С галиота, подошедшего к пристани на полчаса позже, также выгружали снаряжение и высаживали людей. За кораблями было решено оставить присматривать Жерара и его моряков — полторы дюжины человек должны были справиться с охраной и поддержанием судов в надлежащем состоянии.

Вернулся взмыленный Финве:

— Есть подходящее место... — он выглядел смущенно, когда Эадор переводил его слова. — Правда, там раньше было пепелище, но сейчас выросла свежая трава, да и...

— Ведите нас на пепелище и не смущайтесь, господин офицер! — скомандовал Разор. — Если это пепелище подходит для нас — мы вам скажем. А если нет — будем считать это занятием по слаживанию команды на марше с полной выкладкой. Команда-а-а!!! Бего-о-ом — марш!

И загрохотал сабатонами по мощеной камнем набережной. Ворча и бурча, бывшие мятежники, гребцы и рабы, а нынче без пяти минут наемники, тяжелой трусцой двинулись за ним, издавая хрупанье, лязганье и прочие звуки, характерные для воинского подразделения на ускоренном марше. Эльфам — Финве и Галрасу, ничего не оставалось, как пристроиться рядом с Разором, и указывать дорогу.

Сначала все бежали, угрюмо пялясь под ноги, а потом бывший купец Оливьер хмыкнул в бороду и проорал:

— Хоп! Давай-давай! Нашу песню запевай!

Все заулыбались и подхватили:

— Хоп!

— Давай-давай!

— Сразу тяжести таскай! — выкрикнул кто-то.

И дальше пошли варианты про «эльфов песней напугай», «ноги в трех местах сломай», «боцман старый негодяй» и прочие пришедшие в голову на бегу шедевры словотворчества.

Рем топтал ногами землю в такт песенке и присматривался. Въедливый аркановский разум тут же отмечал корни, пробившие тротуарную плитку, потрескавшиеся, заросшие плющом стены, провалы окон с разбитыми стеклами и деревья, тут и там проросшие сквозь крыши заброшенных зданий. Неладно что-то в эльфьем королевстве!

Обаяние и уют мощеных улочек и изящных особняков, торжественность фонтанов и блеск позолоченных барельефов скрывали под собой общее настроение увядания, меланхолии и ожидания близкой беды, царившие в Доль, Наяда.

А может быть, это только показалось Рему, привыкшему смотреть на мир несколько пессимистично? Он и сейчас хмурился, все больше смотрел под ноги и на душе у него явно скребли кошки.

— Слушай, Рем... А чего-о эт-то ту-ут почти никого не-ет? — спросил Микке, бежавший плечом к плечу с Арканом.

Действительно, на пути им попалась дай Бог чтоб парочка пешеходов, спешащих куда-то по своим эльфийским делам. Город как будто вымер!

— Ну так праздник у них! — ответил Рем. — Где-то празднуют! Да и не думаю я чтобы пепелище, где нас обещали разместить, прямо в самом оживленном месте находилось... Ведут нас небось трущобами...

— А у эльфов быва-ают трущ-обы? — наверное, северянин разнервничался, раз снова растягивал слова.

Он ведь почти избавился от акцента за время плавания.

— Ну, вот вокруг тебя они и есть... — буркнул Аркан.

— Даже трущобы у ни-их красивые! — проговорил Микке.

Место для лагеря и вправду находилось несколько на отшибе. Это был тот самый холм с плоской вершиной, о котором мечтал Разор. У подножия его звенел ручеек, а к вершине была проложена дорожка, выложенная камнем. Наверное, раньше там располагалось какое-то важное строение, которое и сторело, оставив пустующим такое удобное место.

Закипела работа. Разор как умелый дирижер руководил всем действием, указывая и показывая, наставляя и помогая. Если Рем поднаторел в походной жизни, то для многих бывших гребцов это было в новинку: ставить палатки и разбивать лагерь. Работа спорилась, заминка вышла только с ограждением: предупрежденные заранее, люди не стали рубить деревья в ближайшем лесу, а дождались, пока эльфы на возах не доставят им стройматериалы.

— Мы используем только умершие деревья, — пояснил Эадор. — А для костров можно собирать валежник, хворост...

Они устроили настоящий лагерь, со своей Виа Претория от ворот к Форум Игнис, с ровными рядами палаток кухней под навесом, невысоким частоколом и караулкой в неизменную черно-белую полоску. Несмотря на неслаженность и новизну такой работы для большинства участвующих, они справились примерно за три часа, когда солнце уже было готово спрятаться. Его лучи окрашивали белые полотняные палатки в розовый и оранжевый цвета, плясали в кронах деревьев и отражались от ручейка солнечными зайчиками.

— Мы забыли сделать парашу, — сказал Сухарь. — Парашу нужно ставить ниже по течению, иначе передрищемся!

Разор хлопнул себя по лбу и отрядил людей заняться постройкой сортиров. С этим было покончено за полчаса, и уставшие работники собрались на Форум Игнис, построившись в три шеренги.

— Ну что ж, друзья мои, — проговорил Разор зычным голосом. — Мы славно поработали и теперь вот эти маэстру зовут нас на праздник! Четверть часа у вас есть, чтобы привести себя в порядок, а после этого встречаемся здесь, у костра. Оружия с собой не брать, вести себя прилично, в неприятности не ввязываться! Иначе...

Эльфов действительно прибыла целая делегация. Они настаивали на том, что сейчас Эостра, и гостям будут рады в лесу у костров, и что угощения хватит на всех! Они были любезны и доброжелательны, и очень убедительны. Разор долго сомневался, но потом махнул рукой — в конце концов, после всего пережитого людям нужно было отдохнуть! Пусть даже порядок и дисциплина пострадают сегодня.

Пока две сотни мужчин умывались и прихорашивались, Рем нашел Разора в его палатке:

— Я, пожалуй, останусь в лагере, — проговорил Аркан.

Разор удивленно поднял на него глаза:

— Вот только что думал, кого назначить в качестве дежурного... Но ты?.. А как же музыка, угощение?

— Да никак, — ответил Рем. — Можно я просто побуду здесь? Кому-то же нужно остаться? За костром надо следить, в конце концов...

Разор внимательно посмотрел на парня. Черты лица Аркана заострились, под глазами пролегли круги, брови хмурились, челюсти были крепко сжаты.

— Это что это с тобой? Всё время был таким молодцом...

— Я просто останусь здесь, хорошо? — парень смотрел в пол.

— Ладно, ладно... Я там прослежу за ребятами, чтобы они не набедокурили и не испортили нам вечер. А ты — как знаешь.

Когда Рем уже поднял полог палатки, чтобы уйти, Разор сказал ему вдогонку:

— Я пришлю тебе сменщика после полуночи!

— Не стоит, правда. Спасибо.

Шумной толпой во главе с командирами бывшие гребцы, а нынче — наемники, покидали лагерь. Рем устроился у ворот, рядом с караульной будкой, где было выложено камнями специальное место для костра. Сидя на деревянном чурбаке, он провожал взглядом своих товарищей. Аркан отсалютовал Микке, рядом с которым шествовал нарядный маэстру Цудечкис, развел руками, реагируя на вопросительный возглас Сухаря, и отмахнулся

от многообещающих жестов и гримас Оливьера.

— Не-не-не... — бормотал он себе под нос. — Я так больше не могу.

Наконец спины последних его соратников скрылись в вечернем сумраке, и Рем, блаженно вытянув ноги, оперся спиной о черно-белую стену караулки и, вдохнув свежий ночной воздух, поднял взгляд на небо.

Звезды мерцали и переливались, сплетаясь в незнакомые узоры созвездий. Месяц показался из-за туч, и ручеек у подножия холма засеребрился в неровном свете. Рем чувствовал, как постепенно разжимаются невидимые стальные клещи, давившие на его виски всё это время, как легче дышится и перестает пульсировать кровь в голове. Все же несколько месяцев без малейшей надежды на уединение — это слишком!

А еще эта чертова аркановская способность принимать тяготы и лишения, как нечто само собой разумеющееся... Она здорово помогала выкручиваться из самых жутких и нелепых передряг! Отец учил с самого детства принимать любую ситуацию как данность и делать в имеющихся условиях максимум возможного. «Ты просто берешь — и делаешь!» — говорил он. И младшие Арканы делали. «Из говна и палок» — усмехался Децим. Если нечего есть — пойди, поймай рыбу. Нет удочки? Поймай руками. Нет кастрюли, чтобы сварить? Запеки на углях. Не из чего развести костёр? Глупости, всегда найдется из чего развести костер. Нечем?

«Какого лешего у тебя нет огнива с собой, сынок? Ты что, белены объелся? Может, у тебя еще и ножа с собой нет?» — а потом отец издавал такой звук, нечто среднее между матерным словом и презрительным цыканьем. «Жизнь не состоит из удовольствий» — повторял старший Аркан.

Робкие аргументы о том, что мало кто из сверстников-аристократов задумывается о необходимости самостоятельно разводить костер или зашивать одежду, отметались с порога: «Они живут в счастливом неведении!»

В подростковом возрасте это вызывало гнев, и ропот, и желание сбежать куда угодно, где не нужно каждое утро вставать ни свет ни заря, а можно нежится в постели сколько влезет, не заставляют самостоятельно разбираться в древних текстах «с утра до тех пор, пока не поймешь, и ни о каком обеде не может быть и речи». Туда, где нет нужды чистить конюшню, хотя для этого есть слуги, и ходить в многодневные дозоры, объезжая владения и преследуя хищных зверей и преступников — хотя для этого есть стражники и охотники... Отец не был сторонником телесных наказаний — ремень доставал всего два или три. В этом просто не было необходимости — взгляд глубоко посаженных глаз из-под густых бровей проедал насквозь и заставлял бежать сломя голову и что-то делать. А властный окрик порой хлестал не хуже бича.

Впервые Рем задумался над мотивами такого подхода к воспитанию после своего первого столкновения с пиратами. Нет, не в качестве гребца-невольника. Еще в семнадцатилетнем возрасте, когда две галеры поднялись по реке вверх, и популяры в ярких одеждах высадились на берег, и набросились на небольшой городок, в котором как раз проходила ярмарка.

Вообще-то этот городок принадлежал Варнифам, но Варнифы были в летнем замке за десять вёрст оттуда. Зато там был Рем Тиберий Аркан, и еще дюжина юных аристократов. Все — при оружии, но растерянные и ошарашенные жестокостью и быстротой действий пиратов.

Молодежь, городские стражники и кто-то из горожан вступили в драку на улицах, проигрывая и отступая, пока Рем ломающимся голосом не принялся отдавать приказы. И ему подчинились! Гонцы поскакали в окрестные замки, небольшой отряд всадников рванулся к галерам, размахивая факелами. Во главе его был Рем.

Они прорвались к кораблям, потеряв товарищей, и сумели поджечь одну из галер, и испуганные возможной потерей корабля пираты отступили к берегу. И окружили отчаянных аристократов, которые стоя спиной к спине отбивались от них шпагами. Они были бы убиты все, во главе с Ремом, если бы не воодушевленные их поступком горожане. Как попало вооруженные, совершенно без доспехов, с кухонными ножами, косами, топорами и дрекольем они толпой набросились на пиратов и... И погибли бы тоже.

Отец и Децим успели привести дружину. Закованные в броню всадники решили исход битвы. Тиберий Аркан Старший приказал повесить пиратов (живых и мертвых) на деревьях по берегам реки, и каждого из них снабдить табличкой с перечнем преступлений.

Рем был тяжело ранен, как и все его соратники. Погибших было столько, что не хватило места на кладбище, и дров для погребальных костров, так что пришлось похоронить павших в общей, братской могиле, а сверху насыпать высокий курган. За несколько ночных часов городок потерял половину мужского населения.

А потом к замку Арканов явились Варнифы и потребовали возместить убытки. Мол, недобрым действием юнец подставил горожан под удар и всё такое прочее...

Старший Аркан велел запереть ворота и поносил Варнифов, и оскорблял их, напирая на неспособность защитить своих вассалов, умственную неполноценность и сексуальную несостоятельность. Это вылилось в многомесячный конфликт с этой богатой семьей, чуть было не переросшей в кровную месть, но вмешался Экзарх...

После той ночи Рем долго обдумывал свои действия, хандрил, порывался куда-то бежать и чего-то доказывать.

Он всё думал о погибших, и всякий раз, когда кто-то начинал хвалить его героизм, замыкался в себе и ходил мрачнее тучи.

— Цена власти! — сказал как-то Децим.

— В задницу власть, — откликнулся Рем.

Именно тогда он заметил за собой эту фамильную особенность — сосредоточенность, собранность, четкость мысли и напряжение всех сил в тяжелых, критических ситуациях. А после, в минуты покоя и отдыха — хандра и меланхолия, спасти от которых могли только смена обстановки, или новое, интересное дело.

Действие! Нужно было что-то делать.

Рем вскочил и отправился собирать валежник. Костёр у ворот — это то, что надо! Побродив вокруг лагеря, он набрал большую охапку, затем еще одну и еще — и сложил топливо у караулки. Потом хмыкнул пришедшей в голову мысли, сходил в складскую палатку и принес оттуда кусок черного полотна, горшок с красной краской, которой подкрашивали борта корабля, и кисточкой. Следующим заходом он принес котелок с водой и мешочек с ароматными сушеными листьями кустарника Ча, что выращивают на Востоке, за Рубоном Великим.

Скоро котелок закипел над огнем, и, сыпнув горсть листьев, Рем оставил бодрящий напиток набираться цвета и аромата.

В свете костра парень малевал что-то на черном полотнище, хулигански посвистывая и ухмыляясь, и прихлебывая настой Ча из кружки. Это было чистое блаженство — делать что-то самому, когда никто не пытается спросить, посоветовать, заглянуть через...

— Какое страшное знамя... — поизнес за голос за его спиной.

Рем тут же вскочил, пируэтом смещаясь по широкой дуге так, чтобы между ним и незванным гостем оказался костёр. В одной руке он всё еще держал свой незаконченный шедевр, в другой вместо кисточки у него мигом оказался нож.

Осознание пришло секундой позже: если бы кто-то хотел его прикончить, это сделали бы без слов.

— Милостивый государь, прошу прощения, что оказался несколько неготовым к вашему визиту, рад приветствовать вас в нашем лагере. Рем, квартирмейстер — к вашим услугам. Присаживайтесь, не стесняйтесь, вот, у меня как раз Ча заварился... Чем обязан?

Незнакомец стоял в свете костра, и огонь играл в его эльфийских миндалевидных глазах. На вид простая одежда подчеркивала статную, царственную фигуру, прямую осанку и широкие плечи. Волевой подбородок и безупречный профиль создавали впечатление силы и власти, а искусно украшенный обруч на длинных белых волосах говорил о высоком статусе гостя.

— Ну что ж, милостивый государь Рем, принимаю ваше приглашение... — он изящным, плавным движением расположился на чурбачке.

Пожалуй, на этом чурбачке с глиняной кружкой настоя Ча в руке он выглядел так, будто восседает на троне в королевском чертоге, и в руках у него драгоценный кубок с изысканным вином. И молодой Аркан был готов поклясться, что понял, кто перед ним. Однако виду не подал, мигом притащил еще один чурбачок и кружку.

— Ну что ж, Ваша светлость... — он выжидающе глянул на эльфа, дождался благосклонного кивка и продолжил: — В связи с чем я имею честь принимать такого позднего гостя?

— Исполняю свои непосредственные обязанности, — улыбнулся гость. — Плановый обход местности в целях обеспечения безопасности.

Рем про себя отметил полное отсутствие акцента и безупречный кесарийский выговор собеседника.

— А как же праздник, Эостра? Ведь вы, эльфы, нынче празднуете Эостру?

— Праздник идет своим чередом, и я уверен, там всё будет отлично... — и добавил, как будто в сторону: — Как, впрочем, всё, за что она берется...

Аркан сделал в голове еще одну пометочку — «она», и укрепился в своих подозрениях по поводу личности собеседника. А тот меж тем отпил из кружки и проговорил, делая вид, что размышляет вслух:

— Вы ведь тоже зачем-то остались в лагере, а не отправились вкушать радостей жизни у лесных костров? Уж поверьте, сегодня угощение будет великолепным, певцы и танцоры превзойдут сами себя, ну и девушки... Людям ведь нравятся наши девушки, верно?

Рем подавился настоем Ча, и долго откашливался. Слышать такое от эльфа? Он видел в Смарагде, как один воин из свиты консула Туринн-Таура отсек нос бродяге, вздумавшему подойти ближе, чем на пятнадцать шагов к паланкину с эльфийками! А тут — такие речи!

— Я думаю... — проговорил Аркан, отставив кружку. — Я думаю, что мужчинам, которые провели в вонючем трюме несколько месяцев, и после этого только и делали, что жгли и убивали, нравятся почти любые девушки. Главное, чтобы у них были две ноги, две руки, голова и всё прочее, что полагается женскому полу.

Его светлость коротко хохотнул.

— Да-да, я тоже так подумал... Поэтому все наши свободные девушки сейчас вертятся возле костров в лесу и просто мечтают найти себе пару.

— Это что, знак особого расположения к нашей команде? — Рем решил ничему не удивляться и поддержать тот ироничный тон беседы, который задал эльф. — Поверить не могу, что банда неотесанных мужиков произвела такой фурор в вашем королевстве. Я видел ваших воинов — они имели бы бешеный успех у дам при дворе любого имперского владетеля, и уж точно от них не пахнет трюмом и манеры у них всяко приличнее...

— Кровосмешение, — отмахнулся собеседник. — У нас тут замкнутое общество, и за каких-то полтысячи лет мы выродимся и превратимся в жалкое подобие настоящих тьялери, в слюнявых идиотов с кучей наследственных заболеваний... Если не будет вливаний свежей крови, конечно...

Тут уж Рем выпучил глаза от удивления: вот это прагматичный подход! Это вообще — эльфы или не эльфы?

— Я видел ваших сородичей из Туринн-Таура, — от взгляда Аркана не скрылась мимолетная брезгливая гримаса, промелькнувшая на лице собеседника. — Так вот, один из них отсек человеку нос, когда он подошел к паланкину с эльфийками. А вы так просто говорите о появлении на свет Божий полукровок!

— Родословная — это конечно большое дело, — сделал неопределенный жест рукой его светлость. — Эльф — это не только мясо и кости, и набор каких-то качеств, унаследованных от предков... Есть еще воспитание, мировоззрение, образ жизни...

— Наследственность — это сорок процентов человеческой личности. Так говорил мой отец, — кивнул Рем.

— И я полностью с ним согласен! Открою вам страшную тайну — если эльф переедет, к примеру, в вашу Империю, будет пить вино, есть жирную пищу, вступать в частые связи с женщинами, забудет о гигиене, положенных ритуалах и практиках, то он состарится и умрет за какую-то сотню лет! Представляете? А ребенок, рожденный от союза человека и эльфийки, при надлежащем воспитании и образе жизни не уступит в долголетию самому чистокровному потомку одного из Старших Домов.

— А уши? — ляпнул Рем и подумал, что сейчас, видимо, перешагнул границу.

Но нет! Эльф снова хохотнул, тряхнул роскошной гривой белых волос, продемонстрировав острые кончики своих ушей, и ответил:

— Такая форма ушей — доминантный ген, хотя вы вряд ли что-то об этом слышали...

— Почему же? Довелось читать. — Аркан потрогал своё ухо и вздохнул: — Как-то грустно чувствовать себя носителем рецессивных ушей.

— Ничего-ничего, зато ваш выдающийся нос и темные волосы вполне мог бы унаследовать какой-нибудь ушастый малыш, если бы вы не сидели вот здесь, рядом со мной, и не изображали на черном полотнище нечто, напоминающее красный череп.

— Это и есть красный череп. Я тут пытаюсь создать знамя для нашей команды, которая вот-вот должна превратиться в компанию наёмников. А у всякой вольной компании в наших краях есть свой полковник, свои песня и знамя. С первым и вторым вроде как вопросов нет, а вот знамя...

— Но почему оно такое мрачное? Такой штандарт подошел бы Тёмным...

— Нет-нет, насколько я могу знать, сторонников Тьмы среди нас нет. А любовь к черному цвету — это, наверное, семейное... Да и под рукой оказался подходящий кусок ткани. А вот с черепом всё и вправду драматично и мрачно...

— Ну-ка, ну-ка, — подался вперед эльф.

— Мы ведь по большому счёту случайные люди, вся наша команда. Нас захватили в плен, обратили в невольников и заставили работать на себя те негодяи, которые владели этими кораблями... Настоящие сволочи, вот что я вам скажу, — Рем снова напрягся, он ведь понятия не имел, что можно и что нельзя себе позволить в присутствии гостя.

— Да-да, мой верный друг Эадор Нилэндэйл рассказал об этих... Гёзах, верно? Они религиозные фанатики?

— Они просто варвары и мерзавцы, ваша светлость, и самый большой мерзавец из них был капитаном красного корабля. Его звали Красный Дэн Беллами, и, прикрываясь религией, он творил бесчинства и наводил ужас на всё Западное побережье!

— Так-так, Красный Дэн — красный череп, кажется, я улавливаю...

— Да, ваша светлость, все верно. Мы восстали, и добыли себе свободу, и прикончили капитана, и башка его долго гнила на мачте, напоминая нам кто мы и откуда! Но вот когда мы входили в устье вашей реки, какая-то птичка величиной с вот эту вот караульную будку стащила ту самую башку, и унесла в неизвестном направлении. Так что я решил, что пусть наш мучитель, который поплатился за свои грехи, и дальше смотрит на дела своих бывших рабов, а мы уж постараемся, чтоб ему не было скучно!

Эльф задумался, попивая настой Ча маленькими глотками, а потом проговорил:

— Скучно вам не будет... Вы прибыли очень вовремя, за что честь и хвала Эадору, и благодарение Небу... Завтра после обеда к вам сюда зайвится официальная делегация, там будет Владычица, и я тоже... Но кое-что

нельзя произносить публично, и я пришел сюда еще и потому, что искал кого-то из вас, облеченного доверием остальных... Такого, кто поделился бы услышанным от меня с вашими командирами.

Рем сглотнул. Вот оно!

— Я уже говорил, что являюсь квартирмейстером. Я отвечаю за то, чтобы у людей всего хватало и всё было в порядке... И могу свободно разговаривать с любым из нашей команды...

— И с вашим лидером?

— Гм... Да, Разор выслушает меня, это точно, — а кто еще, как не он мог считаться лидером у мятежных гребцов?

— Тогда слушайте хорошенько!

Его светлость начал рассказывать, и чем больше Рем Тиберий Аркан его слушал, тем сильнее ему хотелось оказаться далеко-далеко от прекрасного эльфийского города Доль Няда, с его фонтанами, дорожками, статуями, эвкалиптами, Владыками и леденящими душу тайнами.

— В каком смысле — чтобы мы убивали эльфов? — таким удивленным Аркан Разора еще не видел.

— Вот в самом прямом. Он мне так и сказал: у них тут появились чудовища, на сторону которых начали переходить некоторые эльфы. И теперь они терроризируют Доль Наяда. И если с чудовищами в принципе справляются, и приканчивают на подходе к городу, то с эльфами сложнее: во-первых, кое-кто из них скрывается в городе, а сколько их, и кто они — точно не известно, во-вторых эльфы не могут убивать эльфов...

— То есть как это — не могут?

— Вот я тоже самое спросил. А он ответил, мол, представь, что ты убиваешь собственного ребенка, грудного младенца!

— Тьфу, да что ты мелешь вообще? Как такое...

— Вот и я так сказал!

— А-а-а... — Разор всё еще выглядел озадаченным. — А эти, чудовищные эльфы, они таких проблем с совестью не имеют, верно?

— Ну да... И уже несколько раз совершали нападение на местных, примерно каждые недели две... Троих местных витязи скрутили, и теперь они сидят в темнице, но остальные, числом несколько, скрылись...

— А последнее нападение было?..

— Недели две назад.

— Та-а-ак! А насчет остальных чудовищ есть какая-то информация?

— Кое-что мне он рассказал. Мол, основная проблема в каких-то пещерах верстах в тридцати от Доль Наяда. Раньше это был некрополь, или храм, что-то такое... Там поселилось главное чудовище. И как оно выглядит, никто не знает. Известно только, что эльфу ночью снится кошмар, видение, а потом он собирается и идет в те пещеры. После этого меняется до неузнаваемости, с близкими рядом не находится, и в урочный час набрасывается на своих соплеменников, чтобы сожрать...

— Сожрать? — переспросил Разор.

— Вот именно! Мне как сказали, так я и передаю... Если этому сумасшедшему удастся схватить кого-то, он скрывается с жертвой, а если ему попытаются помешать — вступает в бой и старается убить как можно больше... Э-э-э... Как можно больше окружающих...

— Так. То есть имеется главное чудовище, и эльфы, у которых поехала крыша? А ещё?

— А еще есть птицы и звери, у которых поехала крыша. И целое племя фоморов, у которых тоже поехала крыша. И все они, к тому же, видоизменяются под воздействием того, которое сидит в пещерах. Эльфы воюют с ними уже полгода, и теряют бойцов.

Разор секунду подумал и рубанул рукой воздух:

— Собрать крепкий отряд, прорваться к пещере и разобраться что там, в конце концов, происходит! Неужели не пробовали?

— Еще как пробовали! Теперь этот отряд, числом в полторы сотни, во главе с бывшим местным героем, неким Фангалом, терроризирует окрестности, являя миру чудеса жестокости и кровожадности. Они видимо тоже поддались лиходейскому влиянию, и служат чудовищу. Доль Наяда теперь — единственное поселение Тьялери. А до этого их было несколько, но три были вырезаны под корень бандой Фангала, в союзе с измененными тварями. Жители остальных поселений сочли за благо сбежаться под защиту витязей Светлого Владыки.

— Как-то справляются же они с напастью? Эти витязи?

— Ага, справляются. Выходят на бой с ренегатами, сражаются насмерть, а потом, отразив натиск, кончают с собой — перерезают вены, или с обрыва — в реку...

— Это с какого перепуга? — Разор явно выглядел растерянным.

— Ну как это... Представьте себе, что вы убили своего собственного ребенка...

— Тьфу ты пропасть! Это ж надо! — старый вояка помотал головой.

Он присел на скамью, потом встал, потом снова сел, хлопнул себя ладонями по ляжкам и заговорил короткими рублеными фразами:

— Сегодня придут эльфы. Мы подпишем с ними контракт. Узнаем все детали. И примемся за дело! С этой мерзостью надо покончить! Советание окончено, маэстру, готовимся к смотру и приему гостей!

Вот так вот. Разор поставил задачу, и сразу жить стало легче: ему самому, Рему и всем присутствующим. Присутствующие в палатке Микке, Оливьер, Сухарь, Марк, Септимий, маэстру Цудечкис — все встали со скамей, и шумно потянулись к выходу.

На выходе из палатки матерый купчина Оливьер задержался и, блаженно закатив глаза, проговорил Рему:

— Зря ты, друг мой, на праздник не пошел... Там, знаешь ли, эльфиечки такие м-м-м...

— Ну-ну... — кивнул Рем. — Предпочитаю не чувствовать себя быком-производителем...

— Что-что? — не понял Оливьер.

— Ничего-ничего... Рад, что вы хорошо провели время!

Оливьер пожал мощными плечами, почесал бороду и отправился к своим бойцам. А Рем отправился в свою палатку, готовить сюрприз.

Церемония началась несколько раньше, чем прибыли высокие эльфийские гости. По имперским законам для того, чтобы воинскому отряду — вольной компании, поступить на службу к нанимателю, было необходимо оформить само свое существование: составить договор между бойцами и командирами, на бумаге или пергаменте, с личными подписями всех соратников и указаниями условий службы. Рем как квартирмейстер здорово намучился, составляя положенный документ еще в своей каморке на красном корабле. Были оставлены только места для имен тех, кто займет соответствующие должности, и несколько листов со списком всех соратников по будущей вольной компании. За долгое плавание было время подойти к каждому и ознакомить с условиями, и узнать имена.

Вольная компания должна была включать в себя двести тридцать шесть бойцов. Полковником по общему решению должен был стать Разор, лейтенантами — Сухарь, Септимий, Марк и Оливьер, каждый руководил полусотней. Оставалась только торжественно подписать договор и составить к нему дополнение — первый контракт о службе у эльфийских Владык.

На Форум Игнис горел высокий костер, бойцы выстроились в три шеренги, вытянувшись в струнку и проникнувшись торжественностью момента. Так уж получилось, что Рем взял на себя обязанности распорядителя торжества и поэтому, дождавшись, когда из шгабной палатки выйдут будущие офицеры, поддал в голос пафоса и произнес:

— Соратники! Друзья мои! С удовольствием предоставляю слово тому, под чьим руководством мы добыли себе свободу, кто первым был в бою, на гребной скамье и у походного котла с ложкой в руках! — смешок пробежал по рядам бойцов. — Виват, полковник Разор!

— Бар-ра! Бар-ра! — разразились бойцы приветственным имперским кличем и заколотили оружием в щиты, а у кого не было щитов — стучали кулаками о нагрудники или топали ногами.

— Виват, соратники! — поднял руку вверх Разор.

Он куда как важно смотрелся в начищенной кирасе, роскошном шлеме-морионе, доставшемся в наследство от Красного Дэна Беллами, наручах и поножах с искусной гравировкой, и тяжелых сабатолах. Глаза его горели, спина была ровная, голос — звучный, звенящий.

— Посмотрите на себя, друзья! Посмотрите, чего мы достигли! Каких-то несколько недель назад мы гнули спины под ударами плетей надсмотрщиков, ожидали смерти от усталости или от клинка бесноватого капитана! А сейчас? Сейчас я вижу перед собой свободных людей с оружием в руках, самых сильных воинов в мире! Разве это не прекрасно?!

— Да-а-а!!! — разразились криками бойцы. — Бар-ра-а-а!!!

— Мы нынче — вольная компания. И у нас есть первый контракт — эльфийские Владыки хотят поручить нам защиту рубежей Доль Наяда. Это прекрасный город, и здесь есть кого защищать и за что сражаться, верно, ребята?

Судя по мечтательным выражением глаз ребят, всё было верно, и они снова одобрительно зашумели, а Разор продолжил:

— Ну что ж, может быть для кого-то этот контракт будет единственным, может, вернувшись домой, к имперским берегам, мы не свидимся более, но эту работу постараемся выполнить с честью! Вот я первый ставлю свою подпись, и клянусь быть вашим полковником и заботиться о вас как о родных детках, и гонять как сидоровых коз!

И Разор подошел к Рему, который уже готовил бумаги, и поставил свою размашистую подпись, а следом за ним подошли лейтенанты. После них потянулись бойцы. Кто-то из них не умел писать, и потому обмакивал большой палец в чернила и оставлял отпечаток напротив своего имени. А когда с этим было покончено, Рем подмигнул Микке и тот быстрым шагом вышел в центр Форум Игнис, к костру, и одним плавным движением развернул знамя.

Все слитно ахнули: красный череп на черном полотнище пугал и завораживал одновременно. На высоком древке, которое Рем соорудил из трофейной пики, знамя полоскалось на ветру, и, казалось, череп ухмыляется и подмигивает.

— Это что такое? — спросил кто-то из задних рядов.

И другие ответили:

— Это Красный Дэн Беллами. Будет смотреть на нас, и любоваться нашими подвигами...

Микке торжественно вручил знамя Разору, а тот вручил его северянину обратно и сказал:

— Нет среди нас более достойного, чем ты, кормчий. Будешь вексилларием! Храни этот шгандарт, знаменосец!

Микке от избытка чувств не знал, что и сказать, и просто кивнул, воткнул древко в землю, и замер в горделивой позе, положив руку на рукоять топора. И вовремя — через главные ворота лагеря по Виа Претория к

Форум Игнис приближались эльфы.

Эадор Нилэндэйл, разодетый в пух и прах выполнял роль глашатая. Он шел впереди, и, приблизившись к строю людей-наемников, провозгласил:

— Правители Доль Наяда — Светлая Владычица Эстель и Светлый Владыка Рианнор! Внимайте, люди!

Вперед шагнула Владычица, и тишина опустилась на лагерь. Люди вдохнули воздуха и теперь боялись выдохнуть... Они слушали ее голос, который говорил что-то по-эльфийски, и, хотя никто из них не знал наречия тьялери, речь королевы эльфов была дивным образом понятна им.

Она говорила о тяжелых испытаниях, выпавших на их долю, о жестокосердии гёзов и отваге имперских мужчин, о павших и выживших. Она благодарила за спасение Эадора, и за то, что они пришли на помощь Доль Наяда в это нелегкое время... А ещё о том, что все они отныне и в будущем — желанные гости народа тьялери, и в Доль Наяда им всегда рады.

Рем слушал ее и проникался. Он никогда не чувствовал ничего подобного, разве что во время проповеди Экзарха в главном соборе монастыря Святого Завиши Чарного, что в Аскероне... Но слова Экзарха были подобны огненным стрелам, которые попадают прямо в душу, и зажигают ее желанием идти вперед, сражаться за правое дело, работать на благо всего рода людского и сворачивать горы во имя торжества истинной веры. А голос Владычицы обволакивал, подобно аромату южных снадобий, и порождал в голове светлые образы, будил детские мечты и наполнял сердце и мысли покоем и тихой радостью...

Знакомая боль постучалась в виски Аркану, и он тряхнул головой. Что это за наваждение?! Ну да, перед ним находилась очень, очень красивая женщина, и голос у нее был мелодичный и звонкий, но слова-то... Слова были чужими! И ничего сверхъестественного в них не было! Рем сжал кулаки и почувствовал, как ногти впиваются в ладони. Это на секунду помогло, и он сумел сфокусировать взгляд на Светлом Владыке.

Владыка Рианнор почувствовал взгляд и посмотрел прямо в глаза Аркану. Да! Это был он — ночной визитёр! Рем прищурился и слегка кивнул, давая понять, что узнал его. А Светлый Владыка вдруг совершенно по-человечески подмигнул и взял свою венценосную супругу за руку.

И волшебство исчезло! Владычица Эстель закончила речь под недоуменные переглядывания людей, а Владыка Рианнор взял инициативу в свои руки. Он щелкнул пальцами, призвав воина с договором, подал его Разору и офицерам. Документ был подписан, наемники грянули:

— Барра!

Эльфы зааплодировали.

Повинуясь взмаху руки Владыки, десятки служителей пришли в движение, и тут же, на Форум Игнитас, выставили изящные раскладные столики, которые через несколько минут оказались заставлены кувшинами, кубками и блюдами с легкими закусками.

— Пусть совместная трапеза послужит залогом будущего плодотворного сотрудничества, милостивые господа! — сказал он на имперском языке без всякого акцента.

И это уж точно все поняли.

Рем заметил движение краем глаза, и начал действовать еще до того, как осознал суть происходящего. Изящный трехногий табурет летел в голову эльфа-виночерпия, который в причудливой позе навис над одной из придворных дам из свиты Светлых Владык.

С грохотом табурет врезался в прекрасное лицо эльфа, вбивая в самую глотку ужасающие, огромные, острые зубы, которые пристало бы иметь хищному ящеру, а никак не утонченному тьялери.

И буквально мгновение назад эти зубы тянулись к горлу эльфийки! Табурет должен был выбить дух из этого исчадия ада, но нет! Эльф вскочил, бешено вращая глазами, осмотрелся, выплюнул кровь и осколки зубов и попытался скрыться, схватив первую попавшуюся жертву...

Точнее, попытавшись схватить. Жертвой оказался Сухарь, который отлучался от стола в места не столь отдаленные, с целью освободить место в брюхе под еду и напитки. Схваченный в охапку нечеловечески сильным эльфом, бывший каторжник не растерялся. Он, сдавленно произнося проклятья, сумел выхватить засапожный нож и всадил его незадачливому похитителю в поясицу.

Эльф взвыл и выпустил жертву, теперь не думая ни о чем кроме бегства. Он кинулся прочь из лагеря, сшибая на ходу палатки и разбрасывая в разные стороны попавшиеся на пути предметы. Рем сначала побежал следом, но потом понял, что догонять возмутителя спокойствия устремились несколько десятков человек во главе с лейтенантами, и притормозил. Как-нибудь справятся!

А вот эльфы догонять не бросились, хотя телохранители и сплотились вокруг своих сюзеренов, закрывая их от возможной атаки и стараясь реабилитироваться за свою чуть было не ставшую трагичной оплошность.

Владыка Рианнор, уже с обнаженным клинком в руках, рассредоточил охрану, бросив пару раздраженных фраз на эльфийском, и подошел к Рему.

— Вижу, что не зря принял людей на службу. Как вы успели среагировать?

Рем пожал плечами:

— Он совсем не улыбался. Все эльфы улыбались, а он нет. Как будто рот ему зашили. Вот я и приглядывался к нему краем глаза... Оказалось — не зря.

— Ловко вы швыряете табуретки...

Аркан вспомнил свои успехи в метании факелов, фонарей и прочих предметов и задумчиво произнес:

— Дааа, обнаружил в себе такой скрытый талант не так давно...

Владыка странно посмотрел на парня и проговорил:

— По крайней мере, теперь вы знаете, с чем будете иметь дело...

И, развернувшись на каблуках, отправился к супруге. Аркан, спросил, глядя на его идеально ровную спину и широкие плечи:

— Почему эльфийские лучники не стреляли, ваша светлость?

Владыка Рианнор даже не обернулся, только резким движением взмахнул клинком, нанося мощный удар ни в чем не повинному резному изящному столику.

Столик обрушился на землю, звеня и дребезжа посудой.

Он явно был прекрасным фехтовальщиком, этот милостивый государь Эадор Нилэндэйл из Доли Наяда. С Ремом семь потов сошло с тех пор, как четверть часа назад он вошел в круг с эльфом.

А всё этот Разор. Мол, нужно понять, с кем мы имеем дело, узнать их слабые стороны... Какие слабые стороны у бойца, который тренировался лет тридцать, а потом убивал темных тварей еще столько же? Рем не спрашивал у Эадора о возрасте, но ощущение было примерно такое же, как во время тренировок с отцом в бытность подростком. Имелась только одна разница...

Клинки звенели, и человек явно уступал эльфу. Легкие, танцевальные движения витязя тьялери завораживали, он атаковал беспрестанно, как будто оттачивал технику на деревянном манекене. К чести Аркана, нужно сказать, что хотя на голени у него и наливалась синевой гематома, а голова гудела от пропущенного плашмя удара, он не сдавался и продолжал сопротивление. Пот лился с него градом.

В какой-то момент он неловко споткнулся, но тут же перекатился и кувырком вскочил на ноги:

— Продолжим! — пропыхтел Рем.

Эадор с улыбкой отсалютовал и продолжил. Длинным молниеносным выпадом он попытался достать Рема, но тот ушел с линии атаки, немыслимо изогнувшись и заблокировав обратное движение эльфа своим клинком.

Возвращаясь в исходную позицию, Эадор слегка замешкался, и Рем воспользовался этим, чтобы перейти в контрнаступление. Он рубил сплеча, широкими размашистыми движениями, повторяя серию раз за разом, и успел увидеть этот хитрый огонек в глазах эльфа. Эльф подумал, что всё понял. Эльф решил одержать победу одним быстрым движением, но... Но вдруг оказался на земле, отплевываясь и щуря глаза!

— Что это?.. Как же... — Эадор глядел на острие тренировочного клинка и лицо его выражало глубокое недоумение.

— Я сыпанул тебе в лицо горсть песка, которую набрал, когда катался по площадке, пытаясь избежать позорного поражения. Сыпанул песка, а потом ударил под коленки... Варварство, правда? — Рем сидел тут же, на земле.

Поединок с Арканом Старшим отличался от поединка с эльфом тем, что это отец сыпанул песка в лицо Рему и дал ему под коленки.

— Вообще-то ты выиграл, Эадор. Ты ведь в самом начале достал меня в голову. Будь это настоящий бой, я валялся бы в луже собственной крови, а ты бы вытер клинок о мою одежду и отправился играть на своей дудке...

— Не дудка, а свирель... И об одежду я не стал бы ничего вытирать, есть специальный платок... Думаю, в настоящем бою ты бы сразу насыпал мне песку в глаза и... Как это ты говоришь? Э-э-э... И выпотрошил бы меня...

Рем пожал плечами. В любом случае он узнал всё, чего хотел от него Разор.

Эти знания пригодились в следующие две недели: ведомые доверенными лицами владыки Рианнора наемники частым гребнем прошли по Доле Наяда. Развалины, подземелья и дома эльфов с сомнительной репутацией были их целью. Под подозрением были все семьи, которые имели родство с пораженными чудовищной напастью.

В каждом рейде участвовала полусотня бойцов под руководством опытного воина. Рисковать не хотелось — после случая на пиру все представляли себе угрозу, исходящую от монструозных противников. Каждая стычка могла стоить людям нескольких погибших товарищей!

Поэтому и работали дюжинами и полусотнями, прикрывая друг друга и полагаясь на крепкие щиты, клинки в руках и поддержку товарищей. С головы до ног в грязи, пыли и паутине наемники прочесывали город и это приносило свои плоды: в развалинах поймали троих чудовищных эльфов, и, воспользовавшись фактором внезапности, задавили их числом, набросившись со всех сторон. Тела монстров изрубили в куски, а головы доставили к Светлым Владыкам, чтобы потом не быть обвиненными в кровожадности и неразборчивости: зубы-то вот они. Такие зубы эльфу иметь не положено, такое больше аллигатору с Малахитовой реки подойдет, или еще какой ящероподобной твари.

Рему довелось поучаствовать в рейде по неблагонадежным семьям, и, конечно, не обошлось без инцидента. Он в составе полусотни Оливьера страховал Эадора, который именем владыки Рианнора стучался в двери и призывал оказывать содействие наемникам. Один из таких домов запомнился особенно: высокий, трёхэтажный, с колоннами в виде закованных в броню воинов, замерших в решительных позах.

С третьего этажа сначала вылетела массивная ваза, чуть не разможив голову Эадора, а потом — эльф с двумя изогнутыми клинками. Он визжал одностонно, высоко, пронзительно и кружился на полусогнутых, у самой земли, нанося молниеносные, широкие режущие удары под самой кромкой щитов.

Люди падали на землю один за другим, истекая кровью из подрубленных ног, и неизвестно чем бы это закончилось, если бы в бой не вступили, опомнившись, Эадор Нилэндэйл и молодой Аркан.

Они лихо взяли эльфа в оборот, и улица наполнилась звоном клинков и яростной матерщиной Рема. В

одинокую каждый из них, пожалуй, не справился бы с таким быстрым противником, но вдвоем у них неплохо получалось: танцевальные движения и сложные финты Эадора связывали монстра, не давали перейти в атаку, а жесткие блоки и скупые, точные выпады Рема заставляли его пятиться и получать одну за одной неглубокие, но болезненные раны. А потом и Оливьер командирским рыком сплотил наемников: они сбили строй и приперли супостата к стенке.

Он дорого стоил бригаде: двое бойцов так и истекли кровью, еще четверо — шли на поправку под присмотром эльфийских лекарей, и неизвестно было, смогут ли они вернуться в строй или на всю жизнь обзаведутся хромотой.

Дом тот вывернули наизнанку, и Рем нашел на чердаке еще одного чудовищного эльфа. Он висел вниз головой, на стропиле, и совершенно не двигался. Это было похоже на каталепсию — скрюченные руки, ужасная, оскаленная гримаса и распущенные длинные волосы, ниспадающие вниз и метущие по полу... Этого тоже прикончили и выбросили из окна чердака.

— Дефенестрация, — сказал Рем, выглядывая вниз.

— Что, прости? — спросил Оливьер, который незаметно подошел сзади.

— Дефенестрация — это акт выбрасывания кого-либо из окна, — уточнил Рем.

— А-а-а... Была у нас в Кесарии дефенестрация — трактирщик пиво мочой разбавлял, так вот его и...

— Выбросили?

— Не-е-е... Выбросили пиво. А трактирщика ногами забили!

Всего за две недели нашли и уничтожили семнадцать порченных эльфов, еще парочке удалось сбежать.

Наемники собирали лагерь. В Доле Няяда работа по большому счету была окончена, нужно было выдвигаться на северо-запад, туда, где последний раз видели отряд Фангала — главную цель вольной бригады. Эльфы предоставили транспорт — несколько повозок, запряженных смиренными мулами, так что снаряжения и припасов брали с избытком.

— Ну что, маэстру квартирмейстер? Что скажешь по поводу схваток с эльфами? — полковник прохаживался тут же, наблюдая за погрузкой.

— Скажу, что это почти безнадежное дело... Если сражаться привычными методами.

— Почти... Привычными методами... Ну-ка, ну-ка, выдай мне что-нибудь эдакое, аркановское...

Рем замер, почувствовал, как от нервного напряжения тяжелеют колени и ему стало противно. Противно от того, что он вынужден скрывать своё происхождение, притворяться что не замечает этих намеков от Разора... Неужели всё, что он сделал, добиваясь свободы для себя и своих товарищей — всё это менее важно для всех них, чем его фамилия?

— Послушайте, полковник... — Рем поднял глаза. — Вы уже поняли, кто я. Меня зовут Рем Тиберий Аркан, я сын Тиберия Аркана Старшего и внук Тиберия Аркана Безумного. И это вовсе не значит, что я собираюсь сместить вас и стать полковником, или награвить людей на эльфов и разграбить Доле Няяда, или по прибытии использовать вольную компанию, чтобы поднять мятеж и занять императорский трон!

— Рем, погоди...

— Ну нет уж, это вы погодите! То, что я Аркан не значит также и того, что я сейчас прочту молитву, и ангелы небесные перенесут нас в Империю, или что я пущу молнию из задницы и испепелю наших врагов! Я — студент, вагант, который возвращался домой и попал в лапы вербовщиков, вот и всё... Я не в ответе за своего отца, или своего деда, я стараюсь жить своим умом и приносить пользу, но, черт побери...

— Ладно, ладно Рем... Успокойся! Завелся чего-то... Ты приносишь пользу, и именно об этом я тебя и прошу. Просто ты же знаешь о репутации... — Разор пожал плечами.

— О-о-о, да! Я прекрасно знаю о нашей, аркановской, мать её, репутации!

— Дело в том, что ты ее постоянно подтверждаешь! Вот я и не удержался... Бог с ней, с репутацией... Что ты предложишь по поводу наших чудовищных эльфов? Мне на самом деле плевать, будь ты хоть Арканом, хоть Корнелием, хоть Фрагонаром... Ты хороший квартирмейстер и у тебя порой возникают дельные мысли, ты находишь оригинальные способы решения проблем, и это то, что нам сейчас нужно... Давай, выкладывай!

Рем потер лицо ладонями, выдохнул и сказал:

— Ладно. Есть пара мыслей. И пара хороших новостей.

Разор широко улыбнулся и хлопнул парня по плечу:

— Я весь внимание!

— Вы заметили, что тут почти нет лучников? Эльфы — потрясающие лучники, это ведь все знают, да?

— Действительно...

— Дело в том, что из лука очень сложно убить всех тех измененных тварей, что атакуют эльфийские поселения. Даже утыканные стрелами аки ёжики — иглами, чудища продолжают жаждать крови и рвутся к своей добыче. Даже если в каждом глазу у них торчит по стреле, они все равно знают, где располагается жертва.

— Та-ак... Значит вот откуда длинные мечи и пики? То-то я удивлялся... Если это первая хорошая новость, то вторую я скажу тебе сам! В отряде Фангала почти нет лучников, верно?

— Именно!

Они понимающе посмотрели друг на друга. Было бы куда как сложно воевать с эльфийскими лучниками в лесу, практически невозможно! Но тут Аркан добавил ложку дегтя:

— С другой стороны они там все всадники. Тоже не сахар, попробуй настигнуть конный отряд пешим порядком...

— И что ты предлагаешь?

— Я думаю, мы должны спровоцировать Фангала, заставить его напасть на нас! — сказал Рем. — И, кажется, я знаю как. Только за это наши наниматели могут прикончить нас раньше, чем до нас доберутся чудовища!

Рем безгранично доверял полковнику Разору во всем, что касалось военных действий. Поэтому занимался тем, что ему положено по квартирмейстерской должности: обеспечением отряда всем необходимым во время похода: повозки, провиант, фураж и прочее, важное и нужное.

Он позволил себе единственную вольность: пользуясь знакомством с Эадором, Рем попросил свести его с местными кузнецами. Итогом их работы были три ящика ужасных в своей простоте металлических рогул, о жуткой эффективности которых Аркан прочитал в отцовской библиотеке. «Деяния Руфуса Корнелия Грозного и других Праведных Императоров» — так называлась та книга, и повествование в ней велось о войнах династии Корнелиев — владык Второй Империи. Тысячелетней давности фолиант не утерял своей актуальности...

И теперь бригада ускоренным маршем двигалась на северо-запад, в сторону испоганенных Фангалом эльфийских поселений, диких лесов и пещер, полных чудовищ.

Неприятности начались на первом ночном привале.

Разор своей командирской волей продавил решение о частоколе вокруг лагеря и усиленных ночных караулах. Два бойца должны были стоять у ворот, перегородив проход рогатками, еще четверо — совершать обход в противоположных направлениях.

Наемники бурчали на своего полковника: кому охота после дня пути устанавливать частокол? Но ворчание — ворчанием, а дисциплина — дисциплиной. Полковник пользовался непререкаемым авторитетом! Ну и аромат булькающих над кострами котлов с кашей говорил о том, что труд будет вознагражден.

Сытно поев, бойцы разошлись по палаткам — спать. Бодрствовали лишь караульные и дежурный командир — Марк, лейтенант третьей полусотни. И если бы не этот матерый человечик — в эту ночь закончился бы, так толком и не начавшись, боевой путь вольной наемной компании.

Шум и движение в близлежащем перелеске привлекли внимание караульных у ворот.

— Эй, Гракх! — сказал один из них. — Глянем что там?!

— Мабыть, зверушка какая... — проговорил флегматичный Гракх.

— А мабыть чудовище? — передразнил его напарник.

— Нехай патруль глядит, как с обхода вернутся! — отмахнулся Гракх.

Напарник Гракха неодобрительно покачал головой. Наемник понимал, что они тут заняты серьезным и опасным делом, а потому решил перестраховаться. Правда, не отличаясь умом и сообразительностью, он поднял с земли камешек и с размаху запустил его в заросли акации, откуда раздавались подозрительные звуки.

Сначала ничего не происходило, но через несколько мгновений ветви зашевелились, зеленая поросль раздвинулась в стороны и на дорогу вышли лоси, целое стадо с могучим вожаком, голова которого была увенчана целой короной ветвистых рогов.

— Дык это ж лоси! — сказал Гракх и плюнул под ноги.

В это время к воротам подошел лейтенант Марк, поскольку пришло время менять караулы.

— Что у вас тут... Какие нахрен лоси?! — заорал он вдруг. — ТРЕВОГА!!!

С этим криком всё вдруг пришло в движение. Лоси? Не бывает лосей с душераздирающе обаятельными улыбками крокодилов и шевелящимися на голове рогами! Чудища устремились к лагерю. Патрульные, закончившие обход, в последний момент забежали в ворота и задвинули за собой рогатки, выиграв время для просыпавшихся товарищей.

Караул во главе с Марком встретил первое нападение монстров длинными копьями из-за ограждения. Полдюжины чудовищ пытались проломиться сквозь рогатки, но, получая страшные раны в грудь, были вынуждены сменить тактику. Они скрылись в сумерках, и по очереди атаковали частокол, тараня его в разных местах и проверяя на прочность.

То ли бойцы постарались на совесть, вколачивая заостренные деревяшки в землю, то ли постоянные тренировки давали знать о себе — в любом случае, когда целостность периметра была нарушена, подавляющее большинство наемников во главе с командирами были готовы к сражению.

Настало время применить задумки Разора на практике. Именно полковник настоял на том, чтобы в каждой роте полторы дюжины бойцов были вооружены длинными копьями, рогатинами, острогами. Еще дюжина — щитоносцы с рубящим и дробящим оружием: секирами, булавами шестоперами. Остальные, самые опытные воины — могли оставить оружие на свой выбор.

К ним отнесли и Рема, который, выскочив из своей палатки с обнаженным палахом в руке, присоединился к четвертой полусотне лейтенанта Оливьера. Он выхватил из держателя факел и, пристроившись на правом фланге, готовился к бою.

Полусотня замерла шагах в десяти от возможного пролома в периметре. Оливьер внимательно следил за покосившимися бревнами частокола, и когда чудище в очередной раз ударилось об ограду, скомандовал:

— Щиты — вниз! — и бойцы грохнули краями больших прямоугольных щитов о землю, а Оливьер продолжил командовать: — Копья — делай раз!

— Ху-а! — откликнулись копьеносцы, под углом уперев длинные древка копий в землю, и для устойчивости расставив ноги пошире.

— Ну, теперь держитесь, братцы!

Чудище ударило еще раз, разбило, наконец, частокол и по инерции вломилось в лагерь. Это был крупный, выше человеческого роста, самец с острыми, как кинжалы, зубами и копной щупалец на голове. Скорость, набранная монстром, с одной стороны позволила ему разрушить преграду, а с другой — не дала возможности маневрировать. Он буром пёр на стальные жала копий.

Копейщики и щитоносцы сделали свое дело — сдержали натиск чудища, хотя крепкие ясеневые древка хрустели и скрипели под нешуточной тяжестью лосиной туши.

— Щиты! Делай два! — заорал Оливьер.

Щитоносцы выдохнули и ударили щитами изо всех сил, снимая чудище с копий, как мясо снимают с вертела. А потом кинулись рубить и крушить монстра топорами и шестоперами. Рем не поддался общему порыву, и потому успел среагировать, когда из искромсанной лосиной туши, из самого ее порченого нутра, вырвался целый сноп мерзких щупалец и вцепился в ноги сразу двоих наемников.

Дикие вопли воинов, подвергшихся атаке, стали сигналом для Аркана. Он протиснулся к чудищу и ткнул факелом в средоточие щупалец, в самую середину! Отвратительное зловоние распространилось в воздухе, и, видимо, хватка чудища ослабла, потому что наемникам удалось вырваться.

— Жгите его, жгите скорее! — крикнул Рем, и наемники вмиг натаскали кучу тряпья, палок и другого горючего хлама, который запылял смрадным, тяжелым пламенем.

— *Падет слева от тебя тысяча, и целое войско — справа от тебя! И рана не появится на теле твоём... Господь — щит мой, светоч мой и палица моя...* — бормотал Рем, подбрасывая в огонь кусок разломанного тварью частокола.

То ли священные строчки помогали, то ли огонь сделал своё дело — монструозный лось не подавал признаков жизни. Словно в ответ на мысли Аркана откуда-то из мрачных зарослей раздался жуткий, леденящий рёв оставшихся в живых чудовищ.

— Что ты там всё время приговариваешь? — спросил Разор над самым ухом молодого Аркана.

— Э-э-эп! — молодой человек дернулся от неожиданности. — Что ж это вы, полковник, подкрадываетесь? Ситуация-то напряженная! Я ненароком мог вас травмировать с перепугу!

— Ну-ну, — хмыкнул Разор. — Мог он! Так что за слова такие?

— Так из Писания! Мне, когда страшно, всегда что-то такое на ум приходит... Как папаня в детстве в голову долбил, так до сих пор кое-что осталось...

— И что, помогает? — уточнил полковник.

Рем пожал плечами и указал на догорающего монстра. Разор кивнул и похлопал парня по плечу:

— Отдам приказ — будешь учить личный состав, чтобы все знали подходящие слова на такой случай... И вооружить каждую полусотню факелами и горючими материалами дополнительно... А то ведь Божье Слово и огонь всяко лучше, чем просто Божье Слово... Или просто огонь!

И Рем был с ним согласен целиком и полностью.

Поскольку первая встреча с чудовищами окончилась условной победой, наемники были воодушевлены и бодро топтали сапогами грунтовую дорогу, петлявшую холмами и перелесками. Действительно — монструозные лоси были уничтожены, безвозвратных потерь в бригаде не было... Несколько раненых и лишившихся сил от соприкосновения со щупальцами — не в счёт. Они с относительным комфортом устроились на обозных повозках и поправлялись под присмотром маэстру Цудечкиса, для которого, наконец, нашлось занятие по специальности. А то ведь от скуки маялся старый доктор во время отдыха в Доль Наяда.

Рему вместе с небольшим конным эльфийским отрядом пришлось вернуться в Доль Наяда за стеклотарой.

Разор настоял на том, что, учитывая опыт сражения с морским спрутом и местными тварями им просто необходимо иметь под рукой сотню-другую бутылей поудобнее, заполненных чем-нибудь горючим. Например, ворванью, которой много еще сохранилось в трюмах кораблей.

За месяцы, проведенные в трюме, Рем Тиберий Аркан отвык от такого благородного занятия как верховая езда, и поэтому отбил себе задницу и стер бедра несмотря на то, что эльфийские лошадки были смирные и послушные, и двигались мерной плавной иноходью.

Возвращались уже без сопровождения — кавалерия отправилась выполнять какое-то распоряжение Светлых Владык, а офицер Галрас, провожавший Рема в обратный путь, посчитал, что, если двигаться днем и не останавливаться, вероятность наткнуться на монстров или других неприятелей крайне мала. Или просто не захотел выделять воинов в охрану для не самого важного в бригаде наемников человека, что более вероятно...

Рем категорически отказался от предложенной лошади. Он предпочел коротать дорогу в крытой повозке, заполненной банками, склянками и бочонками с горючим маслом. Аркан был вынужден трястись на облучке, рядом с молчаливым эльфом-возницей, который даже имени своего не назвал за несколько часов пути!

Молчун или не молчун — дело свое возница знал. Смирные мулы подчинялись его отрывистым командам, так, что не было даже необходимости использовать вожжи. А кнутов, по всей видимости, эльфы и вовсе не признавали, по крайней мере, Рем ни одного не заметил за всё то время, которое пробыл в Доле Наяда.

И договориться с возницей получалось несмотря на то, что по-человечески он ни бельмеса не понимал.

— Остановимся? Мне тут, недалеко... — Аркан сделал вполне определенный жест в сторону леса.

Возница кивнул, как-то прищелкнул языком, и мулы остановились, прядая ушами и фыркая. Рем спрыгнул с повозки и заторопился под сень раскидистого платана. Это ведь только в балладах героические рыцари спасают принцесс, не снимая доспехов и ни разу не справив естественных надобностей... А Рем Тиберий Аркан никогда рыцарем не был, и героем стать не мечтал, а потому оправлялся под раскидистым деревом, не забывая прислушиваться и оглядываться. Героизм — дело хорошее, но сдохнуть в таких обстоятельствах было бы нелепым, досадным недоразумением.

Рем шел к повозке чуть ли не посвистывая, положив руку на эфес палаша и пиная носком ботфорта какую-то шишечку. Сугулая фигура возницы в эльфийском зеленом плаще всё так же располагалась на облучке, только мулы вели себя беспокойно: косились на Аркана и перебирали ногами.

— Ну что, поехали дальше? — спросил Рем и хлопнул эльфа по плечу.

Возница повернулся к парню и взглянул на него глазами чудовищной черноты, а потом провел по острым как кинжалы зубам раздвоенным змеиным языком.

Кубарем Аркан скатился с облучка, сбивая колени и локти. Перевернувшись несколько раз на земле и помяв себе ребра палашом, он вскочил и судорожным движением вытащил клинок из ножен.

А монстр уже встал в полный рост, отбросил окровавленный плащ несчастного возницы, и проговорил:

— Айе, файса атайн! — и добавил уже по-людски: — Фангал передавал привет, человек!

Под плащом у чудовищного эльфа оказался превосходный доспех, покрытый диковинным орнаментом и эмалью зеленоватого оттенка. Аркановский взгляд зацепился за латные перчатки тонкой работы. Рем тряхнул головой: дурь какая — думать о трофеях, когда сама возможность прожить следующие несколько мгновений стоит под вопросом!

Эльф спрыгнул с повозки и одним плавным, красивым движением достал меч из ножен, которые крепились за спиной. Это был прекрасный клинок полуторной заточки, чуть изогнутый, с небольшой овальной гардой и длинной рукоятью, удобной для хвата обеими руками. По клинку змеился такой же необычный узор, как и на доспехах.

Рем выставил вперед палаш, почти прикоснувшись его острием к клинку врага. Большие сомнения вызывала способность трофейного популярского оружия выдержать удар шедевра эльфийских оружейников. И еще сильнее Рем сомневался в удачном для себя исходе поединка. Слишком много тренировочных боев он провел с Эадором, чтобы тешить себя иллюзиями по поводу своего мастерства как фехтовальщика. Поэтому...

— Я убью тебя, человек, — проговорил монстр и пошел по кругу, красиво, по-танцевальному переставляя ноги.

Жутко хотелось отереть липкий пот, который стекал со лба на самый кончик носа, и Рем попытался хотя бы сдуть мерзкую каплю, но тщетно.

— Твои кишки я развешаю по деревьям, а голову подброшу в лагерь вашего мерзкого сброда, который привел с собой дурашка Эадор... — враг явно наслаждался моментом, упиваясь собственным превосходством.

На его стороне был многолетний опыт и чудовищная сила и скорость. Он не сомневался в своей победе. Лезвием меча эльф провел по клинку Рема и облизал языком свои острые зубы.

А Рем вдруг вскрикнул громко и пронзительно:

— Оу!!! — и щелкнул острием палаша по клинку противника, сбивая его в сторону, и тут же без паузы, сделал длинный выпад в лицо эльфа.

Это был один из приемов, который Рем подсмотрел в Смарагде, когда работал в таверне. Во дворе тогда тренировались наемники, и старый седой усач с кучей шрамов противостоял высокому мощногрудому мужчине в вороненой кольчуге. Высокий выиграл два раунда боя тренировочными мечами, а потом старик проделал вот это: резкий щелчок кончиком меча плашмя, удар, сбивающий клинок противника в сторону. И высокий крепко получил по лбу, а потом ошарашенно тряс головой, а седоусый, посмеиваясь грозил ему узловатым пальцем.

Потом парень до одури отрабатывал этот щелчок на манекене. В мире было множество фехтовальщиков, которые владели клинком лучше молодого Аркана. Но то, что кто-то лучше тебя как фехтовальщик — это вовсе не повод подыхать.

Из рассеченного лба на лицо эльфа хлынула кровь, заливая глаза. Он замешкался на какие-то мгновенья. Рем отскочил в сторону, из рукава в ладонь скользнула гирька на тонкой прочной цепочке, свистнула в воздухе, подцепив опорную ногу противника... Рывок — и эльф грянулся на землю.

Аркан тут же оказался рядом и колол, колол палашом в ненавистную прекрасную харю, пока не опомнился и не отпрыгнул к возку.

— Не-е-ет, я уже ученый... Я сейчас не то, что тогда! — бормотал парень, предательски дрожащими руками доставая из повозки объемную склянку с горячим маслом. — Хрен вам, а не Рем Тиберий Аркан! Я, может, жить хочу... Сдохнуть оно когда-нибудь может и надо, но прямо сейчас вот слишком рано ещё... Не-не-не...

Приговаривая так, он облил тело грозного противника вязкой жидкостью, достал огниво и высек искру.

— М-мать! — ярко вспыхнувшее пламя опалило парню щетину, брови, ресницы и волосы, которые скрутились теперь дурацкими катышками.

В воздухе мерзко запахло.

— А это что-то новенькое! — тело эльфа сгорело дотла за какие-то несколько мгновений, только доспехи и клинок остались лежать в куче пепла, да еще какие-то металлические безделушки посверкивали на земле.

Немного поразмыслив, Рем собрал трофеи в большой мешок, положил его в повозку и взгромоздился на место возницы.

— Н-но, залетные! — взялся он за вожжи.

И мулы флегматично потрусили вперед.

А Рем Тиберий Аркан думал, что если в лесу окажутся еще враги, то помирать ему всё-таки придется.

Путь в город и возвращение в бригаду заняли сутки — так далеко ушли наёмники, подгоняемые бравым полковником Разором. Они успели отбить два нападения крупных стай странных волков, покрытых чешуей и миновать один из сожженных городков. До таинственных пещер, где притаилось зло, оставался один дневной переход — двадцать верст.

— Так что ты хотел сделать, чтобы Фангал напал на нас? — спросил Разор.

— Думаю, пока рано об этом говорить... Вдруг он и так нападет, без моих придумок? — Рему совсем не хотелось доводить дело до крайностей. — Вон, его воины бродят в нашем тылу и набрасываются на ни в чем не повинных квартирмейстеров...

— Это что, настолько плохой план? — глянул на него полковник, подняв бровь.

— Вот именно... А в чем, собственно, дело?

— Дело в том, что нас нагнал посланник от эльфийских Владык и привез вот это вот... Ценные указания, в общем, — полковник протянул Рему конверт с посланием.

Рем углубился в чтение. Письмо написано было хорошим староимперским языком, но шрифт был эльфийский — с завитушками и финтифлюшками, так что геометрические имперские литеры терялись во всем этом хаотичном великолепии. Прочитав текст, Рем поднял глаза на Разора:

— Что за название такое дурацкое — Лзаа?

Полковник пожал плечами:

— Название как название. На Востоке у орков и не такое бывает... Тут не в названии дело. Эта речушка — ключ ко всей операции.

— То есть вот так просто — уничтожаем два моста, у третьего держим оборону?

— Ну да. Видишь, Владыка пишет, что твари не переносят текучую воду. Мы запрем их на той стороне и дадим Доль Няде передышку.

Рем досадливо хмыкнул.

— Чего ты хмыкаешь-то? Думаешь — мне такое нравится? Торчать у тварей на виду невесть сколько и ждать с моря погоды... Я, между прочим, домой, в Империю хочу. Я так давно не видел маму! — заявил вдруг Разор.

Молодой Аркан ошарашенно поглядел на полковника и подумал, что раньше ему и в голову не приходило, что у Разора может быть где-то мама.

— Ну, излагай свой дерьмовый план маэстру Аркан, сам видишь, какие у нас радужные перспективы... —

поторопил парня Разор.

Рем развел руками:

— Ладно, ладно, пойдём, поглядим на карту, я изложу свои соображения... Но те два моста всё равно придется разрушить.

Компании пришлось разделиться. Полусотня Оливьера отправилась ломать мост выше по течению, Септимий со своими людьми — ниже. Эти отряды должны были, выполнив задание, срочно возвращаться к оставшемуся нетронутым центральному мосту. Разор во главе основных сил — отрядов Сухаря и Марка, перешли Лзаа по верхнему мосту и скорым маршем отправились выполнять задуманное командирами лиходейство. Между нижним и центральным мостом было пять верст, между центральным и верхним — семь. Бурная речка Лзаа практически полностью отрезала от внешнего мира обширную горную лесную долину, расположившуюся на ее левом берегу. Правый берег реки — со стороны Доль Наяда — представлял собой каменистые предгорья с невысокими холмами, довольно удобные для обороны. В левобережной долине, по версии эльфов, и проживало главное чудище, а Фангал отсюда отправлял своих приспешников творить злодейства.

В базовом лагере, у центрального моста, остались Рем, Микке, маэстру Цудечкис и другие бойцы: сводный отряд в три дюжины человек. Они работали как проклятые, таская камни и вбивая колья, укрепляя свою сторону моста. Скоро, скоро должен был начаться суший ад, если задумка удастся. А если не удастся, то ад обещал быть немного менее жарким, но более продолжительным по времени...

Рему удалось найти мастера-кожевника, который приладил новые застежки к эльфийскому доспеху. Кирасу, наручи и поножи пришлось отложить в обоз — предыдущий хозяин этого прекрасного снаряжения был несколько subtilнее Аркана. К помощи кузнеца Рем прибегнуть не решился — да и сомнительно, чтобы обычные горн, молот и наковальня одолели этот отливающий синевой диковинный металл. И эмаль с гравировкой жаль было портить — больно хорошо они сливались с окружающим лесом. Эльфийский клинок оказался также выше всяких похвал — даже непривычную овальную гарду можно было терпеть, учитывая качество трофейных латных перчаток, которые оказались как раз в пору. Тем не менее, меч тоже отправился в обоз — Рем подумал, что это будет отличный подарок для старшего брата.

Сначала Аркану было боязно примерять трофеи — мало ли осталась на них какая-то зараза органического или магического происхождения? Но, поразмыслив и прочитав по памяти нечто, похожее на литанию на освещение всякой вещи и накорябав на внутренней стороне перчаток охранительные стихиры, Рем решил, что огонь разобрался с отравой естественной, а молитвы — с противоестественной, и дальше носил перчатки без душевных терзаний. Тем более о чем-то подобном он мечтал с самого Низац Роск.

Он пошевелил пальцами, проверяя гибкость сочленений, и положил руку на эфес палаша. Работа по укреплению позиций была закончена, и теперь все проверяли оружие и снаряжение, поскольку враги могли появиться в любой момент. Марк и Септимий должны были уже разрушить мосты и торопиться обратно, на базу, но до их прибытия нужно было еще продержаться...

— Тянет паленым, знаете ли... — проговорил маэстру Цудечкис.

Штатный эскулап, покинув походный лазарет, не забыл захватить свой небольшой арбалет, и теперь, направив жало заряженной стрелы в сторону моста, принялся.

А Рем подумал, что скрывать уже нечего и сказал:

— Это Разор поджигает лес. Будет лесной пожар на той стороне.

Глаза маэстру Цудечкиса расширились, и было видно, что он сдерживает поток матерной брани, готовый сорваться с языка. Интеллигенция!

— Вы отдаете себе отчет, что натворили? — наконец выдавил он.

— Надеюсь, что да, — промолвил Аркан, и почесал затылок.

Металлический холод перчатки был не тем ощущением, которое он ожидал, и поэтому Рем поморщился.

— Сначала на нас попрут твари, и мы тут будем их убивать. А когда мы разделаемся с ними, то пойдём к пещерам и разберемся с тем чудищем, — проговорил он.

— А потом нас четвертуют эльфы, знаете ли... Или что они там делают с теми, кто сжигает деревья?

— Понятия не имею... В любом случае — в нашем контракте это не оговаривалось. Мы разбираемся с угрозой и едем домой, верно? И они нам в этом помогают. Мы договор подписали!

Цудечкис неодобрительно покачал головой:

— Поверить не могу, что Разор на это повелся! Такой здравомыслящий человек, при таких чинах и заслугах...

Рем глянул на него из-под полуприкрытых век и подумал, что доктор — тот еще жук, и хорошо бы его вывести на откровенный разговор за рюмочкой Ча...

— Вообще-то это была моя идея, — вслух сказал парень. — Поджечь лес и выманить их всех сюда. Зачем принимать бой на их условиях? Пускай они приходят к нам... Зажатые между огнем и горами они просто вынуждены будут направиться к единственному уцелевшему мосту. Твари не любят текучей воды, так ведь было написано в письме?

Цудечкис всматривался в чащу леса на другой стороне.

— Вы хотели, чтобы они пришли? Ну так вот вам, пожалуйста... — буркнул он и, развернувшись, пошел в сторону лазарета.

Неправильные, искривленные фигуры замелькали на другой стороне реки, в дымной мгле, и, одна за одной, двинулись к мосту. Фоморы! Несимметрично дергаясь, силуэты выходили из лесной чащи, и движение это завораживало и притягивало взоры.

— К оружию! — закричал Микке зычным голосом, и, взмахнув знаменем, установил его на возвышении и приготовился защищать стяг, сжимая в руках свой внушительных размеров топор.

Наемники занимали посты на только что сооруженной баррикаде. Укрепление получилось солидным: высотой в человеческий рост, сооруженное из мешков с землей и острых деревянных кольев, связанных в «ежи». Молодой Аркан внёс свою лепту — земля у самого моста была усеяна металлическими рогульками, да и сам мост тоже: только небольшая дорожка у правого ограждения оставалась свободной. Рем очень рассчитывал на эти дьявольские шпучки, которые как ни кинь — всё равно один из острых шипов будет торчать вверх, угрожая конечностям противника серьезными травмами.

Маэстру Цудечкис тоже скрылся за баррикадой. Несмотря на ограниченное количество луков и арбалетов, основной упор делался всё-таки на метательное оружие. Всем был памятен опыт борьбы с пиратами на Хотгобе, и отказываться от преимуществ, которые дает дистанционный бой, наемники не собирались. У них были пращи и дротики, которые должны были доставить проблем атакующим, если фоморы догадаются просто взять и начать собирать рогульки с моста.

Рем никак не мог заставить себя перестать смотреть на врага, и скрыться за укреплениями. Что-то неправильное было в движении фоморов на другой стороне реки, и в голове знакомо саднило, заставляя морщиться и тереть виски.

— Давай, Рем! Давай к нам! — кричали наемники. — Не дури!

— Сейчас! — отмахнулся он, и вдруг схватился за грудь — клеймо ожгло огнем.

Там, за рекой, фоморы составили фантазмагорический хоровод, и двинулись по кругу, в молчании размахивая руками... Лапами? Верхними конечностями...

Насколько Рем мог разглядеть — внутри большого круга из ломаных фигур был еще один — поменьше, и еще — самый маленький. Фоморы ускорили свою странную пляску, раздавался неясный гул, на самом крае слышимости и сквозь головную боль Аркан понял, что это — пение. Зловещая, чуждая песнь заполняла собой пространство, делая воздух вязким, а мысли — тягучими и медленными. Веки тяжелели и сознание мутнело...

— *Не отвори лица Твоего от меня, и не уклонись в горести от чада Твоего. Будь мне помощником, не отринь меня и не оставь меня, Боже, Творец миров!* — прохрипел Рем, и вдруг разжались стальные кольца, давившие на разум и легче стало дышать.

И близко, в каких-нибудь пяти шагах оказалась фигура фомора, с неестественно длинной и мускулистой правой рукой и маленькой, рудиментарной — левой. Рем оглянулся и сердце дрогнуло: соратники замерли в странной каталепсии, застыв на своих постах. Даже знамя компании не трепетало на ветру, и не опало, а осталось в полуразвернутом состоянии, изогнувшись крупными складками.

— Именем Бога — Творца миров, Владыки Света и Огня... — Рем Тиберий Аркан с лязганьем потянул палац из ножен и двинулся навстречу фомору. — Нет тебе дороги на этот берег, темная тварь!

Фомор был чертовски страшен. Вся его фигура выражала собой двойственность: одна рука гипертрофированная, вторая — рудиментарная. Половина головы — покрыта жестким длинным волосом, другая — лысая и гладкая... Один глаз был больше другого, уши отсутствовали... Гротескное и ужасное зрелище! Рем, внутренне содрогаясь, ринулся на него, поднырнул под мощный взмах сильной конечности, ткнул в район подмышки и резким ударом плеча в грудину толкнул фомора прямо на рогульки. Явно не ожидавший от Аркана активных действий враг рухнул и из его глотки вырвался вопль боли и отчаяния — несколько шипов вонзились в уродливое тело. Фомор вскочил, засадив себе в ступню еще один шип и, видимо, одурев от боли, метнулся в сторону и, ударившись о перила, не сумел удержать равновесие, и сверзился вниз, в реку.

А Рем уже наметил себе следующего: уродца с огромным туловищем и короткими ногами. В два прыжка Аркан преодолел разделяющее их расстояние и, сжимая рукоять палаша обеими руками, обрушил удар на голову фомора. Враг попытался уклониться, но мелкие ножки не дали сделать это достаточно быстро, и кончик палаша раскроил ему череп, черная кровь полилась на объемное пузо, прикрытое какими-то лохмотьями. Рем ткнул в это пузо, провернув клинок в ране, и пинком ноги отпихнул фомора назад, снимая его с палаша.

Какими-то остатками разума темные осознали, что на Аркана не подействовали их песни и пляски, и теперь стремительно приближались, желая сожрать неудобного противника. Твари даже попытались обойти усеянный рогулками участок, и сгрудились на узкой дорожке, предоставляя возможность Рему расправиться с ними по очереди. Расправа не была бескровной — какой-то фомор, предположительно женского пола, своими непомерно

длинными ногтями располосовала Аркану левое плечо, через мгновение погибнув под ударом клинка.

Самые сообразительные враги начали потихоньку сдвигать рогульки в сторону, а кое-кто принялся собирать их, и Рем понимал, что если его товарищи не очнутся, то ему несдобровать. Он остервенело рубил и колол, шаг за шагом отступая, и прикончил еще четверых или пятерых. Фоморы были для него идеальным противником: тупые, прямолинейные, безоружные, в бою полагающиеся на свои очевидные физиологические преимущества... Когда очередной противник был повержен, Аркан тут же цеплялся взглядом за следующего уродца, выискивал у него уязвимые места, и жалил клинком, постепенно отступая.

Фоморы — потомки проклятых темных племен, с которыми сражались еще первые люди... Их остатки сохранились в самых глухих и забытых Богом уголках, и всякий раз, когда наступали плохие времена, они выползали из своих логовищ и творили мерзости. Они похищали женщин и детей, и утаскивали в свои норы, пожирали плоть поверженных врагов и грабили поселения, оскверняя их и предаваясь бессмысленному разрушению. Кем были их предки? Орками? Эльфами? Гномами? Или это был другой народ, изменившийся и деградировавший под воздействием неведомых сил? Рем не знал этого, но тысячелетняя ненависть имперцев к исконному врагу напитывала его мышцы силой, и заставляла вновь и вновь поднимать клинок, и обрушивать его на неприятеля.

Фоморы не договаривались, не учились, не старались понять людей, пришедших на Ковчехах. Они просто приходили — и пытались употребить себе на пользу всё, что сделано было рукой человеческой. Поля, виноградники, домашняя скотина, сами люди — всё это было только средством для удовлетворения потребностей. Не раз и не два владыки людей пытались договориться с темными племенами, определить границы, предложить компенсацию, но... Натыкались на алчные раззявленные рты, оскаленные зубы и море злости. При этом было доподлинно известно, что фоморы не являются животными или первобытными дикарями. Они строили жилища, создавали одежду и орудия труда, у них была социальная иерархия, и религия, тесно переплетенная с магией...

Рем Тиберий Аркан и подумать не мог, что ему придется столкнуться в бою с таким противником! И всё-таки — через короткое время парню начало казаться, что он понял, как нужно сражаться, чтобы побеждать раз за разом. Аркан длинным выпадам поразил единственный глаз низкорослого фомора с мощными короткими руками, выдернул палаш и отстранился, боясь быть залитым черной жижой, которая хлынула из раны. В этот момент другой фомор — обладатель мощных ног, прыгнул через головы своих соплеменников и обрушился на Рема сверху, сбив на землю. Парень, ошеломленный и оглушенный, только и смог перекатиться в сторону, чтобы не быть затоптанным.

Он оказался у самой баррикады, и отступать дальше было некуда. Рем увидел, как напряглись нижние конечности прыгуна, и подумал, что не успеет дотянуться до выпавшего из рук палаша, и приготовился к смерти. Вдруг огромного размера топор, вращаясь и с гулом рассекая воздух, прилетел прямо в грудную клетку фомора, с хрустом врубившись в плоть твари.

— Ру-уку! Ру-уку да-авай! — из-за баррикады показался Микке, протягивающий ладонь Аркану.

Тот не стал мешкать и вцепился в могучую длань северянина, и был втянут под защиту мешков с песком и деревянных ежей. Он глянул на Микке и увидел, что у того носом шла кровь, заливая подбородок и грудь, а глаза были шальные. Северянин очнулся первым, и, похоже, чувствовал себя не лучшим образом. Остальные тоже постепенно приходили в себя: у многих шла кровь из носа и ушей, кто-то блевал, стоя на карачках, а маэстру Цудечкис кашлял и хватал воздух ртом как рыба, опираясь на подпорку шатра, выполнявшего роль лазарета.

— Оружие! — просипел Рем, и Микке сунул ему в руки пару дротиков, и сам вооружился также.

Не Бог весть что, но приступ нужно было отбивать, и Рем с размаху воткнул наконечник своего дротика в шестипалую лапищу, уцепившуюся за край баррикады.

Большая часть наемников восстановила относительную боеспособность. Защелкали тетивы луков и арбалетов. На мост, в наступающих фоморов, полетели камни и дротики. «Должны отбиться!» — подумал Рем, глядя на то, как одна за другой падают несуразные фигуры.

Думать времени не было: драка за баррикаду была кровавой и злой, фоморы наступали непрерывно, теряя десятки бойцов еще на подходе, под обстрелом, но кое-кто добегал до людей и яростью своей пытался одолеть человеческое упорство. В какой-то момент почти дюжина крепкотелых дикарей добралась до подножия баррикады. Они, помогая друг другу, вскарабкались на укрепление и вступили в бой с людьми, отвлекая наемников от товарищей, оставшихся внизу. Гибель фоморов под градом ударов была не напрасной: их огромный соплеменник исполинскими ручищами уцепился в один из мешков с землей и потянул на себя, стараясь обрушить всю баррикаду. Опасность заметили, и несколько дротиков пронзили его бочкообразное туловище, но поздно!

Под торжествующие вопли темных баррикада осыпалась бесформенной грудой!

— В строй! В строй!!! — закричал Рем, размахивая подобранным где-то коротким мечом.

Наемники отступили от баррикады к лазарету, сплотив ряды, чтобы защитить раненых, которых к этому моменту было уже немало. Потеря баррикады была катастрофой — никто не ожидал от дикарей такого напора! Но и сдаваться люди не собирались.

Выдвинулись вперед щитоносцы, копейщики поудобнее перехватили древки пик, в тылу лучники и пращники разбирали стрелы и камни. Рем видел, как фоморы один за другим пересекают мост, накапливаясь у баррикады и готовясь к решительному натиску. Левый рукав камзола набухал кровью от нанесенной когтистой бестией раны, но на это совсем не было времени!

— Ну что, друзья! — крикнул Рем. — Спихнем тварей в реку? Давай-давай!!!

— Хоп!!! — откликнулись наемники, и в тот момент, когда фоморы ринулись через обломки баррикады, небольшой отряд людей качнулся вперед.

Может быть, они бы и погибли в этом героическом и достойном легенд порыве... А может быть горстке наемников и удалось бы преодолеть темную силу фоморов... Но в тот момент, когда строй людей единым тараном ударил толпу чудовищ, за их спинами зазвучали голоса и мерный топот десятков сапог.

Лора, Лора,

Как прекрасны,

Девы в юные года!

Лора, Лора, Лора, Лора, —

Везде, везде их красота!

Грубые глотки выводили романтические куплеты про дочь лесника — эту старую боевую песню ландскнехтов Запада, и восторгу Рема не было предела! Это пришла полусотня Оливьера, в которой как раз служили выходцы из западных провинций... Так уж получилось, что даже внутри небольшой вольной компании люди предпочитали служить с земляками и единоверцами — и никто им не препятствовал.

Ребята Оливьера во главе с ухарем-купцом ломанули всей силой с ходу, и плечом к плечу с защитниками баррикады расправились со всеми фоморами на этой стороне реки, а потом мясорубкой прошли по мосту.

— Нужно прикончить тех уродов на опушке! — прокричал Рем, надеясь, что Микке и Оливьер его услышали.

На холме, шагах в пятидесяти от моста, у самой кромки леса, размахивали руками несколько тощих и длинноруких фоморов. Лица их были замотаны какими-то тряпками, и воздух вокруг дикого хоровода дрожал в странном мареве.

Купец с хеканьем швырнул дротик в спину убежавшему врагу, тяжелой трусцой подбежал к Рему и сказал:

— Я туда не полезу.

Аркан согласно кивнул. Да, фоморы были разгромлены и почти полностью перебиты. Но, ощутив на себе лихое колдовство темных тварей, никому не хотелось повторять такой опыт второй раз.

— Мо-ожет просто сождем их к че-ортовой ма-атери? — спросил Микке, как обычно в минуты волнения растягивая слова. — Ес-сли вы подержите зна-амя, я добро-ошу бутылку!

Рем с Оливьером оба потянулись к древку стяга. Рем хмыкнул и уступил старшему товарищу, а северянин кивнул и сказал:

— Я-а сбе-егаю в ла-агерь, — и умчался по мосту на другой берег.

Наемники отрезали холм от опушки леса, выстроившись в два ряда спиной к спине. Конечно, было страшно: мало ли что утворят темные колдуны? Но, с другой стороны, грозный противник был разгромлен! Из нескольких сотен фоморов в живых осталось не больше двух дюжин, да и те сейчас бежали куда-то в лес... Скорее всего — к своей гибели, на встречу полосе разгоравшегося пожара!

— Ветерок поднимается... — пробормотал Оливьер, сплюнув под ноги.

Ветер действительно набирал силу, таская по опушке листья и мелкие палочки. Рем с подозрением глянул на холм:

— Не эти ли уроды нам подгадить хотят?

Фигуры на холме синхронизировались и действительно шевелили руками в такт порывам ветра.

— Стрелки! — крикнул Оливьер, и наемники, имевшие дальнобойное оружие, отложили копья и щиты, взявшись за другие орудия убийства.

Пращники раскручивали ремни, лучники и арбалетчики натягивали тетивы. Ветер поднимался, а Микке всё не было.

— Залп! — крикнул Оливьер и почти два десятка смертоносных гостинцев устремились к вершине холма...

— Вот же дьявольщина! — выругался Рем.

Почти все стрелы были снесены особенно мощным порывом ветра, а камни из пращей явно потеряли свою убийственную мощь и, даже достигнув цели, не нанесли фоморам особенного вреда.

— За-алп! — злобно выкрикнул Оливьер, и очередная порция снарядов устремилась на холм, и снова безрезультатно.

Наемникам оставалось только материться и плевать. Подниматься на холм не хотелось никому. Рем тоже не горел таким желанием, тем более в висках ломило и трещало, как после долгой пьянки с некачественным алкоголем.

Наконец прибежал Микке с кожаной сумкой, полной банок и склянок. Следом за ним семенил маэстру Цудечкис. Точнее, только казалось, что семенил: он ведь поспевал за северянином, который мчался просто гигантскими скачками!

Приготовив солидных размеров колбу, северянин зубами вытащил пробку, вкрутил тряпичный фитиль, смоченный ворванью, и растерянно завертел головой, раздумывая, как бы поджечь свой метательный снаряд.

— Хорошо, когда рядом есть ортодокс! — хмыкнул Рем и щелкнул огнивом.

Фитиль занялся дымным пламенем.

— погоди! — сказал Оливьер, и обернулся к лучникам: — Ребята, по команде...

После команды «Залп!» стрелы отправились в полет к холму, и Микке, разбежавшись, швырнул следом свою колбу. Рем видел, как напряглись могучие мускулы северянина и вздулись вены на руке. Колба летела, вращаясь в воздухе, от фитиля разлетались горящие капли... Наконец она рухнула под ноги фоморам. вспыхнуло пламя, струи огня брызнули во все стороны...

— Впе-сред! — заорал Рем и ринулся по склону холма, глядя на мечущиеся несуразные фигуры темных тварей, которые пытались сбить пламя, размахивая руками.

Несколько человек из защитников баррикады, переполненные ненавистью к фоморам, устремились за ним, и вскоре достигли вершины. Рем наотмашь рубанул мечом фигуру в горящем одеянии, свалив врага наземь. Для верности Аркан ткнул клинком еще раз и чуть не выронил оружие от приступа головной боли!

— Черт бы побрал... — начал он, но фомор дернулся в последний раз и затих, и боль тут же отпустила.

Рем успел расправиться с еще одним врагом, мощным ударом по шее прекратив его жизненный путь, а там и наемники добились оставшихся, стащили тела в кучу, облили ворванью из склянок и подожгли.

— Так оно вернее будет, — поморщившись от расплзающейся в воздухе вони, сказал молодой Аркан. — Нужно убираться отсюда и идти на встречу с нашими. Разор должен был уже объявиться, да и от Септимия ни слуху ни духу...

Разор объявился через полчаса, приведя своё закопченное и провонявшее дымом войско как раз в тот момент, когда Микке, Оливьер и маэстру Цудечкис до хрипоты спорили о дальнейших действиях, а Рем пытался провести инвентаризацию оставшегося имущества.

— Вы тут неплохо поработали, как я погляжу! — одобрительно кивнул бравый полковник. — Горы трупов на том берегу — замечательно, просто замечательно! Нам тоже пришлось пустить в ход клинки — после пожара твари обезумели, бросались на нас со всех сторон... Лоси, олени, волки, кабаны — все с этими чертовыми щупальцами... Мы потеряли дюжину бойцов...

Рем набрал побольше воздуха, чтобы доложить о потерях, оставшемся исправном имуществе и ситуации в целом, но маэстру Цудечкис опередил его:

— Полковник, вы знаете с кем нам пришлось сражаться? Это фоморы, знаете ли! Настоящие фоморы! Они вышли на нас пару часов назад и чуть не сожрали, если бы не этот юноша... — лекарь указал на Рема. — Вы вообще отдавали себе отчет, что делаете, когда поджигали лес? Что сделают с нами Светлые Владыки? — лекарь размахивал руками и тараторил, что было ему в общем-то несвойственно.

Разор снял шлем-морион и пригладил волосы. Он хмуро взглянул на маэстру Цудечкиса, потом оглядел стоящих вокруг людей и проговорил:

— Мы должны довести начатое до конца. Чудища будут уничтожены, а мы отправимся домой. Так что сворачивайте лагерь... И вот что, Оливьер... Пусть несколько человек займутся мостом. Его нужно уничтожить. Есть мнение что Септимий провалил задачу и теперь мы отправимся к нему на выручку... Нужно обезопасить тылы.

Маэстру Цудечкис на время поумерил пыл, отвлекшись на перевязку раненых, но было видно, что возмущение переполняет его, и почтенный лекарь только и ждет подходящего момента, чтобы наброситься на Разора с новыми обвинениями.

Рем испытывал странные чувства, пока маэстру Цудечкис бинтовал и дезинфицировал ему раненое плечо. С одной стороны — лесной пожар был его идеей. Это было очень по-аркановски: если у вас вши — нечего терять время и деньги на дорогие снадобья, просто побрейтесь налысо. И побрейте всю свою семью и домочадцев, включая лиц женского пола, которые только что приехали из пансионата и вшами заразиться никак не могли... Аркан хмыкнул, вспоминая эту историю, и скандал, который закатила его младшая сестра — Селена. С другой стороны — округа страдала от тифа, и только в замке Аркан не оказалось ни одного заболевшего...

Так что огонь, который заставил фоморов выйти из лесу — это было весьма эффективно. План в целом сработал, и позволил отряду Разора истребить порченных тьмой зверей, а защитникам баррикады и людям Оливьера — расправиться с фоморами. Это с одной стороны.

С другой стороны — темное колдовство фоморов чуть не прикончило наемников, парализовав их волю. И оборона моста могла превратиться в трагедию, которую бы не исправила и полусотня Оливьера. Если бы на этот берег перебралось достаточное количество тварей — они бы смели несколько десятков людей и сожрали бы их тела...

И Септимий, от которого не было ни слуху, ни духу... Рем подозревал, что виной тому чудовищные эльфы Фангала, которые до сих пор не проявляли себя, за исключением нападения на Аркана в дороге.

— Мы должны выступить немедленно! — заявил Разор, прохаживаясь взад-вперед меж рядами сидящих прямо на земле и камнях уставших бойцов. — Септимий и его люди в беде, я чувствую это! Мы оставим здесь десяток воинов, и лазарет, и всех легкораненых, слышите, маэстру Цудечкис? Вы разрушите мост, приведете себя в порядок и двинитесь за нами!

Полковника услышали. Рему пришлось руководить работой по разрушению моста, он ведь тоже был ранен, и поэтому оставался с лазаретом. А Разор увел бригадную колонну по петляющей вдоль скалистого берега тропе, и на сей раз никто не пел — просто переставляли ноги как можно быстрее, стремясь успеть к своим.

Вооружившись кирками и ломом, десяток людей кромсали камень моста. Рем тоже участвовал в меру сил — перебинтованная левая рука доставляла некоторые неудобства. Он как раз расшатывал здоровенную глыбу ломом, когда сзади подошел маэстру Цудечкис.

— И давно это у тебя? — спросил лекарь.

— Что — это? — не понял молодой Аркан.

— Иммунитет к магии.

Аркан отпустил лом и уставился на доктора. Тот схватился за свою бородку и держал ее так, будто боялся, что ее унесет ветром.

— Еще раз — что вы сказали?

— У тебя иммунитет к магии, знаешь ли. Когда нас всех парализовало после вокальных экзерциций фоморских

колдунов, ты один остался на ногах и сражался. Давно это у тебя?

— Э-э-э... Ну, мне не особенно часто приходилось сталкиваться с магией, чтобы проводить сейчас анализ и дать вам точные данные...

— И тем не менее...

— Ну, когда мы жгли первый остров на Низац Роск — там было что-то похожее. Мне удалось швырнуть в колдуна факел... Неплохо получилось, кстати. И потом, с этим спрутом... Но как бы вам это сказать, маэстру Цудечкис...

— Как-нибудь уж скажи, друг мой Рем! Изволь объяснить!

— Ну, я молился. Произносил строчки из Писания...

— Правда? — скептически хмыкнул лекарь.

— И там, на Низац Роск... Там еще несколько человек не поддались воздействию колдуна. И знаете что?

— Что?

— Они все были ортодоксами. Хорошими ребятами, гребцами с корабля Красного Дэна. Кажется их было трое, и все втроем они погибли, когда мы штурмовали чертов Сэн Ракё...

— Ты думаешь, тут есть связь?

Рем глянул в глаза лекарю и решительно кивнул:

— Вне всякого сомнения, маэстру Цудечкис. Самая непосредственная.

Он надавил на лом и камень с хрустом подался, шевельнулся и полетел вниз, с гулким бульканьем рухнув в воды речки Лзаа.

С работой было покончено часа через три — целый пролет моста был разрушен, и для того, чтобы преодолеть реку теперь нужно было сооружать что-то вроде настила — длиной не меньше трех человеческих ростов. А с материалом для такого приспособления на той стороне реки намечались серьезные проблемы: лес полыхал, и гарью воняло весьма ощутимо. Ветер доносил жаркие, сухие порывы. Судя по всему, скоро огонь должен был добраться до опушки.

— Сворачиваемся! Двигаемся к Разору, если закончили! — прокричал Цудечкис.

Рем и другие наемники, разрушавшие мост, собрали инструмент и помогли уложить тяжелораненых на носилки. Вдруг Аркан напрягся, и потянулся за клинком: ему послышался цокот копыт по каменистой почве.

— К оружию! — крикнул он, и бойцы приготовились к бою.

Из-за невысоких холмов показался одинокий всадник — явно эльф. Рем напрягся, но через какие-то несколько мгновений опустил меч: он узнал Эадора.

Эльф лихо остановил коня прямо у лазарета и грациозным движением спрыгнул на землю.

— Эп арсе!!! — только и смог сказать Эадор, глядя на разрушенный мост, горы трупов на другом берегу и черный дым над лесом. — Милостивые государи люди, а что здесь происходило?

Рем растерянно развел руками:

— Мы просто делали свою работу...

Эадор покачал головой:

— Мне нужны подробности, друг мой... Владыка спросит с меня, ты же понимаешь...

— Если желаешь подробностей — можешь присоединиться к нам на марше. Мы выдвигаемся на соединение с бригадой, и твоя лошадка нам очень поможет в перевозке раненых, если ты не против...

— Моя?... — эльф посмотрел на своего скакуна, потом на Рема, потом — на окружающие его мрачные реалии и обреченно махнул рукой: — Пусть поможет...

Дорога к последнему мосту заняла почти три часа: обоз и раненые не способствуют движению ускоренным маршем. Тропа была истоптана сапогами бригады, поэтому Рем не сомневался, что движутся они в правильном направлении. Эадор, идущий рядом, всё больше помалкивал, только косился на Аркана и вздыхал задумчиво.

— Ну чего ты вздыхаешь-то? — не выдержал парень. — Работу мы выполняем, вон сколько фоморов положили, да и Разор сказал, что они проредили поголовье испоганенного зверья... Сейчас вот к последнему мосту выйдем, и у Фангала не будет другого выхода кроме как ввязаться с нами в драку! Мы и его прижмем, дай Бог только вынудить его принять бой на наших условиях.

Эльф печально посмотрел на Рема своими красивыми миндалевидными глазами.

— Как вы относитесь к тем, кто убивает котят? — спросил он.

— Убивает кого? — Рем вытаращился на Эадора. — Тьфу на тебя, какие котята? При чем тут вообще котята? У вас что, других аналогий нет? У одного — младенцы, у второго — котята...

— Это ведь вы устроили лесной пожар? — полуутвердительно проговорил эльф.

Рем замолчал на несколько мгновений, обдумывая ответ, а потом остановился, нахмурился и угрюмо глядя себе под ноги заявил:

— Знаешь, Эадор... Если бы вся моя семья заразилась смертельной болезнью, и лекарство можно было бы

добыть, убивая котят — я бы сделал это. Собрал всех чертовых котят в радиусе ста верст и вылечил бы свою семью! Да что там семья... Мне жизнь одного человеческого ребенка важнее жизнью ста тысяч этих твоих котят, вот что я тебе скажу!

Эльф отшатнулся от него как от прокаженного, но потом совладал с собой и просто что-то прошептал, едва шевеля губами.

Рем сначала хотел сдержаться, но все-таки спросил:

— Что ты там шепчешь?

— Вы люди. Не эльфы. Глупо было бы удивляться.

Аркан мог бы начать объяснять ему что люди — они очень разные, и, например, лично он знает несколько молодых аристократичных особ, устроивших приюты для старых скаковых лошадей, и охотничьих собак, которые не могли больше продолжать службу. При этом эти особы плевать хотели, что в деревнях их арендаторов дети умирают в младенческом возрасте от отсутствия элементарной медицинской помощи, а смертность женщин при родах составляет тридцать процентов... Мог бы, но вовремя сдержался, потому что понял, что сорвется на крик и патетические речи. А пафосные тирады — это явно не то, что сейчас хочется слушать людям на марше.

Рем положил руку на плечо эльфа и серьезно проговорил:

— Эадор, пообещай мне что мы вернемся к этому разговору, когда наш контракт будет исполнен.

Эльф как-то растерянно пожал плечами, но потом кивнул:

— Айе, друг мой Рем. Побеседуем.

Округа воняла смертью. Наемники носили части тел своих погибших товарищей и складывали их в спешно выкопанные рвы. Похоронить полсотни мертвецов — не такое сложное дело для полутора сотен живых сильных мужчин... Но это в том случае, если эти тела не нужно собирать по кусочкам на участке земли площадью в два или три гектара...

— Что здесь произошло? — спросил маэстру Цудечкис на импровизированном военном совете, который собрал Разор под раскидистым платаном.

Местные холмы имели кое-какую зеленую поросль, в том числе и редкие деревья, которые сумели вцепиться корнями и выжать питательные соки из скудной каменистой почвы.

Полковник стоял под сенью бригадного знамени с красным черепом, и лицо его было подобно каменной маске. Ни одна эмоция не могла прорваться через это мертвенное спокойствие.

— Наши товарищи зверски убиты. Вся полусотня Септимия. Их застали врасплох, или заманили в засаду...

— И что мы теперь будем делать? — задал дурацкий вопрос доктор.

А может он и не был таким дурачком. Он крутился у всех в головах, просто озвучил его именно маэстру Цудечкис. Наемники, бывшие мятежные гребцы и рабы, уже привыкли ощущать себя умелыми воинами, грозной силой, которую на так-то просто сломить, и потери такого огромного числа соратников серьезно подкосили эту уверенность.

— Мы останемся здесь и убьем чертовых тварей. Они сунутся к другим мостам, утрутся, и вернуться сюда. А мы будем их ждать! — сказал Разор.

А Рем подумал, что, видимо, придется ему дезертировать. По крайней мере, на какое-то время.

Обязанности каптенармуса никуда не делись, так что пришлось молодому Аркану побегать со взмыленной холкой, участвуя в устройстве лагеря. Как накормить полторы сотни человек, не разводя костров? И это учитывая хитрую дислокацию наемного войска — Разор разместил отряды в ложбинах между холмами, скрытно. Задача нетривиальная, а решать ее приходилось тут же, на месте. И одновременно обдумывать план побега.

А как еще это назвать? Рем Тиберий Аркан надумал среди ночи покинуть своих товарищей на поле битвы, оставить их тут сражаться с чудовищными эльфами Фангала и скрыться в темном лесу. Дезертирство чистой воды!

Пытаться убедить в своей правоте Разора даже не стоило. У того порядок и дисциплина всегда — на первом месте. А то, что задумал Аркан явно было авантюрой, и, скорее всего, самоубийственной. Единственным аргументом за реализацию сумасбродного плана была пресловутая аркановская “чуйка”. Рем знал, что поступает правильно, и был намерен идти до конца.

Оставалось зерно сомнения — справятся ли здесь товарищи без него? Но он тут же отбросил такие мысли. Тоже мне, великий воин нашелся! Эадор, Микке, Оливьер и, конечно, Разор при желании размажут его в тонкий блин. Вот это — бойцы хоть куда. А умение вовремя оттоптать врагу ноги или сыпануть песку в глаза — это как раз может пригодиться не в свалке рукопашного сражения, а в том деле, которое задумал молодой Аркан.

Когда на лагерь опустилась ночь, и на ногах остались одни часовые, Рем откинул полог палатки и замер, осматриваясь и прислушиваясь. Заплечный мешок врезался в ключицы лямками, пояс оттягивал тяжелый палаш... Запас факелов и бутыл с ворванью, вяленое мясо, сухари и фляга вина, разбавленного водой — Аркан понятия не имел, что еще ему может пригодиться в задуманном им деле. Крепкая веревка, нож, огниво, какие-то мелочи — это

всегда было с собой. Оглядев палатку, Рем отбросил сомнения — брать целый арсенал, или что-то на случай ночевки в лесу — неразумно. Или совсем скоро всё закончится, или он будет трупом.

Тихонько вздохнув, парень задвинул за собой полог и, пригнувшись, короткими перебежками двинул прочь из лагеря. Он прекрасно знал схему караулов, и потому легко добрался до моста через речку со странным названием Лзаа.

Здесь тоже был караул — бойцы скрытно наблюдали за противоположным берегом, чтобы никто внезапно не пересек мост. Это были ребята с Запада, из полусотни Оливьера — купец их здорово вымуштровал, такие не задремлют и не отвлекутся. Но и пост свой не покинут. Поэтому Рем подкрался как можно ближе к берегу, а потом встал в полный рост и припустил во весь дух по мосту, топоча сапогами по камням.

— Э-э-э-э, куда-а! Сто-ой! — заорал один из часовых, но второй, видимо, быстро заткнул ему рот — мало того, что упустили беглеца, так еще и обнаружили свое присутствие!

Оливьер за такое по головке не погладит.

А Рем бежал по мосту и молился, чтобы рассуждения Разора оказались правдой, и Фангал со своими уродами находился сейчас где-нибудь в районе одного из разрушенных наемниками мостов. Потому что в любом ином случае молодого Аркана на той стороне ждала или стрела в пузо, или клинок под ребра.

Ощутимо пахло гарью — лесной пожар на той стороне и не думал утихать. Каким образом в этом аду выживают эльфы Фангала — Рем и понятия не имел. Но надеялся, что они хорошенько поджарятся!

Для себя он нашел подходящее укрытие: все три моста строились по типовому проекту, и у Аркана был шанс хорошенько изучить один из них — он ведь руководил его разрушением!

Так вот, под мостом, на обеих берегах, была небольшая площадочка, примерно три локтя в ширину. Для чего эти площадки предназначались — известно только строителям мостов, но Рем, обследовав их, нашел пару массивных металлических колец, которые были закреплены на штырях, вбитых в основание. Наверное, эти кольца нужны были, чтобы крепить веревки или тросы, во время профилактических осмотров мостов рабочими.

На этой площадочке Аркан и надеялся пересидеть атаку эльфов Фангала, чтобы беспрепятственно двинуться дальше. Что будет, если лесной пожар к тому времени не утихнет, он предпочитал не думать.

Первые лучи солнца окрасили розовым цветом воды речушки Лзаа, и через секунду на чужом берегу послышался топот копыт, конское ржание и побрякивание амуниции. Враги особенно не скрывались. И с чего бы? Они разделались с полусотней Септимия, а разрушенные мосты должны были навести их на мысли о боязливых людишках, которые стремятся избежать схватки.

Рем в своем убежище скорчился, обняв руками колени и накрывшись плащом. На данный момент ему хотелось стать как можно меньше, чтобы чертovy эльфы его не заметили. Как будто они могли рассмотреть его сквозь серый камень моста!

Вражеский отряд приближался, слышался разговор по-эльфийски с характерным шипящим пришептыванием — особенности мутировавшего речевого аппарата давали о себе знать. Рем немного подтянул свое знание языка тьялери за время общения с Эадором, и потому смог понять, что враги радуются тому, что хотя бы этот мост уцелел.

Не без злорадства Аркан подумал о карауле на той стороне — эти точно не проспят! Тварям уже готовится жаркая встреча. А он, Рем, в этой встрече не поучаствует. Есть дело поважнее.

Дождавшись, когда топот над головой утихнет и мост перестанет содрогаться под шагами неприятеля, Рем Тиберий Аркан выглянул наружу. Не было видно ни души.

Подтянувшись на руках, он выбрался на берег и трусцой побежал в сторону обугленного леса. От запаха гари першило в горле, тут и там еще тлели угли и багрянцем поблескивали искры. Вообще-то лесные пожары длятся не день и не два, если их не тушить... А этот — глянь-ка, прекратился за неполные сутки. Что-то с этим лесом было нечисто.

С другой стороны — это был эльфийский лес, по крайней мере раньше, и какое чародейство остроухие применяли для охраны своих зеленых угодий — одному Богу известно.

Путь предстоял неблизкий, и поэтому Рем старался беречь дыхание. Как в военном лагере все дороги ведут к Форум Игнис, так и в этом лесу было заметно общее подчинение тропинок и дорожек одной системе: радиально сужаясь они направляли шаги путника к серой глыбе одинокой горы, стоящей посреди долины.

Сначала Рем опасался, что ему придется многие версты добираться до отрогов гор, виднеющихся на горизонте, но потом понял — его цель именно там, внутри этой мрачной возвышенности.

Ни одного монстра, фомора или измененного чудовищной магией эльфа молодому Аркану на пути не попадалось. Либо ребята Разора хорошо поработали здесь во время рейда, либо пожар сделал свое дело... А может быть, они все сейчас были вместе с Фангалом — штурмовали позиции вольной компании. Рем с ужасом подумал, каково это — вернуться и найти там то же, что случилось с полусотней Септимия.

Он прошагал около четырех верст по безжизненному лесу, и гора уже была совсем близко, когда наконец

услышал нечто, отличающееся от поскрипывания обгорелых ветвей и хруста углей под ногами. Это было что-то среднее между мяуканьем котенка и повизгиванием поросят. И этот звук раздавался где-то впереди, явно на пути к цели аркановского похода.

Рем вынул палаш из ножен и осторожно зашагал вперед. Пробираясь между обгорелыми стволами деревьев, он вышел на опушку и замер.

Его глазам предстал лагерь — или стойбище. До этого Рем Тиберий Аркан вообще никогда не видел жилищ фоморов. Да и сами фоморы до эльфийской эпопеи были чем-то далеким и страшным, из бабушкиных сказок про бабайку и чудо-юдо. А теперь вот они — непонятные нагромождения из тряпья, шкур, жердей и костей каких-то крупных животных. И кто-то там копошился!

Рем присмотрелся получше и замер в нерешительности: между жилищами ползала и суетилась фоморская мелочь! Детеньши, ребягня разных форм и размеров. Черт знает, как нужно было к ним относиться, но пройти дальше было необходимо, и при этом рубать их в капусту палашом Аркан был явно не готов.

Всё же, достав клинок, парень двумя короткими движениями вырубил себе длинный крепкий дрын, очистил его от обуглившихся веток, и вооружившись таким образом, вышел из-под сомнительной защиты сгоревшего леса.

По предварительным расчётам от стойбища до горы было с версту, и эта верста показалась Рему Тиберию Аркану самой длинной в его жизни! Что бы там ни говорил молодой аристократ Эадору об убийствах котят во благо жизни и здоровья людей — он и представить себе не мог, что будет направо и налево охаживать здоровенной жердиной маленьких фоморчиков, которые проявят завидное упорство в попытках сожрать его.

Эти бесенята кидались прямо под ноги, стараясь повалить на землю и задавить массой, или размахивали непомерно длинными конечностями, мечтая оцарапать, а один из них — с мощными ногами, нацелился, видимо, разбить Рему голову, обрушившись сверху в гигантском прыжке. Парень вовремя пригнулся, пропустив прыгучего мутанта над собой, и огрев вдогонку дрынком.

Тут о гуманизме и речи не шло — нужно было дойти и выжить! Да и применимо ли понятие гуманизма к потомкам тех, кто только и делал, что питался людьми и плодами их трудов? Но сам факт — бить дубиной детей — это просто вгоняло в протрацию.

В какой-то момент всё закончилось. Просто ни одна мелкая тварь больше не пыталась распотрошить парня, и утоптанная пыльная земля сменилась твердым камнем. Два отрога горы образовали что-то похожее на коридор, в конце которого темнел вход в пещеру.

Аркан замер в нерешительности, а потом тряхнул головой, отставил в сторону жердь, достал факел, и, высекая искры огнем, проговорил: “...Огради меня, Боже, силой чистого и животворящего Твоего Огня, и сохрани меня от всякого зла...”

Взяв в одну руку факел, а в другую — палаш, Рем Тиберий Аркан шагнул под темные своды пещеры.

С каждым шагом атмосфера в пещере становилась всё более гнетущей. Вроде бы ничего и не происходило, но Аркан кожей чувствовал — ОНО близко. По спине бегали мерзкие мурашки, лоб покрывала испарина, а колени становились тяжелыми, как в детстве, когда оказался один на один с сорвавшимся с цепи волкодавом.

И наконец он дошел до черты. Черта была намалевана красной краской на каменном полу, и продолжалась на стенах и потолке, образуя неровную окружность. Рем уставился на нее, а потом пожал плечами и шагнул вперед.

— Ты перешагнул черту, смертный! — эхом по пещере разнесся гулкий голос.

Рем сначала оторопел, а потом коротко рассмеялся, сбрасывая нервное напряжение, и сказал:

— Да ладно! Кто бы мог подумать!

— Ты смеешь разговаривать со мной в таком тоне? — в голосе прозвучало сомнение.

— Ты продолжишь говорить очевидные вещи? — парень шаг за шагом приближался к своему невидимому пока собеседнику.

— Я вижу время, я ведаю судьбы смертных — для меня всё очевидно, ты, ничтожество! — явно занервничал голос.

— Спорим, ты не сможешь предугадать, что я сейчас сделаю? — Аркан с дурацкой злостью воткнул факел в щель в стене, сунул палаш в ножны, развязал гульфик и принялся мочиться на пол.

Откуда взялась такая идея — он и понятия не имел. Просто поймал ту самую “аркановскую дурь” из-за которой его деда прозвали Безумным.

— Отвратительно! — в пещере что-то зашуршало, грохнуло и в неровном свете факела появилась размытая фигура, примерно на голову выше Рема.

Парень закончил свое дело и уставился на явившийся ему образ. Постепенно из марева проявились женские черты — вот только вместо кожи у этой приятной на вид фигуристой дамы была мелкая золотистая чешуя, а волосы толщиной с человеческий палец дергались и извивались.

— Ты явился ко мне без приглашения и осквернил моё жилище! — констатировала хозяйка пещеры.

— Я даже не знаю, какой смысл в этом разговоре? — сказал Рем. — Ты говоришь какие-то банальности, я говорю тебе что ты говоришь банальности... Ерунда какая-то. Давай я скажу тебе, зачем пришел, а потом ты решишь, что будешь делать дальше?

— Ты пришел убить меня. А когда не получится — начнешь задавать вопросы. Вы все приходите убить меня, потом задаете вопросы, а потом служите мне. Хотя погоди-ка! Ты ведь не эльф! То-то я не смогла сразу... — собеседница недоговорила, поняв, что сболтнула лишнего.

— Не смогла предугадать, что я буду делать? Ага-а-а... А эльфы, стало быть, тебе как раскрытая книга!

— Каков наглец! Давненько я не общалась с таким наглецом, с тех самых пор как Хвича-тролль не явился ко мне со своими дурацкими претензиями.

Аркан и понятия не имел, что тролли существуют. Но, впрочем, о фоморах и тетках со змеиной кожей он тоже понятия не имел. Как и о множестве других вещей, увиденных им в этом странном приключении.

— Но ты не тролль, хотя нос и глаза у тебя троллиные, да... Молодой народ? — щупальца на голове собеседницы стали дыбом, она мгновенно переместилась на несколько шагов назад, пригнулась к полу и, черт побери, преобразилась!

Рем выпучив глаза смотрел, как вполне человеческое лицо превращается в морду ящера, конечности странно изгибаются, а щупальца с головы переползают на спину, образуя некое подобие крыльев. Дракон! Небольшой, не больше тетки со щупальцами, но — дракон! С золотой чешуей, крыльями и зубами!

— С-с-страшно, человечешко? И не хватайся за свой бесполезный клинок — ни один клинок не убьет меня! С-склонись перед своей повелительницей!

Если быть до конца честным — Аркана здорово придавило. Всё-таки к драконам у людей особое отношение. Это что-то такое, в темных глубинах сознания. Восхищение, страх и ненависть в одном флаконе, смешанные в равных долях. А потом в голове мелькнуло: "...попирать будешь льва и дракона!"

— Нет, дракон, не страшно. Есть у меня один Повелитель, и с меня хватит — сказал Аркан. — Я тебе не малахольный эльф, меня так просто не взять в оборот. Я вот кстати не понимаю — что ты такое с ними делала, что они с ума сходили и своих соплеменников жрать начинали?

Дракон уселась на задние лапы и почесала за ухом — совсем по собачьи. Она была явно в большом удивлении от происходящего, и не решила еще, как себя вести.

— Тупица, я же сказала тебе что вижу время и судьбы смертных! Я просто сначала звала их, а потом показывала тем, кто приходил, будущее народа тьялери! Они видели, как дурашка Рианнор пригласит людей, которые будут охотиться на эльфов и выкуривать их из домов, и поднимать на пики, и спать с их женщинами! И ни разу я никого не обманула — это правдивое, реальное будущее. Для них союз со мной — единственная альтернатива железной пяте Молодого народа. А Рианнор для них — предатель!

Теперь настала пора удивляться Аркану.

— То есть они увидели, как мы прибыли и охотимся на них, и потому разрешили тебе сделать с ними вот это всё? Зубы, язык и придурь? И стали нападать на тех, кто остался верным Рианнору? А мы прибыли потому, что ты им показала, как мы прибыли и охотимся на них?

Он чувствовал, как чудище пытается давить на него, ощущал жуткую ломоту в висках и желание опуститься на камни пещеры.

"Попирать будешь льва и дракона!"

Дракон хрипло рассмеялась.

— Аха-ха... У эльфов со временем особые отношения... Страх будущего при такой долгой жизни как у ушастых чудиков — вполне объяснимое явление, и потому — петля времени, обычная петля времени, тупица. Вести с тобой разговор — пустой дело! Куда тебе осознать! Ты не способен принять мою волю и мою правду, потому я тебя, пожалуй, сожру, раз нет других способов использовать такое крепкое и мясистое тело. И не хватайся за свой меч, тебе не убить меня. Соппротивление только продлит агонию!

А Рем и не хватался. Он просто шагнул вперед и провел классический апперкот в подбородок, крепкий и хлесткий, такой, что у дракона аж зубы клацнули. Латные перчатки на руках добавляли ударам убойной силы, и Аркан бил и бил по ненавистной ящероподобной роже, надсадно хекая, кроша зубы и разбивая в кровь покрытые чешуей ноздри. В какой-то момент дракон пыталась отскочить в сторону, но парень настиг ее и мощным пинком сбил на землю, принялся отвешивать удары ногами и скакать по конечностям коваными каблуками ботфорт.

— Я... Тебя... Не убью... Я тебя изобью... До полусмерти! — пыхтел он между ударами.

Чудище пыталось трансформироваться, но град ударов не давал такой возможности. Бить дракона было куда как легче и приятней, чем пинать женщину — пусть и со щупальцами вместо волос. Аркан дубасил врага до тех пор, пока легкие не стали гореть огнем, а ноги и руки — саднить от усталости.

— Прекрати всё это дерьмо, ты, сволочь! Там гибнут мои друзья, и если ты не прекратишь эту хрень — я сожру за дрыном, который стоит у входа, и продолжу до тех пор, пока не раскатаю тебя в тонкий блин, слышишь меня?

Дракон сделала попытку дернуться и рывком скрыться во тьме, но Аркан был наготове — из рукава скользнула цепочка с гирькой, и хлестнула по роже чудища раз, другой, третий.

— Я сказал — прекрати это дерьмо!

И в какой-то момент всё кончилось. Перестало ломить виски, дышать стало легче, даже пламя факела, торчащего в стене, теперь горело ровно и не дрожало.

Рем так и оставил цепочку поперек драконьей рожи, добавив несколько оборотов и завязав на крепкий узел. Веревкой (вот и пригодилась веревочка!) он скрутил крылья и лапы чудища, периодически отвешивая поверженной твари профилактические пинки.

Ухватившись за драконий хвост, он поволок вяло сопротивляющуюся добычу к выходу, надеясь, что будучи связанным дракон не сможет превратиться в женщину. И самая главная мысль, которая занимала парня, пока он вытаскивал дракона на свет Божий, была следующей: “Во что превратиться хвост и за что я буду держать её, если она таки начнет трансформацию?”

— Торговая фактория — это именно тот формат, который нам нужен. Благодаря течениям, ваши корабли не будут терять времени, даже огибая Низац Роск по широкой дуге, — говорил Владыка Рианнор. — Если вы сумеете устроить для меня такого рода сотрудничество с людьми, достойными доверия и обладающими необходимыми средствами — поверьте, я в долгу не останусь.

Для Рема такой разговор был неожиданностью. Почему этот облеченный властью эльф решил, что Аркан может помочь в установлении торговых отношений? Вообще-то, он действительно мог кое-что сделать, но...

— У моего отца есть необходимые связи, да... Просто... Возможно вам сложно будет иметь дело с этими людьми. Купцы-ортодоксы — народ особый... С другой стороны — за качество товаров и соблюдение договора в этом случае вы можете не переживать. Возможно, лучше будет вам всё-таки отправить посольство в Империю, самостоятельно наладить связи...

— Да-да, я договорился с маэстру Разором, с вами отправятся наши представители...

— После всего, что мы сделали? — поднял бровь Рем.

Эльфийский Владыка раздраженно дернул головой, и его роскошная серебристая грива засверкала в лунном свете. Так уж получилось, что они снова общались ночью.

— На самом деле я не вижу ничего непоправимого и слишком ужасного в ваших действиях, — проговорил Владыка. — И те, кого я считаю своим ближним кругом тоже. Лес вырастет, монстр нас больше не побеспокоит... Эльфы больше не будут убивать эльфов! А что касается анализа ситуации и выводов — этим уже занимаются. Если подходить формально — вы справились с работой и с чувством выполненного долга отправляетесь домой...

— Ваши подданные, те самые, которые так весело отмечали Эостру в компании людей, теперь шипят нам вслед и посыпают землей те места, где прошли наемники — обидно, хоть я и понятия не имею что это значит.

— Ну да, ну да... Мне тоже пришлось сделать гневный вид и приказать вам покинуть пределы Доля Няяда в течении трех дней. Шум уляжется, и, повторюсь, лес — вырастет. Главное — сохранить налаженные связи. Поэтому фактория на мысу Эрка будет самым подходящим вариантом — мы сможем обмениваться товарами и новостями, и поддержать друг друга в случае непредвиденных жизненных трудностей...

— И всё-таки, почему вы разговариваете именно со мной? В конце концов, Разор, Оливьер...

— Именно маэстру полковник и маэстру Оливьер посоветовали мне обратиться к вам. Надеюсь, вы простите своих соратников — они сказали мне, кто вы такой, и пояснили, каким весом и какой репутацией обладает ваша фамилия — хотя это было уже лишнее. Я имел честь быть знакомым с Мамерком Арканом по прозвищу Пустельга — это был великий воин и достойный человек.

Рем издал невнятный горловой звук — Мамерк Тиберий Аркан жил сто пятьдесят лет назад! Рианнор по всей вероятности знал об ортодоксах и Империи людей гораздо больше, чем казалось поначалу. Но, в любом случае, эти данные устарели на век-другой. Так он и сказал своему собеседнику.

— Вы перспективный молодой человек, а Империю, судя по всему, ждут перемены. И, поверьте моему опыту, в этих переменах вы сыграете не последнюю роль... Ах да, во главе моих доверенных лиц будет известный вам Эадор Нилэндэйл, конечно же... — и царственный эльф, взмахнув подолом одеяния, скрылся в темноте.

Рем Тиберий Аркан скорчил угрюмую рожу и почесал затылок. Этот разговор оставил больше вопросов чем ответов. Вопросы копились и роились в несчастной голове Рема каждую свободную минуту, и он всячески отмахивался от них и старался занять себя любой работой, чтобы не задумываться и не пытаться осознать произошедшее за последние недели.

Снарядить корабли наемников в путь к имперскому берегу — эта работа требовала напряжения для квартирмейстера, так что последние двое суток были достаточно загруженными. Но Рем с ужасом представлял дни и ночи плавания, когда он останется один на один со своими мыслями.

Например, как можно спокойно спать, зная, что в трюме корабля в огромном ящике, обитом железом, находится дракон, закованный в цепи? Дракон, которого он, Рем, сначала хорошенько отмутил а потом притащил за хвост навстречу марширующим победоносной колонной наемников? Даже проговаривая эту ситуацию про себя, Аркан чувствовал, как сумасшествие начинало копошиться где-то под черепной коробкой, угрожая заполнить собой всё сознание целиком.

— Погрузка зерна, погрузка зерна... Четырнадцать коробов по десять мешков, по полтора пуда... — забормотал он, и зашагал в сторону пристани, по ухоженным дорожкам прибрежного парка Доля Няяда.

Отплытие наемников было экстренным, можно сказать их просто вытолкали в шею, вручив обещанную награду. Убийство нескольких сотен соотечественников, пусть и подвергшихся воздействию скверны — этого

эльфы простить не могли.

При этом, наличие на красном корабле делегации от эльфов давало право плыть под дипломатическим флагом: белое полотнище с силуэтом голубя. Кто придумал что голубь — символ дипломатии? Отвратительные грязные птички, гадающие на всё, чего касаются... С другой стороны, почтовых голубей использовали давно и с разной степенью эффективности — может быть смысл был именно в этом?

Рем, сидя на мотке каната у бушприта, глядел на оба флага — с голубем и с Красным Дэном Беллами, которые весело реяли на попутном ветру, и радовался своей предусмотрительности: ящик с драконом находился в трюме галиота, а эльфийские дипломаты — на флагмане.

Весла были втянуты в клюзы, корабли шли под парусами, подгоняемые мощным теплым течением, которое, согласно эльфийским картам, огибало всё Последнее море по широкому кругу.

Аркан хотел еще раз просмотреть табель с оплатой за службу у эльфийских Владык. Сумма была получена приличная, и даже без учета битком набитых добычей с Низац Роск трюмов каждый из бойцов мог считать себя состоятельным человеком — по крайней мере, на полгода-год. И только Рем развернул лист бумаги, и сосредоточился на строчках с цифрами, как его настиг Эадор.

— Я случайно увидел, как ты шел сюда, — несмело начал эльф. — Я не следил за тобой, просто находился в нашей каюте, услышал шаги...

Каюта эльфийских дипломатов была как раз в носовой части, и поэтому Рем просто кивнул. Дипломатами их назначили (Эадор отправился в земли людей с офицерами Галрасом и Финве) и теперь они старались познакомиться с наемниками и привыкнуть к обычаям людей.

— Накопилось много вопросов, Рем. Я не знаю к кому больше обратиться, кроме тебя. Тем более когда-то ты обещал мне длинный рассказ...

Аркан сунул бумагу за пазуху и потер лицо ладонями — пялиться в цифры — удовольствие ниже среднего, и беседа с Эадором была хорошим оправданием, чтобы отложить заполнение табеля на завтра.

— Так что там у тебя, мой друг? — спросил он по-эльфийски.

— Мэллон? — повторил Эадор. — Друг? Ты называешь меня другом?

— Эй, не придирайся к словам! Друг — это тот, кому я доверяю, с кем побывал в передрягах, и кто прикрывал мне спину. И с кем я могу побеседовать, не стесняясь высказать всё, что думаю.

Эльф задумчиво кивнул.

— Ты спас меня от тех людей, популяров. Я тебе обязан. А теперь ты назвал меня другом — это дорогого стоит. А бывает у людей так, что какие-то убеждения или взгляды одного из друзей не поддерживает другой?

— Да — если это умные, воспитанные люди. У меня были друзья-оптиматы, и популяры тоже. А я — ортодокс, но это не мешало нам общаться и драться с общими врагами, и вместе делать работу.

— Просто у нас, тьялери, это не так. Друг — это тот, кому ничего не нужно объяснять, кто понимает тебя с полуслова. Галрас и Финве — мои друзья, я знаю их не один десяток лет. Но теперь они отдалились от меня. Знаешь почему?

— Ты убил Фангала, да? Ребята рассказывали, что ты столкнул его с моста в реку. По мне — всё правильно сделал.

— Я не хотел его убивать! — чуть не сорвался на крик эльф. — Он прикрывал отступление своих обессиленных соратников после прорыва, и я лишь хотел сбить с ног, взять в плен...

— Но он поскользнулся на кишках, да? Ты пнул его ногой в спину, он поскользнулся на чьих-то потрохах и перелетел через перила моста — прямо в чертову речку Лзаа, и разбился о камни, и вода утащила его...

Эльф поморщился, но потом махнул рукой:

— Так всё и было. То, что устроили люди — это была настоящая бойня. Разор всё рассчитал правильно — надменность и самонадеянность эльфов, подпитавшись победой над полусотней Септимия выросли до небывалых размеров. И они влезли в ловушку и поплатились собственными жизнями. Как Фангал умудрился прорвать кольцо и выйти к мосту — до сих пор не понимаю... И если бы ты не справился с... Э-э-э...

— С чудовищем.

— Пусть будет с чудовищем... Они бы ушли! Вырвались бы из окружения! Фангал единственный сохранил способность сражаться, остальные вдруг замерли, будто парализованные... А он рубился двумя мечами и убил нескольких людей, а я... Я пнул его в спину, и он погиб. И знаешь что? — эльф глянул прямо в глаза Аркану, и Рем не увидел в этом взгляде сожаления. — Мне плевать. Так вы, люди, говорите?

— Так. Тебе плевать — а как же котята и грудные младенцы?

— Грудные младенцы не сжигают поселения и не откусывают головы своим соотечественникам, — отрубил Эадор.

Рем откинулся на стуле, удивленно глядя на собеседника.

— Да ты потихоньку превращаешься в ортодокса, мой эльфийский друг! — и ухмыльнулся.

— Вот об этом я и хотел бы поговорить. Расскажи мне про ортодоксов, про вашу веру. И про популяров, и почему они держали меня в клетке... И чем от тех и других отличаются оптиматы?

— Ну, друг мой, тут без бутылки не разберешься... Пойдем в трюм, буду пользоваться служебным положением...

В трюме они устроились на тюках с шелком — трофеем с Низац Роск. Тиберий закинул на тюки большую оплетенную бутылку с вином и два кубка.

— Наливай, друг мой! И слушай, ибо я не буду повторять дважды!

— Слушаю и внимаю, — поддержал ёрнический тон Эадор.

Оба расхохотались, вспомнив, что подобный разговор уже начинался — по пути в Доль Няяда.

— Итак, про Ковчеги ты уже знаешь. И знаешь, что мы, люди — не от мира сего. У нас был свой мир. И своя вера — в Бога, Творца миров, в Сына Человеческого, принесшего благовест... В общем, она была очень похожа на то, во что мы... Во что я верю сейчас. Для настоящих ортодоксов и вопросов не стоит — мы преемники учеников Сына Человеческого, пусть после его рождения и прошли тысячи лет, и родился он в другом мире. А я привык во всём сомневаться — такая моя натура. В общем, дело в том, что на самом первом Ковчеге, который пристал в устье Рубона Великого — там был человек... Святой. Походный капеллан — это такой священник, который отправляется с солдатами в бой, чтобы духовно их поддерживать...

— Магически? — поднял бровь эльф.

— Сложно сказать... Религия и магия имеют очень сложные отношения, сам понимаешь. Да и с магией в нашем родном мире было не всё ясно... В общем, звали его Ежи, и он был священником. Он потерял зрение в одном из боёв, и его возвращали на родину для лечения. Он был хорошим священником, настоящим — поэтому знал почти все литании и псалмы наизусть. А ещё он знал наизусть Слово Сына Человеческого. По крайней мере, большую его часть. Судя по комментариям святого Ежи, оно было составлено из четырех частей — рассказов четырех учеников Сына Человеческого о его учении и жизни. Видимо, святой всё-таки интерпретировал писание по-своему... Ну, это уже мои домыслы. Главное — эта Книга стала основой нашей веры. Что такое хорошо, и что такое плохо для человека — это мы знаем именно оттуда. Не убей, не укради, почитай отца и мать свою, и всё такое прочее...

— Не убей? — засомневался Эадор.

— Ну да. В целом — да. Но с оговорками... — и Рем закатив глаза выдал несколько цитат: — “Нет больше любви той, чем отдать жизнь за друзей своих”... Или вот эта: “Зубы грешника сокрушатся!” “Продай одежду свою и купи меч...” ну и еще несколько. То есть убивать нельзя, но защищать своих близких и свои идеалы — обязательно. В таком плане. Есть и более агрессивные трактовки, но мы, ортодоксы, вообще-то не занимаемся толкованием Писания...

— Да-да, об этом я помню.

— Так вот, и для нас, и для оптиматов с популярами — Слово Сына Человеческого это основа. Поэтому нельзя сказать что мы верим в разного Бога или у нас разные заповеди... Мы все осознаем, что вера, религия у нас одна — просто подход разный. И стал он разным не сразу.

Нужно понимать — Империи пришлось приводить людей к общему знаменателю. Присоединяя к себе все земли, освоенные человеком, Императоры старались привить новым подданным имперский образ жизни, имперские ценности — основанные на Писании — то есть, на Слове Сына Человеческого и Уставе Надлежащем. Первая книга говорила о душе, вторая — о теле. Но прошли сотни лет после того, как Ковчеги пристали к берегам Раваарды, и на Севере, Юге и Западе сформировались свои сообщества, свои религиозные воззрения и свой менталитет. Да, они были близки к имперским. Но! На Севере часть населения ударилась в язычество и суеверия, на Юге модным было не признавать Бога и душу вообще, а на Западе общество стало настолько иерархичным, что представления о вере у знати и простолюдинов отличались сильнее, чем между Югом и Севером, например... Шагом к примирению было включение местных Книг в состав Писания...

Эадор поднял палец вверх:

— Я помню! “Дорога лебедей” — на Севере, “Семейное древо” — на Западе и “Книга Теплых Ветров” — на Юге.

— Именно! — кивнул Рем. — В целом — первые императоры не обостряли. Был общий враг — дикие племена, фоморы, орки... Э-э-э-э...

— Эльфы? — хмыкнул эльф. — Не переживай, я потом как-нибудь поведаю тебе про отношения между Тьялери и Ванъяр...

— Обязательно! Да, с эльфами нам тоже приходилось сражаться — по мере продвижения вверх по течению Рубона. И с гномами — но в гораздо меньшей степени. Они вообще — больше всех похожи на людей, да?

Получив в ответ только неопределенное движение эльфийским плечом, Аркан продолжил:

— В общем, людям хватало того, что они — люди. Империя Людей! Звучит? Звучит! Но потом враги почти

закончились. Да, накатывали орки, да, дикие племена из-за Рубона совершали набеги, но... В общем — люди такие странные существа, что не могут жить без врагов. Они их себе придумывают, или находят... Примерно четыреста лет назад в империи получился династический кризис. Прямых наследников не осталось — была племянница императора — замужем за Эмманюэлем дю Моро — человеком влиятельным и знаменитым в землях Запада, и бастард императора Трой по прозвищу Волкодав — он стяжал себе славу убийствами неугодных папаше дворян на дуэлях. В общем — гражданская война: одни — в основном рыцарство Запада — поддержали дю Моро, другие — в основном столичная верхушка из Кесарии — выступили за Волкодава. Столкнулись они у городишка Чивителла, в виноградниках. Битва была страшная — коннице и стрелкам развернуться было негде, в пешем строю сошлись десятки тысяч человек, и армия Троя Волкодава одерживала верх. Тогда мессир Эмманюэль дю Моро рванулся в бой, вместе со своей личной охраной, и взмолился о знамени свыше, и рядом с ним молился кардинал Пелагий, который не забывал охаживать врагов боевым посохом. И вдруг — над головами сражающихся явился Феникс — огненная птица невероятных размеров! Своими крыльями он опалил первые ряды сторонников Волкодава и обратил их в бегство. Мессир дю Моро воспринял это как непосредственное божественное вмешательство — и ринулся на ударившегося в панику врага! Рыцари Запада сплотились вокруг него — и победили! Дю Моро стали следующей императорской династией, и при них культура и образ жизни Запада стали доминировать. А Пелагий породил движение оптиматов. Есть три типа людей — говорил он. Одни работают, другие молятся, третьи воюют. Не стоит менять такой порядок вещей — он освещен Богом. Каждому предопределена его судьба, и пытаться прыгнуть выше головы или изменить свой статус — значит идти против божественного порядка. При этом он не брезговал расшибать посохом головы тех, кто с ним не соглашался... Конечно, для нового императора это было куда как удобно — гораздо легче держать народ в повиновении, когда каждый занимает свою нишу и все зависят друг от друга. Для начала всем простолюдинам запретили носить оружие — за исключением пограничных округов. И тут же вспыхнули бунты, и недовольные потянулись на границы — на Юг, за Рубон, на побережье Последнего моря. “По фургонам!” — вот клич, который породил ортодоксов. В пограничных Экзархатах священники придерживались старых правил, не требовали десятину и помогали всем, независимо от происхождения, а дворяне не любили пышных титулов и не задирали нос перед простолюдинами — они прекрасно понимали, что им еще предстоит стоять плечом к плечу на поле боя.

— Титулов? — как будто это был единственный вопрос, который интересовал эльфа.

— Ну да, у нас, ортодоксов, нет всех этих многочисленных маркизов, герцогов, виконтов и баронов...

— А кто есть?

— По сути — только баннереты. Иногда появляется еще и деспот, но это совсем другая история...

— Баннерет — это ведь знаменосец?

— Ну да... Кто такие настоящие имперские дворяне, не западные? Это люди с хорошими лидерскими качествами, организаторы, способные возглавить какое-то дело, какой-то процесс, вдохновить своей идеей, компетентно руководить работой или военными действиями. Со временем титул стал передаваться по наследству, да, но... Вот, например, десять лет назад одного цирюльника из Тарваля, что в герцогстве Аскерон, признали баннеретом на Дворянском собрании. Он тогда организовал оборону своего городка от какой-то нечисти... А если я, к примеру, буду увальнем — меня просто низвергнут, и я стану простолудином... — и тут Аркан понял, что сболтнул лишнего.

А хитрый Эадор, которому и уши вострить было не надо, всё услышал. Но виду не подал.

— То есть ортодоксы это те, кто был не согласен с нововведениями Пелагия и императора Эмманюэля?

— Это те, кто продолжал следовать “Уставу надлежащему”. Там прямым текстом написано о воинской науке для всех юношей и умении постоять за себя для девушек. Какая воинская наука без оружия? Это смешно! Идеи Пелагия противоречат одной из основных книг Писания — а значит они еретические. Оптиматы, конечно, сказали, что в “Уставе” имелись в виду благородные семьи и всё такое прочее, и что только те, кто молится — то есть высшие иерархи — имеют право толковать Писание, а остальные должны заниматься своим делом. Они даже Синедрион создали — совет кардиналов, который занимается толкованием священных текстов и всеми церковными вопросами, влезая при этом в частную жизнь людей... А ортодоксы наплевали на их слова, загрузились в фургоны и уехали на границу, или в глушь, подальше от больших городов — жить так, как положено настоящим имперцам, имея возможность обеспечить безопасность и достаток своим семьям самостоятельно.

— Что ж, Рем, доходчиво... Теперь мне хочется увидеть это самому, сравнить, чем отличается образ жизни оптиматов и ортодоксов...

— Сравнишь, куда ты денешься... Аскерон — очень специфическое герцогство. Две трети его населения — ортодоксы. Только живут они в основном в сельской местности и небольших городках, в самом Аскероне тоже есть ортодоксальный квартал ремесленников, и монастырь святого Завиши Чарного — центр Экзархата. А вот герцог и его двор — сплошь оптиматы, за редчайшим исключением... Старый герцог и держался-то в основном на своем умении балансировать между ортодоксальным большинством и привилегированным оптиматским меньшинством...

Насмотришься, в общем.

— А на популяров я уже насмотрелся, — мрачно проговорил Эадор.

— Ну-у-у, популяры бывают разные. Там столько школ, учений и сект, что сам черт ногу сломит. Попадают очень адекватные, даже близкие ортодоксам, а бывает — вот такое вот, как гёзы...

— И как такое получилось?

— Если обобщать — это те, кто не был согласен с оптиматской теорией и практикой, но при этом не хотел ортодоксальных сложностей. Примерно сто лет назад в Тимьяне на рыночной площади с речью выступил один из университетских преподавателей — некто Саймон Самромар. В своей речи он обличал Синедрион и оптиматскую иерархию, обвиняя ее в лицемерии и несоблюдении своих же собственных энциклик, в завышении цен на обряды и требы, в роскоши и разврате... В общем — речь была записана и растиражирована. “Тезисы Самромара” разошлись по просторам империи, вызывая у оптиматских обездоленных простолюдинов и нищих интеллигентов массу положительных эмоций, а у ортодоксов — снисходительные ухмылки. А потом Саймона Самромара сожгли на костре, конечно. Куда без этого? Прислали толпу бритых наголо оптиматских клириков при поддержке полка легкой кавалерии — и сожгли. Но Самромар посеял ветер, а оптиматы — пожали бурю. Заполыхали соборы и подворья оптиматов на Востоке и в Центральных провинциях, как грибы после дождя появлялись новые проповедники, обличавшие оптиматское духовенство при помощи текстов Писания... Да, и никто из них не вспомнил об ортодоксах, что характерно... Ортодоксом быть сложно — такое количество правил и ограничений, такие трудности... Так что возникло движение популяров. Это, в общем-то, не движение... Это манера использовать Писание для оправдания собственных сиюминутных желаний, на мой взгляд. Но они говорят о избранности, о том, что каждый должен сам определять свой путь, и что достаточно верить в Бога и знать Писание чтобы определить этот путь самостоятельно. “Бог направит!” — говорят они... Мне кажется, с религиозных войн между оптиматами и популярами и начался крах империи. Подумать только, целые провинции обезлюдели! Двадцать лет бойни, миллионы погибших... Четыре огнеборческих восстания и три Крылатых похода, прости Господи... Сейчас всё более-менее мирно — на Северо-Востоке вокруг Тимьяна сложился большой популярский анклав, некоторые высшие аристократы и целые города поддерживают популяров — создали некое сообщество внутри империи скажем так... Синедрион только и мечтает как бы всех их отправить на дыбу, а популяры мечтают разрушить все храмы и потушить все Огни... Ну, ортодоксов это касается в меньшей степени — мы умеем показывать зубы.

— Ты субъективен, Рем... — вздохнул эльф. — Если бы я сейчас говорил с оптиматом...

— Да-да, он бы рассказал тебе о сумасшедших фанатиках — милитаристах и параноиках, которые вместо того, чтобы подарить своим детям детство гоняют их по плацу с алебардой в руках или заставляют зубрить наизусть “Устав надлежащий”. И, о Боже, они каждую неделю истязают себя и своих детей в бане — жаром и холодом, и бьют пучками веток! А еще — вот надменные мерзавцы — ортодоксы не сядут за стол с человеком, не вымыв рук и не убедившись, что вода для питья — кипяченая. И еще много если... Ортодоксы — не идеальные люди, а я — не идеальный ортодокс... Вон сколько месяцев на корабле провел, не мылся, воду не кипятил... Настоящий ортодокс должен был умереть, но не прогнуться под окружающие обстоятельства... Даже песня такая есть, из тех, прежних песен...

— И вот мы со дня на день прибудем в Аскерон. И учитывая всё вышеизложенное — к кому ты обратишься, чтобы нас приняли? К герцогу?

Рема передернуло. Он подумал о проблемах, которые свалятся на него, если герцог уже ушел в мир иной. Какой он там по счету в очереди за скипетром? На несколько мгновений ему даже перехотелось возвращаться на родину. Вот бы попросить ребят высадить его в первом порту и отправиться на Юг, например! Взяв себя в руки, Аркан ответил:

— К Бертрану дю Грифону, наверное. Это если вы намереваетесь блистать при дворе. И к Тиберию Аркану Старшему — если вы хотите иметь дело с ортодоксальными купцами и аристократами.

На верхней палубе послышались голоса эльфов, которые искали Эадора. Тот засобирался наверх, и Рем рассеяно махнул рукой:

— Да-да, давай... Я еще тут посижу, надо подумать.

— Ветер доносит запах соли, льда и пепла, — Микке, несмотря на свои габариты, приблизился почти бесшумно. — Запах моего дома... Эх, если бы я мог вернуться!

Северянин за время плавания по водам Последнего моря взял под свое крыло нескольких моряков, обучил их и теперь не боялся оставить штурвал, как в первые дни после бунта на Хотгобе. Да и с навигацией вопросов больше не возникало — карты и приборы имелись, и, в конце концов, эльфы не дали бы кораблям заблудиться — они прекрасно ориентировались по воде и звездам.

— А почему бы и не вернуться, Микке? Доберемся до Аскерона, разменяем добычу на звонкую монету — ты станешь богачом! Посмотри на себя — каким ты был в первый день, когда я увидел тебя в трюме, и каким стал теперь!

Северянин действительно изменился — он давно уже не был тем толстым увальнем с румяными щеками, который апатично проводил время в провонявшем гнилью трюме. Микке превратился в богатырского сложения воина — широкого в плечах и узкого в талии, с мощными ручищами, подобными ветвям молодого дуба. Щеки заросли светлой бородой, голубые глаза сверкали холодом стали — настоящий морской ярл!

— Может быть я и вернусь... Если ты согласишься поехать со мной! — вдруг выдал северянин.

— А я-то тебе зачем? — вытаращился Рем. — То есть спасибо, конечно! Ты — мой друг и соратник, я за тебя в огонь и воду, но, черт побери, Микке, на кой ляд я тебе на Севере? Чем я смогу помочь?

— Хм! Двигайся! — Микке присел рядом. — Там у нас всё очень сложно, и, по всей видимости, без чужой помощи мы не разберемся... Пока Империя была крепкой — местные проблемы были не так очевидны. А сейчас, когда всё рушится — вспоминаются старые обиды, семьи точат зуб друг на друга... А еще вся эта религия и политика, понимаешь ли — я не особо в этом разбираюсь, а ты, глядишь, и посоветуешь чего-то умного...

— Ну-ка, ну-ка... Я ведь и понятия не имею, что у вас там на Севере твориться в последние годы!

И Микке рассказал.

Северные провинции нынче бурлили. Правда, провинцией Север был при последнем императоре, а сейчас — это вполне независимое сообщество кланов, феодальных владений и вольных городов. В Байараде — неофициальной столице северных территорий проводят Эдускунту — народные собрания по особенно важным вопросам. По таким, например, как выбор семи членов Совета — органа, который при Империи занимался решением вопросов внутри провинции, а теперь как раз наоборот — решает внешнеполитические задачи. В Совет входят обычно самые авторитетные люди Севера. Руководит работой этого органа туомарри — судья, или арбитр, если переводить на имперский.

Дядюшка Микке — Вилле, из уважаемой и многочисленной семьи Корхонен, пару лет назад занял должность туомарри, но из-за каких-то интриг ему пришлось уйти. Микке считал, что во всём виноваты “бритые головы” — духовенство оптиматов, которое активно наращивало свое влияние на Севере под предлогом борьбы с какими-то местными Синелицами — то ли язычниками, то ли сектантами. Именно их деятельность полвека назад создала в северных провинциях своеобразный религиозный вакуум: в течение нескольких лет сектанты сжигали церкви, убивали священников и сторонников любого из трех религиозных направлений, не делая различий между оптиматом, популяром и ортодоксом. В итоге, конечно, Империя ввела на Север дополнительные легионы, и втоптала фанатиков в землю, но дело было сделано — ни одна из существующих конфессий не вернула себе здесь ощутимого влияния, а с политическим кризисом в Империи Север и вовсе остался без какой бы то ни было религиозной организации за исключением одной общины популяров и двух ортодоксальных монастырей. Большинство северян чтили Творца и молились ему как умели, и плевать хотели на мнение Синелицых по этому поводу. Люди Севера в принципе относились к религии с прохладцей, без фанатизма. Но сейчас оптиматы стали активно включаться в политические баталии, засылать своих эмиссаров к наиболее вероятным кандидатам в Совет с предложениями материальной и моральной поддержки, если они согласятся разрешить строительство церкви на Севере и Коллегиума — в Байараде.

— Они подставили меня, эти бритые головы. Это из-за них я оказался на том корабле! Они искали подходы к дядюшке Вилле через меня, а когда не получилось — вот что со мной сделали. Перехватили на пути в Аскерон!

— В Аскерон? А кой черт тебе нужно было в Аскероне? — удивился Рем.

— Дядюшка Вилле решил пригласить на Север представителей ортодоксов, оптиматов и популяров — чтобы они выступили на Эдускунте и рассказали, чем их вера отличается от остальных и почему северяне должны снова пустить к себе проповедников. Мы люди неторопливые, нам нужно подумать, порассуждать... Так о чем это я? В Аскероне, говорят, у вас живет святой человек, которого уважают все ортодоксы. На холме, огонь с которого видать

издалека — вот туда я и шел, чтобы попасть к нему и попросить приехать на Север! А другие люди шли в Тимьян, к популярным теологам, и в Кесарию — в Синедрион, к оптиматским мудрецам. Корхонены думают, что в Синедрионе не знают, как ведут себя бритые головы на Севере... В общем — всё это так сложно, Рем! Мне точно нужен хороший советчик, и точно нужна помощь в Аскероне!

Аркан откинулся на планшир и почувствовал, как морской ветер треплет его волосы. Бывает так, что жизнь сама показывает, куда стоит сделать следующий шаг. Или это Бог трогает нити человеческих судеб? Экзарх — вот кому нужно идти! Не дряхлый герцог, не коннетабль дю Грифон и не маги — никому из них нет доверия. Глава ортодоксов Аскерона — величина абсолютная. И пока еще ни разу не было, чтобы человек, пришедший к воротам монастыря святого Завиши Чарного с действительно серьезным делом не был допущен к экзарху. А то, что дракон в ящике и дела на Севере достойны самого пристального внимания — в этом Рем Тиберий Аркан не сомневался.

— Давай договоримся так, Микке. В Аскероне я тебе, конечно, помогу. Пойдем вместе на холм святого Завиши, где стоит монастырь — тот самый, с огнем на самой высокой башне, и постучимся в ворота. Уверен — нам откроют.

Микке кивнул, и напряженно посмотрел на Аркана.

— А на Север?

— Знал бы ты, Микке, какая чертовщина ждет меня по приезде... Я ведь родного отца пять лет не видел! А мой папаша — это... Это...

— Как ты, только старый? — усмехнулся северянин.

— Старый, вредный, ворчливый, фанатичный, бесстрашный, очень умный и очень, очень опасный злодей с уникальным чувством юмора... Иногда я думаю, что мой папаша — самый опасный человек в Империи, не считая моих дядей, конечно.

— Я смотрю ты его любишь?

— О, да! — хохотнул Рем. — Его нельзя не любить, он весьма обаятельный и интересный в общении злодей... Да и как многодетный отец был очень неплох — сейчас я это понимаю. Черта с два у меня бы получилось справиться со всем, что на нас навалилось, если бы не он...

— Я никогда не знал своего отца... Наверное, дядюшка Вилле был мне как отец, хоть я и не Корхонен... Мне кажется, они бы нашли с твоим отцом общий язык, хотя Вилле Корхонена вряд ли можно назвать вредным или ворчливым... Спасибо, Рем! Кое-что прояснилось, и мы вернемся к этому разговору, когда пришвартуемся в порту Аскерона.

Рем вовсе не был уверен, что им сразу стоит швартоваться в порту Аскерона, но кивнул и проводил взглядом массивную фигуру Микке, который вернулся к штурвалу.

Если для северянина что-то прояснилось, то в голове у молодого Аркана всё только сильнее перепуталось. Он чувствовал, что владыка Рианнор был прав — каким-то неведомым образом он оказался втянут в глобальные процессы, которые сейчас корежили и меняли то, что еще пятнадцать лет назад можно было смело назвать Империей Людей.

— Нужно чистое полотно для перевязок, знаете ли! — послышался голос маэстру Цудечкиса. — Где этот квартирмейстер!? Черт ногу сломит в этом трюме, знаете ли, понараскладывали криворукие...

Рем с кряхтеньем поднялся с канатов и зашагал к люку в трюм.

— У вас есть фонарь, маэстру Цудечкис? Что вы там не можете найти? Чистое полотно — рядом с крепким алкоголем, всё ведь логично...

Впередсмотрящий увидел галеру и тут же дал знать об этом.

— Гёзы, гёзы! — раздалась возгласы, и наемники тут же принялись облачаться в броню и проверять оружие.

Бывшие гребцы-невольники жаждали схватки, они превратились в свирепых воинов, и не собирались упускать добычу. Разор щелкнул застежками кирасы, поправил морион на голове и с важным видом разложил самую настоящую подзорную трубу. Дорогушая штука! За этот прибор можно было купить, наверное, целый галиот!

На галиоте, который шел в кильватере красного корабля, тоже заметили корабль гёзов, и тоже готовились к битве.

Эльфийское посольство во главе с Эадором тоже готовилось к бою. Витязи надевали шлемы с личинами и плюмажами из конского волоса, натягивали тетивы на луки.

— Хоп! Давай-давай!

Сранных гёзов догоняй! — завели на гребной палубе и комит поддержал песню раскатистыми ударами барабана.

Там! Тадам-тадам!

Красный корабль стремительно настигал свою жертву. Галера гёзов выглядела потрепано, там и тут можно было заметить следы недавней битвы. За рулевым веслом стоял кормчий с перебинтованной головой, небольшая

команда пыталась поставить парус. Еще несколько вооруженных людей выбежали из трюма, и в ужасе заметались по палубе, завидев погоню.

Кто из них первым подал пример? Сложно сказать. Так или иначе, после команды "втянуть весла!", которая прозвучала с корабля наемников, пираты принялись сдирать с себя доспехи и сигать в воду, в надежде добраться до берега, который, как оказалось, виднелся верстах в пяти.

— Давай-давай!!! — заорали наемники, потрясая оружием, и бегство с галеры приобрело повальный характер.

Вдруг с кормы полетели стрелы, и Рем глянул в ту сторону. Эадор, без шлема, стрелу за стрелой посылал в плывущих по волнам пиратов, и воды Последнего моря окрасились в красный цвет. Галрас и Финве и не думали его останавливать.

— Эльф-то наш того... Свирепеет! — сказал Оливьер. — Но месть — это святое, я его не осуждаю.

А Рем вспомнил эльфийские аллегории о котиках и младенцах, плюнул за борт и сказал:

— Пойду, прогуляюсь по галере вместе с твоими абордажниками, наложу свои загребущие квартирмейстерские лапы на что-нибудь полезное и питательное.

Он помог перекинуть сходни и одним из первых ступил на бескровно взятый пиратский корабль. Пока наемники разбрелись по палубе, Аркан сунулся к люку в трюм и откинул крышку.

— Эй, народ! Есть кто живой?

После недолгого молчания раздался хриплый голос:

— А кто спрашивает?

— Те, кто убивает гёзов при каждой встрече!

— Вона как! А ты нас выпустишь, мил человек? А то так жрать хочется, что пить нечего, да и спина затекла и домой бы нам! Спускайтесь, тут ни одного паскудника не осталось, все сбежали!

Рем посмотрел висящий на мачте фонарь, зажег его и спустился вниз. На него смотрели изможденные лица гребцов, и какие-то из них показались ему знакомыми.

— Аркан! Аркан! — раздался голоса. — Вы же из Тибериев, да? Ох, есть Бог на свете!

А один из пленников галеры, сутулый и вихрастый мужик, громко звякнул цепями и окликнул Рема:

— Молодой маэстру, это же я! Гавор, коробейник из Заводи!

— Гавор? Погоди-погоди, это мы ведь вместе с тобой этих мразей рубали?

Коробейник горделиво приосанился:

— Истинная правда! Наши из Заводи и на сей раз им всыпали, так они на обратном пути хутора грабить взялись, так я как раз со своим товаром им и попался... Ну я одному башку проломил, ей-Богу, но он крепкий оказался, кормчий этот... Повязали меня и вот этих парней... Тупыми стрелами закидали! Так подошли паскудники-то?

— На дне морском, все как один! У кого ключи были от цепей?

— У кормчего...

— Ладно, у нас кузнец есть, раскует вас. Так выходит добро это все — с варнифских и арканских хуторов?

— Истинная правда!

— Та-ак! Надо предупредить парней, чтобы трюм не трогали — вернем награбленное народу. Свои-то вещички определите, чтоб без обмана? Соседям поможете?

Раздался оживленный гул. А Аркан уже подсчитывал в уме, сколько из собственного кармана он выложит, чтобы компенсировать стоимость недополученной добычи соратникам.

Раздался стук саботонов, и на гребную палубу спустился Разор:

— А-а-а-а, квартирмейстер уже тут! Ну что страдальцы, вы свободны. Какие планы на будущее?

За гребцов ответил Рем:

— Разор, это мои земляки... Если эльфы будут не против — мы могли бы войти в устье реки и доставить этих людей до городка Заводь. Приятное место с неплохим портом. И по поводу добычи, что в трюмах... Там в основном скарб хуторян — я запишу его в счет своей доли, ребятам возьму деньгами.

— Приятный городишко, да? А как там по поводу женского пола?

Гребцы разулыбались:

— А вдовушки-оптиматки там до-о-обрые, господин командир! И готовят вкусно! — тряхнул вихрами Гавор. — Уж вы не побрезгуйте, загляните к нам на огонек, хоть и вместе с эльфами! А уж женки-то как обрадуются, коли вы им мужей вернете! Хуторяночки такой пир накроют, что вам все ваши соленья и копченья корабельные отрубями для свиней покажутся, истинная правда!

Разор ухмыльнулся:

— Вдовушки, говоришь? Ну-у-у, то дело после дальнего похода куда как нужное. Да и еды домашней, человеческой мы уже сколько месяцев не видели... Рем, неужто наш народ так очерствел что мужиков домой подбросить не согласится? Микке сюда кормчего выделит, Жерар — пару моряков поопытнее, тебя за командира

оставим и за лоцмана. Справишься?

Рем широко улыбнулся и глянул на Гавора. Коробейник уверенно кивнул.

— Вдвоем мы как-нибудь справимся. Скёль — река постоянная, берега скалистые русло не меняется... Это вообще будет наилучший выход. Только есть одна просьба и к вам, маэстру, и к тебе, Разор. Узнали меня — и ладно. Об этом особо не распространяйтесь, на людях я буду шлем с личиной носить, потому как дела в герцогстве темные творятся, и мне нужно сначала освоиться, осмотреться...

— Да знаем мы, маэстру Аркан... — сказал какой-то рыжебородый дядька с мозолистыми руками. — За последний год погибли оба кузена Тарле, один — с каретой вместе в пропасть упал, второй — живот себе кинжалом разрезал от несчастной любви. А до этого — Тисбендский помер. А сейчас маркиз дю Жоанар тяжело болеет. Вот и выходит, что остались вы, Флой, Закан и дю Массакр. Только все думали, что вы сгинули. Все, кроме папаши вашего и братьев, конечно... Они и в ус не дули. Заезжал к нам как-то старый маэстру Аркан, и говорит, мол — не такой мой младшенький человек, чтобы пропасть.

Гавор поддержал рыжего:

— Да-да, про претендентов на скипетр нынче в каждой таверне разговоры разговаривают... А герцог-то поддыхает поддыхает, да никак не подохнет!

— Дерьмо! — выругался Рем, и глянул на Разора.

Тот разглядывал носки саботонов, потом наклонился к самому уху Аркана и прошептал:

— Ты знаешь, где взять полторы сотни головорезов, если решишь-таки...

— Ну нахрен, полковник! И вы туда же?

— Мое дело предложить, Рем, мое дело предложить... — и затопал по лестнице, поднимаясь вверх. Вскоре раздался его громовой голос: — Эй там! Позовите кузнеца, нужно расклепать цепи!

Как рассказал Гавор, когда они стояли на юте и бросали лот, чтобы провести всю разросшуюся до трех кораблей эскадру в устье Скёли, гёзы заметно поумерили активность в последние месяцы. Ходили слухи, что пираты резвились на Юге, пока какие-то лихие люди не сожгли всю Малую Гряду Низац Роск и исчезли на морских просторах. Популярны не могли скрыть такого разгрома, и о подвигах неизвестных мстителей слагали легенды.

— Красный корабль, говорят у них был. А башку его капитана — страшного Дэна Беллами — они на мачту водрузили в качестве знамени, — коробейник глянул через левое плечо на реющий над флагманов шпандарт. — Думаю, это были вы.

— Это были мы, Гавор. А как так вышло что гёзы всё-таки сумели вас захватить? Врасплох застали?

— Ну уж нет! Я ж говорил — городские им здорово вломили, хотя и потеряли несколько человек. Вон, стрелы до сих пор в бортах торчат, и сходни посечены. Они спустились ниже по течению, спрятались в затоке... Ну, это такая затока... — Гавор замялся.

— Которой пользуются контрабандисты, а еще ты и твои друзья-товарищи... — понятиливо кивнул Рем.

— Чтобы нет так да, маэстру Аркан... Я туда по дури заглянул, с хутора маэстру Турнепса возвращаясь, хотел взять еще бирюлек, да табаку, да зерен Ко... Ну и на этих паскудников налетел. Гёзам нужно было пополнить ряды гребцов — после адовой гонки по реке у них многие умерли. К тому же провизия в трюме прикончилась... Они-то Заводь пощупать хотели, а хрен там! В общем, в затоке ухватили гёзы за вымя одну компашку... Принялись трясти, и Фот раскололся.

— Который Фот? С плешью на башке?

— Он, он зараза! Тот Фот, что срамные картинки в оптиматский монастырь продавать ходил... Вот он и начал чесать языком, и показал паскудникам дорогу к хуторам. Ортодоксы народ тертый, не мне вам рассказывать... Баб — в лес, сами — за топоры да цепи! Дорого гёзам те гребцы обошлись. А вот варнифское село...

— Винограды?

— Ага, Винограды... Там-то ортодоксов всего семь семей, и живут одной улицей... В общем, Винограды разорили, да-а-а... Туда самый большой отряд пошел, человек двадцать наверное. Соломенные крыши хибар оптиматов вспыхивали один за другим, хозяев просто вытаскивали за волосы, имущество делили прямо тут... А из каменных домов ортодоксов летели арбалетный болты, а крыши из черепицы не желали загораться. Я, наверное, если соберусь завести семью — тоже стану ортодоксом... Оно как-то спокойнее когда соседи не дрожат под кроватью, и не убегают, когда твой дом пытаются поджечь — а стреляют в спину тем, кто ломится к тебе в двери...

— И от наших девушек пахнет приятно, — кивнул Рем и усмехнулся.

— Ну... И это тоже. И болячку на хрен не наматываешь...

— Но-но! — погрозил пальцем Аркан. — Ты лучше скажи — в затоке наши корабли поместятся? Глубина позволит?

— Галиот и галера — точно поместятся... А флагман... Нужно мерять! Как у него с задним ходом?

— Нет проблем.

— Тогда проще. Но таких громадин там точно не бывало ещё...

Скель была рекой полноводной, питалась талой водой с отрогов Берегового хребта, сезонными ливнями и многочисленными притоками. Русло ее не менялось десятки лет, потому как бежали ее чистые воды в древнем разломе, образованном здесь из-за подземных толчков — естественного или магического происхождения. По крайней мере так говорил профессор на лекции в университете.

Наемников и эльфов устроила идея переждать какое-то время в тихом месте и осмотреться, а потом высадиться в Заводи, поднять флаг Светлых Владык и нанести официальные визиты местным владельцам.

Гавор Коробейник согласился некоторое время поработать на Рема — за хорошую плату и из чувства благодарности, конечно. Коробейники ходили по всему герцогству, торгуя разной полезной и бесполезной мелочевкой, и собирали новости и разносили слухи — именно то, что было нужно Аркану. Учитывая ситуацию с престолонаследованием, было бы большим идиотизмом совершенно случайно отравиться котлетой в таверне, быть съеденным дикими зверями на подъезде к родовому замку или неловко поскользнуться на рыбьих потрохах и упасть с пирса в реку.

А потому, самой насущной необходимостью была информация! Именно кропотливый сбор сведений о Красном Дэне Беллами и его команде, устройстве корабля и распорядке жизни помогли Рему освободиться из рабства. И пренебрегать полученным опытом Аркан не собирался.

Разор выстроил вольную компанию на борту красного корабля.

Затока оказалась достаточно обширной, чтобы загнать туда всю эскадру, и достаточно укромной, чтобы не опасаться быть случайно обнаруженными.

— Бойцы! Друзья! Братья... Мы добились того, чего хотели. Мы — вольные люди! Отомстив тем, кто подло захватил нас в плен, выдержав невыносимые трудности и невероятные приключения каждый из вас теперь может считаться настоящим героем!

— Бар-ра!!! Давай-давай! — откликнулись наемники.

— Не только героями, но и богачами мы вернулись домой! Наши пути разойдутся — через несколько дней. Мы сослужим эльфам последнюю службу и сопроводим послов, и доставим чудище куда следует, а потом каждый пойдет своей дорогой. Но куда бы вас не занесла судьба знайте — вернее меня у вас нет друга. Я за любого из вас буду пахать как лошадь и драться как лютей зверь!

— И мы, полковник! Разор, папаша, да мы за тебя...

Полковник потер костяшками пальцев уголок правого глаза:

— Я не знаю ничего кроме войны, кроме окровавленных палуб кораблей и истоптанных солдатскими сапогами полей сражений — так что моя дорога в наемники. Если есть те, кто хочет со мной остаться — я буду очень рад. Корабль я оставляю Жерару — если у кого-то есть желание присоединиться к нему, и стать свободным капером на службе герцога Аскеронского или какого другого лорда — воля ваша. Знамя мы отдадим на хранение квартирмейстеру... Наш Рем — он очень непростой человек. Я не имею права разглашать его тайну, но... — Аркан предостерегающе нахмурился, и Разор подмигнул ему: — Но если вы когда-нибудь в своей жизни услышите, что где-то набирают войско под черным знаменем с отрубленной головой Красного Дэна — так и знайте, я буду там! И там нас будут ждать добыча, слава и новые приключения!

Рем на самом деле растрогался. Он с достоинством принял древко штандарта и отсалютовал им своим соратникам.

— Бар-ра, Рем!

Разор тем временем продолжил:

— Наши люди донесли, что в городке Заводь нас уже ждут и готовят эльфам пышный прием. Ну что, устроим им показательное выступление? Пусть местные красотки млеют, увидев таких бравых молодцев, а? — дождавшись одобрительного гула, Разор щелкнул пятками, отчего раздался металлический ляг, и рыкнул: — Полчаса на опраться, умыться и побриться и привести одежду и доспехи в порядок! Бегом!

Это было довольно странно — сквозь прорези личины шлема наблюдать за родным отцом. Рем изображал из себя стражника на посту и потому и виду не подал, что его обуревают самые противоречивые эмоции.

Сначала над вершиной холма появилось развернутое черное знамя, потом показались всадники в серых коттах и выдавших виды, но еще добротных доспехах. Во главе своей избранной дружины скакал Сервий Тиберий Аркан Старший и его седая шевелюра развевалась на ветру, а горделивой посадке могли позавидовать и юные принцы крови.

Децима рядом с ним не было — как донесли коробейники, он проводил время в каком-то горном замке, который захватил не так давно, и решил там обосноваться.

Небесно-голубой шатер эльфийских послов и флажок с голубем стали центром притяжения местных владетелей: следом за Арканом на встречу с делегацией тьялери торопились Варнифы: всё семейство щеголяло желтыми попонами и коттами, и бирюзовыми щитами с гербом в виде перекрещенных секир. Дю Керваны прислали Жан-Жака, старшего сына — ражего детину в синем доспехе, на груди и спине которого были изображены белые летящие птицы. Представителей прислали и Орбаны, и, кажется, Дю Сенье, если Рем правильно рассмотрел герб с когтистой лапой. Энтин Инграм приехал сам, со своими людьми — единственному потомку некогда многочисленного рода некого было послать вместо себя, да и незачем.

Эльфы, которые сами пришли к людям и предлагают торговлю — это нонсенс! Совсем непохоже на замашки Высоких Лордов из Туринн-Таура! Наладить отношения с новым анклавом Старшего народа — большая удача, и аристократы не собирались упускать ее из рук. Тем более — герцог нынче ничего из себя не представлял как правитель и политик. А Бриану дю Грифону, коннетаблю, гонца уже послали. А что доедет он только к утру — ну так всякое бывает.

Воины под черным знаменем прибыли первыми, заставив глотать пыль своих соседей. Баннерет Сервий Тиберий Аркан Старший перекинул ногу через луку седла легко спрыгнул на землю и бодрым шагом подошел ко входу в шатер, буравя всё вокруг пронзительным взглядом черных, глубоко посаженных глаз.

Рем поймал этот взгляд и выдержал его, и подумал, что папаша сильно поседел за это время. Вон, даже брови седые.

— Мне пришло послание от сына... — бесцеремонно начал отец. — Я не видел его много лет! Есть у кого-нибудь сведения о нем?

Рем и Микке молча распахнули перед ним полог шатра с обеих сторон, и старый Аркан хмыкнул:

— Понимаю, служба... Но так и знайте, братцы-наемнички, я не поспею, если у вас есть что сообщить о Тиберии Аркане!

После того, как в шатер вошли остальные аристократы, Микке выдохнул:

— Кре-емень дядька он у тебя-а! Стра-ашное де-ело! Лучше бы я то-оже личину надел...

— А я говорил! — шепнул Рем, и тут же снова выпрямился, потому что в его сторону как-то подозрительно поглядывал Эдгар дю Валье — личный телохранитель Сервия Аркана, оптиматский ренегат, перешедший в ортодоксальную веру, двурукий боец и очень опасный человек.

Этот дю Валье снял шлем и перетянул свои длинные волосы кожаным ремешком, и проверил, хорошо ли ходят мечи в ножнах за плечами. Он подозрительно глядел на всех вокруг своими холодными рыбьими глазами, особенно — на людей дю Кервана и дю Сенье — они были оптиматами и разве что не плевались в его сторону.

Рем примерно представлял себе, что происходило в шатре. Судя по негромкому разговору, Эадор благодарил старшего Аркана за чудесного сына, который вытащил его с того света, и разомлевший отец, честолюбивый, как все его предки, и падкий на лесть, уже вполне благосклонно выслушивал его предложения об организации акционерного общества из купцов-ортодоксов и желающих вложить средства в предприятие аристократов.

В своем послании отцу, которое доставил ушлый Гавор, Рем обратил внимание Тиберия Аркана Старшего на этого коробейника, и предложил организовать через этих бродячих торговцев реализацию сначала награбленных на Низац Роск трофеев, а потом, после первых поставок — эльфийских товаров типа снадобий, украшений, семян и тканей.

Отец получал живые деньги, коробейники — уникальные товары, Гавор — должность старшины новообразованного цеха, а Рем — глаза и уши по всему герцогству, а может и за его пределами — кто знает? Они все должны были купиться на это дело: проснувшаяся в ходе приключений квартирмейстерская жилка просто вопила, указывая на возможность огромных прибылей!

Сервий Тиберий Аркан покинул шатер довольно скалясь и похлопывая себя по бедру перчатками.

— Эдгар! Мы едем к Каюзаку!

— Да, маэстру! — дю Валье еще раз подозрительно глянул на Рема, взлетел в седло и, свистнул, привлекая внимание дружинников.

Копыта выбили дробь по пожелтой траве, и люди Аркана, показывая неприличные жесты воинам дю Сенье и дю Кервана, умчались за своим неистовым сеньором. А Рем с неудовольствием подумал, что папаша опять расплевался с двумя самыми могущественными оптиматскими семьями округа. Чертов забияка!

Варнифы, Инграм, Орбаны и оба оптиматских клана ввалились в посольский шатер гурьбой. Этих интересовала в первую очередь светская составляющая визита — они мечтали увидеть эльфов в свои замках, на торжественных мероприятиях. Милостивый государь Эадор Нилэндэйл соглашался на все предложения и заверял всех в своем искреннем желании навести как можно больше мостов и заручиться дружбой таких замечательных людей.

Оптиматы покидали шатер с мечтательными выражениями лиц — как будто ангелов небесных лицезрели, остальные поспокойнее, но тоже в явно восторженном состоянии духа. Может быть, кроме Энтина Инграма — он кусал губы и хмурил брови, раздумывая о чем-то явно не таком веселом как балы и мероприятия.

Рем взял это на заметку: Инграм был парень что надо, хоть и популярен, и если он пришел со своей бедой к эльфам — значит у него были резоны предполагать, что им известно от нее средство...

— Ка-ажется, на сегодня всё! — Микке уселся прямо на землю. — Пойдем, пивка бахнем?

— Пойдем, — Рем тоже позволил себе расслабиться. — Надо только шаперон у ребят Оливьера одолжить, чтоб рожей своей не светить раньше времени. Эй, эй, ты секиру не бросай — без оружия никуда!

— Я-а возьму фальчио-он! — северный акцент снова стал слишком явным — видимо, Микке действительно перенервничал

— А! Ну, фальчион так фальчион.

В кожаном доспехе, с шапероном на башке, надвинутом на самые брови, и с палахом у пояса Рем смотрелся довольно злодейски. Длинный хвост капюшона он оставил свисать между лопатками — такие детали отвлекают окружающих, мешают им сконцентрироваться на лице. Ну а Микке из толстяка-увальня давно уже превратился в могучего светлородого великана, и теперь своим разлетом плечей и гигантским ростом внушал самые теплые чувства каждому встречному.

Предупредив Разора, который оставался в лагере, они зашагали к Заводи, откуда слышались звуки стихийно организованной ярмарки. Местные торговцы скупали трофеи у наемников, в обмен организуя им все нехитрые удовольствия, нужные солдату после долгого похода.

— Я присмотрел там отличное место-ечко, — сказал Микке. — Под таким бо-ольшим, то-олстым деревом — можно присесть в тенечке и послушать музыку.

Рем глянул на небо и хмыкнул: смеркалось, какой, к черту, тенечек? Огромную липу на окраине Заводи он хорошо помнил, но никаких питейных заведений там раньше точно не было. А теперь — появилось! Местные трактирщики в складчину наняли рабочих, огородили помещение, поставили столики из пустых бочек, табуретки из чурбаков, соорудили навес, под которым готовили еду и разливали напитки, и даже помост для музыкантов предусмотрели. Поварихами и разносчицами набрали тех самых вдовушек — они понимали, в чем состоит выгода работы с вернувшимися из далеких странствий героическими вояками.

Кое-кто из разбитных бабенок мечтал просто поразвлечься и подзаработать, другие — рассчитывали на нечто большее. Рема бабенки не интересовали в силу природной разборчивости и брезгливости, а Микке — по причине катастрофической застенчивости. Они устроились у самой ограды, в углу, чтобы не привлекать особенного внимания. Дождавшись вихлявшей бедрами веснушчатой молодки с подносом, за монету малую оказались обладателями двух огромных кружек портера и тарелки с жареной картошкой, ломтиками копченого мяса и парой зубастых вилок.

— Никто не подаст даме стул? — поинтересовался над ухом Рема какой-то смутно знакомый женский голос.

— Какого... Сибилла? — Аркан вскочил со своего места, хватаясь за палаш, а потом, рассмотрев ироничный прищур волшебницы и легкую улыбку на губах, как-то разом сдулся и указал на свой чурбак: — Присаживайтесь, ваше магейшество... Или как там правильно к вам обращаться?

— Правильно было бы принести третий табурет, милый Тиберий, — обворожительно улыбнулась волшебница.

Ее легкое, простое платье с корсетом а-ля пастушка, полевые цветы в медных волосах и простые стеклянные зеленые бусы смотрелись ничуть не хуже парчи, самоцветов и бархата, в которых Аркан видел ее раньше. Впечатление Сибилла производить умела — тембром голоса, позой, взглядом. Микке так и вовсе сидел как громом пораженный, и хватал ртом воздух, и ужасно краснел.

Аркан сходил за табуретом и заодно принес еще одну пинту портера.

— Благодарю! — сказала волшебница и вдруг уверенно взялась за кружку.

Микке и Рем заворуженно смотрели, как Сибилла в несколько больших глотков отпила половину, и предательская струйка пенного напитка убежала по изящной, смуглой шее прямо за корсаж, в ложбинку между... между тем, что полагается иметь потрясающе красивой женщине.

— Ох, спасибо, мальчики, — сказала она. — Эти порталы чудовищно выматывают, да и обезвоживание

заполучить — перспектива непривлекательная.

— Так! — взял себя в руки Аркан. — Откуда вы здесь, и каким образом меня нашли?

Волшебница закинула ногу на ногу, и свободная юбка задралась до середины бедер. Микке сглотнул.

— А я не тебя нашла. А его, — Сибилла ткнула наманикюренным пальчиком в мощную грудь северянина и заставила его покраснеть еще больше. — Это вообще был огромный сюрприз, что вы все оказались в одном трюме. Просто как в сказке, честное слово!

Рем поймал взгляд волшебницы и нахмурился. Это было черт знает что такое: Сибилла только что призналась, что прекрасно знала о злоключениях гребцов Дэна Беллами, и ничего не сделала, чтобы исправить ситуацию! Она могла просто сообщить Дециму, или Аркану Старшему...

— Ма-а-ть моя магия, не сверли меня взглядом, знаешь ведь, как это действует на нервы... — внезапно отвела глаза волшебница. — Если бы случилось что-то непоправимое — я бы оказалась на корабле, и маэстру Стросс тоже. Но вы отлично справились и без нас! А ваша авантюра с разграблением Малой Гряды Низац Роск — ну, это уже вошло в учебники, так и знайте!

— Я повторяю вопрос: как ты нас нашла? Можно его расширить: откуда ты знаешь, что с нами происходило?

— Микке, солнышко, можно я... — Сибилла не договорила и впиалась в губы северянина чувственным поцелуем.

Оторвавшись от него, она с некоторым сожалением сказала:

— Всё, я сняла метку, можете больше не дергаться.

— Та-а-ак эт-то была ты-ы! — растягивая слова больше чем обычно, ошарашенно проговорил Микке. — Я ничего-о не приду-умал!

Сибилла заложила выбившуюся прядь волос за ухо:

— Да-да, я была в той таверне. Ты напился вусмерть и пошел ко мне — знакомиться. Такой милый толстенький медвежонок... Я поставила тебе метку и отпустила... А сейчас ты ничего, заматерел! — она похозяйски потрогала мощный бицепс северянина и ткнула его кулачком в каменный пресс.

— Почему Микке? — снова спросил Аркан.

— Хиромантия.

— Херо-что?

— Я видела его руку. Его линия судьбы ведет в самую гущу событий, наблюдая за ним можно было попытаться выявить причины и предпосылки ждущей нас катастрофы — по крайней мере магистр Стросс так говорит.

— Мою руку тоже смотрела? Тогда, под дождем?

— Пф-ф-ф! — фыркнула Сибилла. — Я не самоубийца- копать в твоей судьбе! Ты же ортодокс!

Рем сделал зарубочку в памяти и снова спросил:

— И зачем ты здесь?

— А-а-а, тут законские ублюдки хотят меня прикончить. А я потратила силы на эти долбанные порталы... Может, поможете даме, мальчики? Вон, кстати, сидят, красавцы. Гляньте, какие рожи!

Она указала на компанию типов, которые угрюмо цедили какую-то кислятину из кубков и зыркали в сторону волшебницы. Морды у всех пятерых казались откровенно зверскими, каждый имел на поясе окованную железными пластинами палицу и кинжал. Стеганные гамбезоны были грязными и потрепанными, а вот желтые повязки на плечах — яркими и выделяющимися.

Сибилла показала язык их главарю и тот попытался встать, но был удержан своими товарищами.

— Так как? Честное слово, я вела себя хорошо, это Закан с цепи сорвался, жирный извращенец... Деловой разговор принял за флирт, представляете? Я что — виновата?

Рем поднял бровь:

— Позволь уточнить заранее, исключительно для того, чтобы избежать недопонимания в будущем: у нас сейчас деловой разговор или флирт?

Сибилла сладко потянулась, предоставляя возможность Микке оценить ее грудь и фигуру, а потом подмигнула Аркану:

— Немножко того, немножко другого... Вы ребята такие разные, и подход к вам нужен разный... Так что? Поможете мне покинуть этот городишко? У причала меня ждет лодка, мне будет достаточно лишь шагнуть на борт- и всё, ваша миссия окончена. А в обмен на эту услугу тебя, мой медвежонок, я поцелую еще раз, а тебе, милый Тиберий, я расскажу что за хрень сидит в трюме галиота... Не сейчас, позже — когда ты наведишь Башню в Аскероне. Просто проведите меня до причала, ладно?

И встала, взмахнув подолом. Микке тут же поднялся следом за волшебницей, пожирая ее взглядом. Тиберий хмуро огляделся в поисках подавальщицы, кинул на стол несколько мелких монет, и, дождавшись кивка от девушки с подносом, заторопился следом за удаляющейся парочкой. Краем глаза он увидел, как "желтые повязки" также торопливо отодвигают чурбаки и встают из-за стола.

Рем в несколько быстрых шагов догнал Сибиллу и Микке, и негромко, но четко произнес:

— За мной. Есть идея!

К причалу вело несколько тропинок. Во время сражения с гезами, тогда, несколько лет назад, Аркану и его соратникам удалось пробиться к кораблям потому, что они воспользовались короткой дорогой на окраине Заводи — через глубокий грязный овраг, по деревянному мостику. И сейчас Рем молился, чтобы этот мостик всё еще оставался на месте.

Едва не переходя на бег, троица устремилась вперед по тропинке, которая петляла меж заборов, домиков и плодовых деревьев.

— Закан — это который Фабрицио? — уточнил Рем на ходу.

— Он! По мнению кесарийских генеалогов — у этого слизня больше прав на престол, чем у остальных претендентов.

Столичные специалисты могли думать всё, что угодно, но жители герцогства скорее приняли бы откровенного душегуба дю Массакра, или расфуфыренного милочку Флоя, чем смирились бы с властью Закана. По крайней мере, пять лет назад каждый знал, что именно Фабрицио Закан был ответственным за львиную долю темных делишек, которые творятся в порту Аскерона, и именно он организовал в приток поденных рабочих из задыхающихся от бедности, бескормицы и отсутствия работы трущоб западных городов в доки и мануфактуры припортовой зоны. По всей видимости, эти ребята в гамбезонах были из их числа.

— Бегом, бегом! — поторопил Рем, увидев впереди очертания мостика. — Я прикрою!

Волшебница, разглядев ненадежность конструкции и отсутствие перил, ойкнула совсем по-девчачьи и остановилась в нерешительности.

Микке вдруг перехватил Сибиллу за талию, перекинул через плечо и в несколько громадных прыжков очутился на противоположном конце оврага. Рем с характерным металлическим звуком потянул из ножен палаш. Пятеро? Ну-ну! Сколько там было фоморов? Неважно, насколько велико у тебя войско. Важно, чтобы в это время и в этом месте ты мог создать подавляющее превосходство. Так было на островах Малой Гряды и на мостах реки Лзаа, так будет и сейчас!

Конечно, "желтые повязки" растянулись в цепочку, пыхтя в своих стеганых гамбезонах и топоча сапогами.

— Они не могли далеко уйти! — послышался голос главаря.

— Добрый вечер, маэстру! — Аркан отсалютовал первой паре клинком. — Дама под нашей защитой!

— А ты что еще за добрый вечер такой? — удивился первый головорез и замахнулся палицей.

Это был чистой воды идиотизм с его стороны — аккуратно отступив на бревна мостика, он почувствовал дуновение воздуха, созданное пролетевшей мимо окованной деревяшкой. Воспользовавшись инерцией, которая неумолимо заставила врага открыть правое плечо, качнувшись за оружием, Рем простецки ткнул его острием палаша и подвернул рукоять.

— Су-у-ука! — палица полетела в овраг, желтая повязка окрасилась кровью, противник попятился и сбежал в тень, уступая место двум подоспевшим подельникам.

— И вам добрый вечер! — став в классическую праворукую дуэльную стойку, левой Аркан изобразил неприличный жест.

— Курва мать, ты кто такой? — второй головорез выхватил еще и кинжал, и попытался атаковать с двух сторон сразу, и при этом не сверзиться в сточные воды, протекавшие по дну оврага.

Ответил Рем серией стремительных уколов, как минимум два из которых достали ребра противника. Гамбезон смягчил удары, но холодная сталь убавила боевого пыла травмированному закановскому прихвостню.

— Подвинься, дай я! — заорал главарь.

Рем потихоньку отступал по мостику, и когда почувствовал под подошвами мягкую грязь, довольно оскалился.

— Я тебе щас ухмылку с двух сторон дорисую! — пообещал мужчина и, вооружившись двумя кинжалами, устремился вперед по мостику.

Рем ухмыльнулся еще раз — более гаденько и, подковырнув носком сапога хороший комок грязи задулил его прямо в рожу врагу. Точнее, целился в рожу, но случился недолет, и жижа ляпнулась прямо под ноги желтоповязочнику. С криком "Ма-а-а-а!" он поскользнулся, потерял равновесия и полетел вниз с мостика, и смачно плюхнулся в зловонную речушку, которая несла в Скель сточные воды со всей Заводи.

— И тебе добрый вечер, мил человек! — дурашливо раскланялся Аркан.

Двое оставшихся боевиков Закана не горели желанием продолжать бой, они обратили тыл и попытались скрыться в тени деревьев. Но над самым ухом просвистел, вращаясь в воздухе, фальчион и, пробив насквозь гамбезон, вышел из груди.

— Давай-давай!!! — заревел северянин и ринулся в погоню за последним оставшимся на ногах врагом.

— Куда-а? — в последний момент Рем сумел перехватить Микке и они покатались по земле. — Чем ты рубать-

то их будешь? Хреном?

Встав и отряхнувшись от грязи, Аркан повнимательнее присмотрелся к своему товарищу. Глаза у северянина были шалые, а усы и борода измазаны чем то красным. Карминовая помада Сибиллы!

— Всё ясно. Она тебя всё-таки поцеловала. Попили пивка, конечно... Пора делать ноги, нам лишние расспросы не нужны!

До столицы княжества от Заводи было часа четыре скачки, и к тому времени, как Рем увидел развевающиеся на башнях знамена с гербами правящего герцога, у него порядочно болели бедра — всё-таки многомесячная морская прогулка кого угодно заставит позабыть навыки верховой езды.

Привязав лошадь у коновязи приснопамятной конюшни и кинув монетку мальчику-груму, он надвинул поглубже на лицо шаперон и даже закрутил его хвост вокруг шеи. Прогулявшись вокруг места своего похищения, Аркан обнаружил ведро с дерьмом на том же самом месте, и только плюнул с досады. Это ж надо было так попасть! Определенно, у него есть пара теплых слов для коннетабля Бриана дю Грифона и каштеляна Скабейки по поводу работы ночной стражи и городских служб!

На стене конюшни он увидел яркий плакат с бравым воином в серой броне с красным змеем-уроборосом на груди, который тыкал пальцем в лицо читателю:

А ТЫ ЗАПИСАЛСЯ ДОБРОВОЛЬЦЕМ? — гласила броская надпись.

Рем присмотрелся к тексту, набранному мелким типографским шрифтом чуть ниже.

"Кондотьер Децим Тиберий Аркан приглашает ветеранов и новобранцев в ряды личной наемной бригады! Давно мечтал обучиться военному делу, повидать мир, заработать денег и стать крутым парнем? Тебе к нам! Вербовочный пункт в Аскероне — в таверне " Три корочки хлеба", бригада базируется в замке Ларкеры, что недалеко от Тарваля"

Замок Ларкеры? У Децима появился собственный замок? Это было интересной новостью. Бригада наемников младшего Аркана не удивила — к этому всё шло, учитывая природные склонности его старшего брата. А вот замок..

Неожиданно над самым ухом раздался голос:

— Маэстру Тиберий Аркан, я полагаю? — и не успел Рем подумать, что после этой фразы всякий раз происходило какое-то дерьмо, и обернуться, как вдруг на голову ему нахлобучили плотный мешок, цепкие руки схватили за руки и ноги, и затащили в какое-то темное и душное помещение.

Лошадиное ржание и стук колес по брусчатке возвестили о том, что это был конный экипаж.

— Кур-рва, на том же месте, второй раз! А-а-а-а, гады, я сожгу эту чертову конюшню дотла, слышите? Дотла! — Рем вопил, пинался и вырывался в ярости, до тех пор пока его не кинули на дощатый пол и не принялись топтать ногами.

Силы были явно неравны, и вскоре он потерял сознание.

Очнуться от тянущей боли в руках и груди — это просто отвратительно. Обнаружить себя подвешенным в одних штанах на цепи в какой-то каменной камере — настоящий кошмар. Рем с трудом открыл глаза и попытался разобраться в ситуации.

— Маэстру Аркан, приветствую вас в моем скромном жилище. Прошу прощения, что пришлось вас побеспокоить, но мне очень нужно было поговорить с вами, — прозвучал усталый, чуть с хрипотцой голос.

Тиберий повернул голову и уставился на говорившего, покачиваясь на цепи. На Аркана смотрел кряжистый чернобородый мужчина в роскошном, черном с золотом дублете и щегольских шоссах. На пальцах его сверкали золотые перстни с крупными камнями, на груди болталась массивная золотая же цепь. Сейчас у него была борода лопатой, но несколько лет назад он носил элегантную эспаньолку... Барон дю Массакр!

— Чтобы поговорить со мной, вам достаточно было прислать посыльного с приглашением. Что вы себе позволяете, барон?

Массакр почесал бороду, скрестил на груди руки и вдруг рявкнул:

— Кто-то убирает претендентов на престол! Я знаю вашу аркановскую породу! Твой папаня замечтал скипетр для младшенького сыночка? Только через мой труп!... А, черт! — Массакр понял, что сказал глупость, стукнул кулаком в каменную стену, приблизил свои налитые кровью глаза к лицу Рема и проговорил: — Тибее-е-ерий! Ну зачем тебе быть герцогом? Оставь скипетр мне. Ну пожалуйста...

Коротко замахнувшись, он резко двинул молодому Аркану кулаком под дых. Тот задохнулся и беззвучно пытался ухватить ртом воздух, постепенно все четче осознавая, что находится во власти человека, у которого явно не в порядке с головой.

В глазах дю Массакра плескалось безумие, движения были дергаными, при разговоре изо рта летела пена... Это было действительно страшно.

— Забирай скипетр себе, барон. На кой черт он мне сдался? — выдохнул, наконец, Рем. — Хочешь, я официально заявлю об этом на городской площади? Давай, освободи мне руки, дай встать на ноги — и мы поговорим по-человечески.

Массакр размахнулся и съездил Рему по зубам здоровенным кулаком. Губу парню рассекло перстнем, в голове

как будто ударили в колокол.

— По-человечески? Гнида! — заорал Массакр. — Говори, какого хрена ты делаешь? Как ты убил Тарле? Кто тебя поддерживает?

Аркан повис на цепях, железные оковы впились ему в запястья. Голова гудела, из разбитой губы текла кровь, стали кровоточить еще и десны. Сплюнув красной жижей на пол, он сказал:

— Вот как тебе объяснить, что меня самого интересуют те же самые вопросы? И про Тарле, и про Тисбенда... Ну, по крайней мере, я теперь знаю что это не ты. Давай, отпусти меня — у нас последний шанс разойтись миром... Иначе... Ну, ты ведь знаешь нашу аркановскую породу, да?

— Ты мне угрожаешь? — Барон выпучил глаза. Он дернул себя за воротник, золотая пуговица отлетела, и, мелодично пробежав по полу, закатилась в щель между каменными плитами. — Йоп! Сюда!

Что значит «йоп»? Пока Рем над этим думал, в каземат вошел голый лысый мужик в одном только кожаном переднике и с саквояжем в руке.

— Мастер Тар-Малахай проведет с тобой разъяснительную работу, — злорадно сказал дю Массакр. — Йоп, ты не убей его, ладно? Я еще вас навещу...

Страшный человек кивнул и, пропустив барона, склонился над своим саквояжем, щелкая замками. У Рема потяжелело в коленях, стоять на носочках на каменном полу стало очень тяжело, а по спине пробежал неприятный холодок.

— Вас ведь Йоп зовут? — внезапно охрипшим голосом спросил Аркан.

— Меня зовут Йоп, да. Йоп Тар-Малахай, да.

Дю Массакр сделал галантный жест рукой, прощаясь, и вышел, аккуратно закрыв за собой дверь. Йоп Тар-Малахай стал доставать из своего саквояжа какие-то диковинные металлические приспособления и выкладывать их на белую тряпицу, расстеленную на полу. Рядышком он разжег жаровню, куда положил еще парочку металлических изделий.

— Эй, мастер Тар-Малахай, что вы собираетесь делать?

— Я собираюсь вас пытаться, да... Чтобы вы отвечали на вопросы, да...

Холодный пот выступил на лбу и спине Аркана и он дернулся, гремя цепью.

— Так я же отвечаю на вопросы, вашу мать! Сушью правду отвечаю!

Палач покачал головой:

— Вы отвечаете не то, что хочет его милость барон, да, совсем не то...

Он был очень близко, Рем видел его лысину, плохо побритую и с красными пятнами грибка. Нужно было что-то срочно предпринимать!

Вдруг Йоп схватил из жаровни железяку и ткнул ей Рему в ногу. Раздалось ужасное шипение, каморку заполнил запах горелой плоти, Аркан разразился проклятиями и еще сильнее затряс цепь.

— КАК ТЫ УБИЛ ТАРЛЕ?! КТО ТЕБЯ ПОДДЕРЖИВАЕТ? КАК ТЫ СОБИРАЕШЬСЯ УДЕРЖ ВЛАСТЬ?! — вдруг заорал Йоп дурным голосом.

Он, крича, очень непрофессионально наклонился к самому уху Аркана, и тот почувствовал, как у палача воняет изо рта. Этот гнилостный запах послужил катализатором, который пробудил в душе Рема волну всепоглощающей ярости, пришедшей на смену страху.

— Аххх-гр! — из его горла вырвался то ли хрип, то ли боевой клич.

Уцепившись за цепь и игнорируя больно врезавшиеся в запястья оковы, он подтянулся и врезал мастеру Тар-Малахаю коленкой по яйцам, а когда тот скрючился от боли, вцепился ему зубами в ухо. Отвратительно!

Йоп выронил орудие пытки и заверещал тонким голосом. Он попытался вырваться, и, Рем готов был поклясться, что услышал, как что-то порвалось в ухе. Аркан разжал челюсти и еще раз наподдал куда-то ногой, ушибив палец. Клацнули зубы, дав понять, что удар ногой пришелся палачу в подбородок. Йоп отскочил в сторону, споткнулся о катушку, вокруг которого был намотан конец цепи. Рем ужаснулся — ухо болталось на какой-то красной ниточке, изо рта у палача шла кровь. Он что, прикусил себе язык?

Йоп промышчал что-то невразумительное и принялся стучался в дверь. Аркан изо всех сил дергал цепь, которая была протянута через кольцо, ввинченное в потолок, и заканчивалась барабаном у дверей, крепления которого, кажется, задел палач. Дверь приоткрылась, и сверкнув голой задницей, мастер Тар-Малахай скрылся за ней.

Раздирая в кровь кожу рук, Рем потянул за цепь, потом принялся раскачиваться, стараясь хоть немного ослабить натяжение — и это ему удалось. Лязгнув, катушка крутанулась, и Аркану удалось твердо встать на ноги, и опустить закованные руки на уровень пояса.

В этот самый момент в дверь ворвались два стражника в черно-золотой форме. Они, наверное, услышали лязганье цепи, и решили проверить, в чем дело. Или просто намеревались отдубасить буйного пленника. В любом случае, все не задалось с самого начала. Тиберий с силой потянул за цепь и крепление катушки — увесистая металлическая скоба — вылетела из гнезда, и прилетела в нагрудник одному из стражников, ошеломив его. Второй

ткнулся ему в спину, не успев затормозить. Воспользовавшись сумятицей, Рем метнулся в сторону двери, цепью опутывая ноги воинов.

Они были еще совсем молодыми, эти стражники. Новый призыв дю Массакра? Более опытные товарищи заняты исполнением других важных приказов? Барон так сильно доверял своему палачу? Ответы на эти вопросы мало волновали Рема, когда он сцепленными в замок руками с намотанной на них цепью превращал в кашу лицо того противника, который оказался к нему ближе. Второй пытался освободить ноги и встать, так что Аркан успел завладеть коротким мечом.

— Ну, иди сюда! — заорал он, наконец-то почувствовав, что теперь может повлиять на ситуацию.

Второй стражник не стал принимать бой, а испуганно вскрикнув, точно так же как и Йоп Тар-Малахай до этого, скрылся за полуприкрытой дверью, даже не озаботившись тем, чтобы запереть ее.

Нечего было и думать, чтобы освободиться от оков. Ключи от цепи были либо у барона, либо у палача, так что Рему пришлось намотать на свой голый торс всю цепь — локтей десять или пятнадцать, оставив длину достаточную для того, чтобы владеть мечом. Получился некий странный доспех, который постоянно норовил расползтись и волочиться по полу. Да и ощущения от холодного металла на теле были малоприятные.

Наподдав для верности ногой по башке стражнику с разбитым лицом и поудобнее перехватив обеими руками меч, Рем пинком открыл дверь и выглянул в коридор. Пусто! Судя по всему, это была башня, и он находился то ли на втором, то ли на третьем этаже. По винтовой лестнице парень спустился вниз, никого не встретив, и услышал надрывный, хлюпающий голос Йопа, который что-то громко вещал. Дверь открывалась вовнутрь, и Рем притаился за ней, мечтая раскроить сумасшедшему палачу голову.

В щелку между косяком и дверью молодой Аркан увидел, что вместе с Йопом к башне шел дю Массакр, уже в кольчуге и с мечом на поясе.

— Ща-ас... — прошептал Рем сам себе, и, подождав, пока дверь приоткроется еще немного, изо всех сил ударил по ней ногой.

Послышались вопли Йопа, Аркан выскочил наружу и, размахивая мечом и гремя цепью заорал диким голосом:

— А-а-а-а! Не ждали?! Давай-давай!!!

Оглядевшись, он увидел упавшего Йопа с расплюснутым носом, ошеломленного барона, тянущего клинок из ножен, мельгешащую по внутреннему двору усадьбы стражу и сотрясающиеся от ударов тарана окованные железом ворота. Помощь близко!

Рем набросился на дю Массакра, нанося яростные удары со всех сторон. Походя, аркановская ступня прошлась по роже мастера Тар-Малахая и тот взвыл.

Дю Массакр сумел уклониться от первых стремительных выпадов, потом наконец вытянул меч из ножен и стал отбиваться, вопя при этом:

— Стража! Стража!

Рем хрипел и рычал, взбешенный. Стражники сбегали со стен, спешили на помощь своему сюзерену. Аркану удалось достать барона в правую руку хитрым финтом, на землю упали капли крови дю Массакра. Клинки звенели, и в глазах дю Массакра появилась сначала неуверенность а потом — страх. Всё-таки молодой аристократ был моложе и сильнее, да и боевого опыта набрался за последнее время.

— Давай! Давай! — повторял младший Аркан, наседая на барона.

В какой-то момент подросла стража, и дю Массакр отпрыгнул, торжествующе ухмыляясь:

— Сейчас мои ребята выпустят тебе кишки, ублюдок!

Его ухмылка сменилась испуганной гримасой, когда ворота поддались бешеному напору снаружи, створки распахнулись и во двор ворвалась толпа воинов — здесь были Разор, Микке, Оливьер с ребятами, и еще — больше дюжины лихих вояк в одинаковых доспехах и шлемах-шапелях. Впереди шел с высокий и худой коротко стриженный мужчина. Он замер на мгновение, обвел леденящим душу взглядом черных, глубоко посаженных глаз весь двор и, увидев Рема, вдруг как-то по доброму улыбнулся:

— Бра-а-ат! А я смотрю ты и без нас справляешься, да?

— Децим? — не теряя времени, Рем саданул барону рукоятью меча в подбородок и, дождаввшись пока он кулем свалиться на землю, сказал, обращаясь к оставшимся воинам дю Массакра: — Бросьте оружие пока не поздно, ребята...

— А вот и кавалерия! — довольно кивнул Децим, указывая на группу тяжеловооруженных латников, громадные кони которых пробивали себе путь в толпе собравшихся зевак. — А я только думал сжечь массакровское поместье к чертям!

Во главе отряда подбоченившись ехал седой усатый рыцарь в доспехах с изображением грифона на кирасе. Это был коннетабль Бриан дю Грифон — верховный главнокомандующий герцогства и фактический правитель Аскерона во время болезни его высочества.

— Никто ничего здесь сжигать не будет, Змий! — громогласно пророкотал он. — Что вы здесь за войну устроили?!

— Добрый день, маэстру коннетабль! — Децим театрально раскланялся. — Вы как всегда вовремя.

Рем шагнул вперед и, сплюнув снова собравшуюся во рту кровь, сказал:

— Официально заявляю — барон дю Массакр похитил меня, Рема Тиберия Аркана из Аскеронских Арканов среди бела дня у городских конюшен и пытал в в своем особняке. Мне пришлось применить насилие чтобы освободиться, и эти люди — в том числе мой брат Децим Тиберий Аркан — пришли мне на помощь, защищая от самоуправства и произвола. Если герцогское правосудие не в силах обеспечить справедливость и наказание виновных — мы займемся этим сами, по праву крови и чести!

Коннетабль грузно спрыгнул с коня. Он был довольно невысок и не отличался массивностью, но то, как легко он двигался в полном рыцарском облачении, говорило о недюжинной силе и огромном боевом опыте.

— Всё сказали? — брови его грозно шевелились. — Две наемные кампании осаждают подворье барона дю Массакра и грозятся расправится со всяким, кто им в этом помешает! Это нормально!? В городе есть законные власти, в моем лице, естественно! Почему гонец явился так поздно? Решили учинить самосуд? А теперь Змий говорит что собирался устроить в городской черте пожар! Вы представляете себе...

Горячка боя схлынула, и Рем почувствовал слабость. Доказывать что-то не хотелось, и он только сказал:

— По-вашему я стал бы сам себя прижигать каленым железом?

А Децим добавил:

— Если все Арканы от моря до моря узнают о произошедшем... Вы знаете что будет: кровная месть и резня родни Массакров до седьмого колена. Кажется, вам следует войти в ворота и взять барона под стражу, маэстру коннетабль

Бриана дю Грифон злобно глянул на Децима:

— Не учи меня жить, Аркан! Думаешь, набрал себе банду головорезов и одолел Роака Кагринака и теперь — первый парень на селе? Не забывай — вы все у меня вот где! — и продемонстрировал закованный в латную перчатку кулак. А потом скомандовал латникам: — Возьмите дю Масскра!

Барон смотрел исподлобья, неожиданно для себя оказавшись в оковах, бормотал под нос проклятья и клялся выпотрошить братьев-Арканов в самое ближайшее время. Латники взяли его "в коробочку" и под гул толпы направились в сторону мрачного здания комендатуры, где держал штандарт дю Грифон. Он развернулся в седле и грозно заявил:

— Жду вас у себя для дачи показаний!

— Всенепременно... — буркнул Рем.

— Пойдем, братик, в порядок тебя приводить, — Децим подставил свое плечо.

— Слушай, — спросил младший Аркан, чувствуя, как темнеет в глазах и шумит в голове. — А почему он всё время называл тебя Змий?

Флавиан выглядел великолепно в своей серой сутане. Длинные волосы, ниспадающие на плечи и небольшая борода вполне соответствовали сану священника-миссионера, в котором сейчас находился этот достойный представитель семейства Арканов.

— Поверить не могу, что мы все втроем вот так запросто находимся в одном месте... — проговорил он и обнял братьев.

— Да уж — сказочная тварь в трюме пиратского корабля — достойный повод собраться! — усмехнулся Децим. — На кой черт ты тащил ее в Аскерон, брат?

Рем пожал плечами:

— Она настаивала, что ее невозможно убить. Я подумал — дело темное, пусть церковь разбирается. Запихали ее в этот гроб и торчала она там всю дорогу и не пикнула. Может — сдохла?

— Не сдохла, — нахмурился Флавиан, наблюдая, как дюжие послушники-зилоты стаскивают по сходням и грузят массивный, оббитый железными полосами ящик в карету с четырьмя священными огнями на крыше. — У вас в команде есть кто-то жутко грамотный, да? Вот эти охранительные стихиры на крышке и литания на стенках — они помешали твари вырваться, а не цепи и дубовые доски.

— Это я. Я такой грамотный, — кивнул Рем. — Эти стихиры у нас на воротах замка выбиты, однако. Подумал, что оно и здесь будет не лишним. Куда повезете монстра?

— В один горный скит, откуда ей точно не выбраться. Рем, его высокопреосвященство ждет тебя в любое время дня и ночи — я имел с экзархом разговор и о содержимом этого ящика, и о твоих приключениях, и о миссии северянина. Не откладывай с визитом, сам понимаешь.

Младший кивнул и еще раз с головы до ног осмотрел своих единокровных братьев. Они были похожи и не похожи на него одновременно. Высокий, чуть сутулый Децим, весь напряженный, как сжатая пружина. Его взгляд был полон скрытой убийственной мощи, давил, гипнотизировал — становилось понятным это странное прозвище — Змий. И Флавиан — стройный, изящный в своей строгой сутане, с горящим взглядом аркановских черных глаз, которые, казалось, светились изнутри... Интересно, а как его, Рема, видели братья? Он был младшим, после него родилась только Селена, но с девочки спрос совсем другой...

Как будто отвечая на его мысли, Децим внезапно ухватил брата за плечо, по-хозяйски пощупал руку:

— А и здоров же ты стал, братец! Это тебя эльфы раскормили?

— Ты не поверишь — гёзы! Сутками напролет махал веслом и жрал жирную кашу с рыбой, а еще носился как белка в колесе.

— Кстати о пожрать! Тут, говорят, местные оборудовали какое-то интересное заведение — прямо под деревом! Один сержант сильно хвалил местные бараньи ребрышки! Давай, перекусим и мотнем в замок — папаша уже заждался! — решительно заявил старший.

Рем поехал — встреча с отцом лицом к лицу его несколько нервировала. Да и под деревом он уже один раз посидел — не совсем удачно. Однако, Децим решительно зашагал от пристани к городку, и оба брата последовали за ним. Флавиан бросил в сторону младшего хорошо знакомый взгляд, который означал примерно следующее: "тут сопротивление бесполезно, можно просто постараться получить удовольствие в процессе". Они оба знали — с Децимом спорить бессмысленно. Захотелось ему бараньих ребрышек, понимаешь ли!

Они посмотрели друг на друга, подняли деревянные кубки с вином и соединили их над столом. Впервые за всю жизнь! Состоявшиеся, взрослые мужчины, за плечами у которых — годы испытаний и трудностей. Это было новое чувство, и каждый из братьев переживал его по-своему.

Вино было лютой кислятиной, от которой сводило зубы, и Децим вцепился зубами в ребрышки, Флавиан взял ломтик сыра из тарелки, а Рем сунул в рот кусок буженины.

— Так значит, каждый из нас решил доказать папаше свою самостоятельность, да? — оторвавшись от барашка, старший брат вытер губы тыльной стороной ладони. — Синхронный бунт молодой Аркановской поросли.

Рем заметил в его волосах проседь — Децим был практически наполовину седой, в свои-то неполные тридцать!

— Получилось, если честно, не очень, правда? — мягко улыбнулся Флавиан. — У меня так точно...

— Ну-ка, ну-ка! — Рем отставил в сторону кубок с кислятиной и помахал уже знакомой подавальщице: — А можно настой листьев Ча? Да-да, и медку.... Спасибо. Так что, Флавиан? Ты же вроде подался в миссионеры, от тебя я получил последнее письмо, когда ты пересекал Рубон Великий! Нести слово Божье диким племенам — что может быть более непохожим на стиль нашего папаша?

— Давай, расскажи ему, — снова переключился на ребрышки Децим.

Флавиан на секунду спрятал лицо в ладонях а потом собрался с духом и выдал:

— Я там сжег двенадцать ведьм. Самых настоящих ведьм, спаси и сохрани нас Господь!

— А?! — вытаращился Рем.

Ему было крайне сложно представить дружелюбного и обходительного Флавиана в роли инквизитора, проводящего аутодафе. Средний брат беззащитно поднял ладони вверх:

— Так некому больше было! Целый ковен оседлал город, жителей преследовали эпидемии, пожары, ночные кошмары и неудачи... И тут появился я. По косвенным признакам стало ясно — дело нечисто, а потом и первая ведьма обнаружила себя. Очень глупо, как-то по-дилетантски что ли... Попыталась меня проклясть, поставила двойную переплетенную свечу в подсвечник во время богослужения. Она уже извела так трех этих, ну... — Флавиан провел рукой по своим длинным волосам. — Коллег-оптиматов. Пресвитеров, которых посылал Синедрион, находили мертвыми за воротами города, без следов насилия... В общем — эта вполне приличная на вид женщина задела подолом платья основание подсвечника, и уронила его на себя. Волосы ее загорелись и платью тоже. От боли, страха и неожиданности она явила свое истинное обличье — прямо там, в шатре походной церкви!.. А дальше — всё как в дурацких легендах и балладах. Розыск, следствие, метлы, черные копки, котлы, зелья... Толпа горожан с вилами и факелами у домов обвиняемых. И я — во главе всего этого. Я очень, очень боялся ошибиться. Я каждую ночь бился лбом об пол перед алтарем, умоляя Господа не дать мне ошибиться! Знаете, что было самое страшное за эти недели?

Децим швырнул бараньи кости под стол, и облизал пальцы. Тут же появились две мелкие псинки и устроили грызню за добычу. Рем заворожено смотрел на молодого миссионера, настоящего, правильного ортодоксального священника, в которого превратился его брат, и ждал продолжения истории.

— Я дважды вырывал невинных из рук толпы. Один раз это была девочка — лет одиннадцати. У нее было родимое пятно на лице, и эти... Невежественные люди решили что это — отметка темных сил! А второй была бабушка, травница — она ведь лечила горожан, помогала им многие годы! — лицо Флавиана раскраснелось, глаза горели. — Бабуле они подожгли дом, а девочку намеревались бросить в мешке в реку — устроить, прости Господи, Божий суд. Мол, если выплывет- значит ведьма! Утонет — упокой Господь ее невинную душу.

Он потер бровь, которую пересекал косой шрам.

— Камешком прилетело. А с ведьмами мы справились — со всеми по очереди. Выследили и схватили — одну за другой, одну за другой... Кошмар в чистом виде. Это не дело миссионеров — сражаться с ведьмами. Это — призвание зилотов!

— Но ты справился, брат. Горожане выстроили на месте твоего шатра огромный собор, теперь у них там настоящий Экзархат, людей учат грамоте и гигиене, каменному зодчеству и четырехполью...

— Справился, — покачал головой Флавиан. — Папаша сжег первую ведьму в семнадцать, когда служил зилотом-храмовником на Юго-Востоке.

— А собор они деревянный выстроили? — спросил Рем. — Ну, если каменному зодчеству их пришлось учить?

— Деревянный. У них удивительный срубы, хотя мы и считаем их дикарями — традиция деревянной архитектуры, резьбы, плетения там просто потрясающие! Я когданибудь вернусь в те места, видит Бог, обязательно вернусь!..

— Это всё, что тебя интересует, Рем? — поднял бровь Децим. — Деревянный ли был собор?

— Не-а. Меня интересует твое кольцо на пальце и замок Ларкери, — подмигнул ему младший. — Ты ведь женился, да?

— Это и есть история про мой бунт, братики. Флавиан слышал ее последнюю часть, и даже венчал нас с Аглаей, но...

— Да-да, я с удовольствием послушаю еще раз... Очень, очень романтично.

— Ладно, ладно! — кислятина в кубке не смущала старшего братца, он пил ее с видимым удовольствием, и кривился тоже — с удовольствием. — Я искал базу для наемной компании. О бригаде я тогда и мыслить не смел: какая бригада из дюжины сельских парней? И вот, мотаясь по предгорьям в поисках какого-нибудь сносного убежища подальше от отцовских глаз, я остался ночевать в лесу. И, черт побери, коня моего сожрало зверье! В общем — я один, посреди леса, в какой-то глуши, до ближайшего жилья не меньше суток пути... А тут еще дождь полил, с гор хлынули потоки воды, и ориентироваться стало совсем трудно... Брел практически на ощупь, целый день. Вымок как собака, вся еда размокла, я замерз, но к вечеру ноги мои почувствовали брусчатку. Брусчатка — в лесу? Так, как кретин постукивая каблуками, я и шел, пока не уперся в заросшие плющом стены замка... Точнее — уперся-то я в ворота в стене. Ров затянуло тиной, замок находился в жутком состоянии — но пара окошек горела. Я стал стучать в ворота, и окошечко в них отворилось, и высунулась оттуда совершенно жутка рожа, скажу я вам! Огромная образина, в плечах пошире тебя, Рем, а ростом аки пожарная каланча! Он спросил по какой я надобности, я сказал — мол заплутал и всё такое... Привратник пустил меня, и разрешил переночевать в конюшне. А ночью

дождь кончился, и я услышал прекрасный девичий голос, который раздавался во тьме. Покинув конюшню, я понял — девица поет в окне на вершине донжона, и взобрался туда по побегам плюща.

— Слушайте, это просто рыцарский роман какой-то! — улыбнулся Рем.

— Черт меня подери, так всё и было! Дальше — больше! Девица — и премиленькая — оказалась Аглаей Ларкери, наследницей окрестных земель и замка. Она, конечно, сразу меня испугалась, а потом увидела в таком внезапном визите шанс для спасения. Ну и меня получше рассмотрела тоже! — Децим приосанился. — Ларкери — род захудалый, но известный в свое время... В общем, Аглаю взаперти держал родной дядя — Люсьен дю Ваграм, пропащий человек, смутьян и мот. Его лишили наследства, но после скоропостижной кончины ее родителей он наложил лапу на замок, казну и припасы, забрал всё это и убрался в Кесарию, оставив сторожить пленницу двух дегенератов — привратника и дворника — такого же огромного верзилу. Девчонку они не трогали, приносили ей попить-покушать, воды помыться, а сами пьянствовали и жрали днями напропалую. Раз в пару месяцев навещался дядюшка, чтобы утащить очередной антиквариат на продажу, выпить вместе с этими уродами и поугуговаривать Аглаю выйти замуж за какого-то своего дружка, которому, понимаешь ли, хотелось занять наследников от девственной наследницы знатного рода, а за это он обещал милому Люсьену долги списать. Короче — девушка была в беде, и, честно говоря, мне жуть как понравилась. Ну и ситуация располагала. В общем, я спустился по стене обратно, и увидел, как эти ублюдки копаются в моих вещах, а в руках у них — здоровенные такие дубины! Ну, это уже был перебор — хотели убить меня спящего, а песенка Аглаи меня спасла, выходит! Я вступил с ними в схватку, и прикончил обоих, хотя это было и непросто, уж больно великоваты они были. Может, там не обошлось без фоморской крови? Я нашел ключи, и отворил башню, и... Ну, в общем, мы решили пожениться, да. Тем более она была приличная ортодоксальная девушка, и после всего, что между нами произошло, у нее и других вариантов-то не было. А я что? А я только за! Ну, ситуация располагала, сами понимаете... А наутро появился Люсьен. С целой вереницей мулов и двумя слугами — такими же уродливыми как и те мрази, которых я прикопал на заднем дворе. Я прикончил его к чертовой матери, в два удара, и пообещал погонщикам, что выпотрошу и их тоже, если они тут же не отправятся со мной в Аскерон и не расскажут о делишках своего хозяина коннетбалу. Они, конечно, согласились!

— Ситуация располагала, сам понимаешь! — подмигнул Рему Флавиан.

Рем улыбнулся — история получалась что надо! Его братики тут, оказывается, тоже времени даром не теряли, пока он разливал пиво в Смарагде и корячился над фолиантами, а потом — махал веслом и рубал в капусту гёзов вперемешку с зубастыми эльфами.

— И какой счастливый конец у этой великолепной истории?

— Два беловолосых и черноглазых пацана, Рем! Твои племянники — вот счастливое продолжение истории!

— А? Это я — дядя что ли теперь? Де-е-е-ецим! — Рем облапил брата. — С меня — подарки! Как зовут-то племянничков?

— Тибериями, как же еще? — почему-то смутился старший брат.

— Этот ирод назвал их Прим и Секунд, — хихикнул Флавиан. — Ты ведь знаешь — с воображением у него того, этого...

— Отстань, святоша! — Децим ткнул его куском мяса в лоб, и средний брат принялся отбиваться от него обеими руками.

Рем вдруг заржал в голос — так громко, что на него стали оборачиваться люди из-за соседних столиков.

— Э-э-э-э, да ты чего?

— Да мы это... О-о-о-ох! Мы решили всем доказать что мы отличаемся от старших Арканов, да? Ой, не могу... Мы не такие, да? Аркановская репутация — это на про нас, да? Хо-хо, братики, мы с вами матерые кретины, да?

Децим и Флавиан недоуменно переглянулись а потом до них дошло.

— То есть ты в эльфийской сказочной стране сражался в пещере с драконом, я освобождал юную деву из замка великанов, а Флавиан снимал с города проклятье, причинял добро и наносил счастье для всех и даром, да? У-у-у-у... Старый над нами будет смеяться до конца своих дней! — Децим не выдержал и нервно хихикнул.

Флавиан подхватил, и трое братьев разразились продолжительным приступом дурного смеха.

Замок Аркан показался как всегда внезапно — серые башни с реющими над ними черными знаменами мрачным пятном врезались в зеленую безмятежность беленнорских холмов. Поля вокруг замка колосились — урожай обещал быть знатным!

Поселяне-ортодоксы с достоинством приветствовали молодых баннеретов, девушки и женщины тут же бежали поделиться новостями с подругами и соседками: младший Аркан, которого считали мертвым, вернулся!

Вперед, к замку, галопом рванул всадник-мальчишка, чтобы успеть донести радостную весть первым.

— По поводу эльфов, как думаешь — смогу я завербовать у них пару дюжин лучников в бригаду? — поинтересовался мимоходом Децим. — Говорят, они в этом деле очень талантливы.

— Познакомлю тебя с Эадором — отличный мужик, хоть и эльф. Кажется, его заинтересует твое предложение, — вспомнив, как хладнокровно милостивый государь Нилэндэйл расстреливал тонущих гёзов, Рем подумал, что они вполне могут найти с Децимом общий язык.

Лошади цокали подковами по мощеной диким камнем дороге, грохотал колесами фургон, набитый долей добычи одного ушедшего квартирмейстера.

Ворота замка уже были распахнуты, мост — опущен. На мосту стоял человек в сером плаще с багряным подбоем. Его седые волосы развевались на ветру. Рем соскочил с коня, сделал пару шагов в сторону отца и проговорил, опускаясь на колено и пряча глаза:

— Отче! Я согрешил против неба и пред тобою и уже недостойн называться сыном твоим...

Сервий Тиберий Аркан сделал шаг вперед и прижал голову младшего сына к груди. Во взгляде его мелькнули смешинки:

— Принесите лучшую одежду и оденьте его, и дайте перстень на руку его и обувь на ноги его! — провозгласил он. — И станем пировать: есть, пить и веселиться! Ибо этот сын мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся!

А Децим с Флавианом, давя ухмылки, подсказали:

— И тельца! Еще нужно сказать про откормленного тельца, отец!

— У-у-у, вам лишь бы жрать, проглоты! Обойдетесь курятиной сегодня, никаких вам тельцов, тоже мне! — сверкнул на них глазами папаша.

Новый приступ дурного аркановского хохота слышали, кажется, даже в Аскероне.

И это конец первой истории про Рема Тиберия Аркана, его замечательную семью, ортодоксов и Аскерон.

Больше книг на сайте - Knigoed.net